

ЛЕН ДЕЙТОН
БОМБАРДИРОВЩИК

историко-художественный роман о событиях второй мировой
(сканируется по изданию: Лен Дейтон. Бомбардировщик
("The bomber"). Роман.- М:Воениздат, 1976.
перевод с английского - П.И. Качура отсканировано by UDA, 1997г.)

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Погода для полетов бомбардировочной авиации была идеальной: сухой воздух, слабый ветерок, способный

развеять дымку над целью, и достаточно большие "окна" в облачности, чтобы увидеть и распознать несколько

звезд для ориентировки.

В спальне было так темно, что прошло несколько секунд, прежде чем Рут Ламберт увидела стоящего у окна мужа.

- Что случилось, Сэм? - спросила она.

- Обращаюсь с молитвой к матушке луне. Еще не вполне проснувшись, Рут вяло рассмеялась:

- О чем ты говоришь? Зачем тебе молитвы?

- А ты разве не согласна, что мне следует пользоваться любимыми колдовскими приемами?

- О, Сэм! Как тебе не стыдно говорить об этом! Ведь ты... - Она запнулась.

- ...вернулся целым и невредимым из сорока пяти рейдов? - докончил он за нее.

Рут кивнула. Она побоялась сказать это вслух, потому что и в самом деле верила в колдовство и всякие дурные и хорошие приметы. В такие ранние утренние часы трудно было не оказаться во власти присущих простому человеку сомнений и опасений. Она включила лампочку у изголовья кровати, и Сэм инстинктивно

прикрыл глаза рукой. Это был высокий мужчина двадцати шести лет. От длительного ношения форменной рубашки с плотно прилегающим воротником на шее Сэма образовалась резко очерченная линия загара, и его

мускулистое тело казалось из-за этого бледным. Он поправил свои растрепавшиеся черные волосы и почесал

около носа, на котором виднелся маленький шрам, пропадавший в морщинках улыбки. Рут нравилось, когда он

улыбался, но в последнее время улыбка на его лице появлялась все реже и реже.

Сэм застегнул желтую шелковую пижаму, которую Рут купила в магазине на Бонд-стрит, заплатив за нее довольно большую сумму. Она подарила ему ее в день их свадьбы, три месяца назад; он тогда очаровательно

улыбнулся ей. Сегодня он впервые надел эту пижаму.

Как единственной супружеской паре среди гостей в доме Коэнов, им отвели спальню в стиле эпохи Карла 1. Гобелен и панельная обшивка в ней были столь роскошными, что Сэм непроизвольно говорил шепотом.

- Какой скучный уик-энд для тебя, дорогая: только и разговоров, что о бомбах, бомбардировке, бомбардировщиках...

- А мне нравятся эти разговоры. Я ведь тоже в королевских военно-воздушных силах, не забывай. Члены твоего экипажа, во всяком случае, очень милые ребята.

Она сказала об этом с заметной осторожностью, ибо в одном из последних налетов на объекты в Германии

экипаж бомбардировщика, которым командовал ее муж, потерял штурмана. С того дня имя штурмана по обоюдному молчаливому согласию не упоминалось ими ни в одном разговоре.

Где-то в небе, выше облаков, пролетел самолет. "Обычный тренировочный полет", - подумал Ламберт.

- А что, Кошер Коэн - это тот, который очень плохо себя чувствовал тогда, в первый раз?

- Нельзя сказать, чтобы очень плохо, он просто... - Сэм махнул рукой. - Я, пожалуй, полежу еще немного, - сказал он, не закончив мысли. - Который час?

- Пять тридцать утра. Сегодня понедельник.

- В следующий уик-энд мы поедем в Лондон, посмотрим "Унесенные ветром" или какой-нибудь другой фильм.

- Обещаешь?

- Обещаю, - ответил он. - Шторм, кажется, прошел. Завтра будет летная погода.

Рут вздрогнула.

Сэм опять посмотрел в окно. Стекла в нем были мутные, с пузырьками, поэтому росшие поблизости деревья казались какими-то нелепыми, уродливыми. На востоке, в том направлении, где находились Нидерланды и Германия, небо над морем уже настолько осветилось восходящим солнцем, что на его фоне хорошо вырисовывались силуэты деревьев и линия горизонта. Облачность восемь баллов, слабый лунный свет.

В таких условиях можно выслать целую авиагруппу и никакой наблюдатель на земле не обнаружит ее. Впрочем,

у них ведь есть эти проклятые радиолокаторы, от которых не спасет никакая облачность.

Сэм резко отвернулся от окна, сделал несколько шагов по холодному каменному полу и посмотрел на лежащую в массивной кровати жену. Белая подушка под ее черными волосами казалась мраморной, а сама Рут с

плотно закрытыми глазами была похожа на сказочную спящую принцессу, которая вот-вот очнется от волшебного поцелуя. Сэм ловко нырнул под одеяло. Под его весом пружины забавно скрипнули. Рут прижалась

к его прохладному телу.

- Я люблю тебя, - прошептала она.

...Его глаза были закрыты, но Рут знала, что он не спит. Уже много раз по ночам они так же вот оба не спали. Она прижалась щекой к его груди и прислушалась к биению сердца. Убедившись, что оно бьется спокойно, ритмично и уверенно. Рут вскоре задремала.

Великолепный в прошлом, загородный дом семьи Коэнов теперь из-за порожденной войной нехватки рабочей силы и материалов выглядел куда менее импозантным. На стене в столовой появилось пятно от сырости, а ковер на полу лежал так, чтобы вытоптанная часть была скрыта под сервантом.

После кратковременного отдыха каждый из гостивших в этом доме авиаторов начал свыкаться с мыслью, что пора отправляться на службу, и каждый по-своему предчувствовал, что сегодняшний день закончится боевым вылетом. Ламберт сел на то место за столом, откуда можно было бросить взгляд на небо.

Сэм и Рут оказались не первыми, кто спустился вниз к завтраку. Капитан авиации Суит проснулся очень рано и был на ногах уже несколько часов. Он занял место во главе стола, усевшись на резное деревянное кресло

с овальной спинкой. Это был низкорослый светловолосый двадцатидвухлетний мужчина, на четыре года моложе Ламберта. Когда он улыбался, то походил на счастливого крупного мальчугана. Некоторые женщины

считали его неотразимым. Легко представить, почему со дня поступления Суита на службу ему предсказывали

блестящую офицерскую карьеру.

Сейчас Суит временно исполнял обязанности командира второго отряда самолетов, в состав которого входил и самолет Ламберта. Суит старался использовать любую возможность, чтобы завоевать расположение к

себе: он знал уменьшительные имена буквально всех сослуживцев и помнил, где родился любой из них; для

него было большим удовольствием, приветствуя людей, произносить слова с акцентом, присущим городу или

местечку, в котором они родились. Несмотря на все эти усилия Суита, некоторые ненавидели его. Суит никак не

мог понять, чем бы это можно было объяснить.

Он только что закончил один из своих рассказов, когда в столовую вошел старший сержант авиации Дигби. Это был тридцатидвухлетний бомбардир из австралийских военно-воздушных сил. По стандартам членов экипажей боевых самолетов Дигби был уже в пожилом возрасте и выделялся из среды сослуживцев как лысеющей головой и обветренным лицом, так и постоянной готовностью уязвить любого офицера или умалить

его достоинства. Дигби сел за стол напротив Суита и стал наблюдать, как молодой сержант Коэн старался пока-

зать себя гостеприимным хозяином.

Последним вниз спустился сержант Бэттерсби. Это был высокий бледный парень лет восемнадцати с золотистыми вьющимися волосами и тонкими руками и ногами. Он окинул присутствующих виноватым взглядом, а его губы слегка задрожали от того, что он решил не извиняться за свое опоздание.

Бэттерсби был единственным в экипаже Ламберта, кто по возрасту и опыту стоял ниже Коэна. Он был также единственным членом экипажа, который согласился бы подумать над возможностью летать с другим

командиром. Не потому, что в королевских военно-воздушных силах мог быть еще такой же командир, как Ламберт, а потому, что до недавнего времени Ламберт летал с бортинженером Мики Мерфи, который теперь

входит в экипаж капитана Суита. Некоторые сослуживцы утверждали, что Суит не должен был брать ирландца

Мерфи из экипажа Ламберта после того, как они столь долго летали вместе. Один сержант из наземного обслуживающего экипажа сказал, что это очень плохая примета. Дигби считал, что это часть плана Суита пролезть в маршалы королевских военно-воздушных сил. Каждый день Бэттерсби вертелся возле механиков

своего самолета, наблюдая за их действиями и задавая многочисленные вопросы тонким высоким голосом. Хотя

это и обогащало знания Бэттерсби, его популярность тем не менее отнюдь не увеличивалась.

Бортинженер, по существу, является техническим советником и помощником командира самолета. Он помогает управлять двигателями при взлете и посадке, постоянно наблюдает за действием систем подачи топлива и масла, контролирует процесс охлаждения; особенно внимательным он должен быть при переключении кранов кольцевания. Принято считать, что бортинженер должен знать каждую гайку и болт в

конструкции самолета и быть в состоянии "осуществить практически возможный неотложный ремонт во время

полета". Стеснительному восемнадцатилетнему юноше все это представлялось ужасно ответственным делом.

Бэттерсби не сводил с Ламберта глаз и после каждого полета не позволял себе надеяться на что-то большее, чем мимоходом брошенное слово похвалы.

Миссис Коэн вошла в столовую как раз в тот момент, когда Бэттерсби поставил перед собой тарелку с блином и начал капать на него мед. Это была стройная светловолосая женщина, которая всем мило улыбалась.

Миссис Коэн положила на тарелку молодого человека еще по меньшей мере пяток блинов. Видимо, внешний

облик Бэттерсби оказывал подобное воздействие на всех матерей. Затем она, стараясь отчетливо выговаривать

английские слова, спросила, не хочет ли кто-нибудь еще блинов.

- О, они превосходны, миссис Коэн,- Заметила Рут Ламберт. - Вы сами готовили их?

- Это по венскому рецепту, Рут. Я напишу его для вас.

Все посмотрели на миссис Коэн. Эти парни напомнили ей ясноглазых юнцов из штурмовых отрядов, которые разбивали витрины магазинов в Мюнхене. Эмми Коэн несколько побаивалась этих симпатичных ребят,

сбрасывавших бомбы и вызывавших пожары в городах, которые она знала в детстве. Ее интересовало, что происходило в такие моменты в их холодных сердцах и не принадлежит ли теперь ее сын больше им, чем ей

самой.

Миссис Коэн посмотрела на жену Ламберта. Форма капрала женской вспомогательной службы военно-воздушных сил была слишком грубой, чтобы украшать Рут, тем не менее эта женщина выглядела весьма аккуратной и подтянутой. В Уорли-Фен она заведовала складом надувных спасательных лодок, состоящих на

вооружении бомбардировщиков на тот случай, если им придется совершить вынужденную посадку на воду. Все

сослуживцы завидовали Ламберту, что у него такая красивая, по-детски непосредственная жена, но, чтобы скрыть свою зависть, они поддразнивали и критиковали ее, демонстративно указывая на ошибки, которые она

допускала в разговоре об их самолетах, их эскадрилье и их боевых вылетах.

Миссис Коэн восхищалась сноровкой и опытностью Рут. Сэм Ламберт редко вступал в разговор, но его жена то и дело вопросительно поглядывала на него, будто ей хотелось, чтобы он поддержал или похвалил ее.

Бодрый, веселый Дигби и бледнолицый Бэттерсби иногда бросали на Ламберта такой же вопрошающий взгляд.

Таким же образом, как заметила миссис Коэн, поступал и ее сын Симон.

Было пятнадцать минут девятого, когда на пороге двери с веранды появилась, словно некий персонаж в домашнем представлении для званных гостей, высокая девушка в офицерской форме женской вспомогательной

службы военно-воздушных сил. Она, должно быть, сознавала, что падающие сзади солнечные лучи образуют

вокруг ее белокурой головы сверкающий ореол, и поэтому задержалась на несколько секунд у двери, медленно

обводя взглядом сидящих за столом мужчин в синей форме.

- Боже мой! - воскликнула она с притворным удивлением. - Сколько летчиков в одном месте!

- Привет, Нора! - ответил Коэн-младший.

Нора была дочерью живших поблизости соседей.

- Я тороплюсь. Зашла на одну секундочку, чтобы поблагодарить за те изумительные фрукты, что вы нам прислали.

Корзину с фруктами послали соседям старшие Коэны, но взгляд Норы Эштон был устремлен на их сына. Она еще не виделась с ним после того, как он нацепил на свою форму новенький нагрудный знак штурмана -

сверкающие крылья.

- Рад видеть тебя. Нора, - сказал молодой Коэн.

Нора прикоснулась пальцами к нашивкам на рукаве Симона.

- Сержант Коэн - штурман! - торжественно произнесла она и, поцеловав юношу, выпорхнула на веранду так же быстро, как и появилась.

Покончив с завтраком, Рут Ламберт поднялась из-за стола. Она хотела еще раз убедиться, что оставляет отведенную им спальню в полном порядке. Она оглянулась на мужа, и тот, почувствовав ее взгляд, приподнял

голову и подмигнул ей. Его глаза выражали больше, чем всё, что он говорил ей когда-либо словами.

Миссис Коэн поспешно ушла, чтобы собрать чемодан сына. Оставшись одни, молодые ребята

почувствовали себя свободнее. Они вытянули ноги, закурили большие сигары и начали болтать более непри-

нужденно.

- Сегодня наверняка будет вылет, - предсказал Суит. - Я совершенно уверен в этом. - Он засмеялся. - Еще разок насолим Гитлеру, а?

- А разве мы этим занимаемся? - спросил Ламберт.

- А как же иначе? - удивился Суит и повысил голос: - Бомбардировка заводов, уничтожение средств производства...

- Если уж речь зашла о бомбардировках, - вмешался Коэн, - то давайте подойдем к ним по-научному. Точка прицеливания на карте, которую мы используем для бомбардировки Берлина, - это как раз центр города.

Мы

только обманываем себя, считая, что подвергаем бомбардировке что-либо кроме центров городов...

- А что в этом плохого? - спросил капитан Суит.

- А то, что никаких промышленных объектов в центрах городов просто не бывает, - поддержал Коэна Ламберт. - В центре большинства немецких городов - старые дома, узкие улицы и переулки, по которым и пожарная машина-то не проедет. Центр обычно окружен кольцом жилых домов, чаще всего кирпичных зданий,

где живут люди среднего достатка. Только внешнее кольцо состоит из заводов и жилищ рабочих.

- О, ты, оказывается, очень хорошо знаешь немецкие города, старший сержант Ламберт! - заметил Суит.

- Я просто думаю о том, каково людям в этих районах, - ответил Ламберт. - Я ведь тоже потомок таких же людей.

- Я очень рад, что ты так высказался, Ламберт, - проговорил Суит.

- Стоит только взглянуть на сделанные нами снимки, чтобы понять, во что мы превратили тот иди иной город, - сказал Коэн.

- На то и война, - несмело подал свой голос Бэттерсби. - Мой брат говорил, что между доведением до банкротства какой-нибудь иностранной фабрики в мирное время и бомбардировкой ее в военное время нет

никакой разницы. Война-это испытание промышленного потенциала каждой страны. Вы же видите, как мы

сейчас совершенствуем наши самолеты, радиоаппаратуру, двигатели и разное секретное вооружение.

- Ты что, красный, Бэттерсби? - спросил капитан Суит.

- Нет, сэр,-ответил Бэттерсби, нервно прикусив губу. - Я просто повторяю то, что сказал мой брат.

- Его следовало бы убить, твоего брата, - сердито буркнул Суит.

- Так и произошло, сэр, - ответил Бэттерсби. - В Дюнкерке. От смущения Суит покраснел как рак. Он ткнул дымящуюся сига-

ру в недоеденный блин и сказал, вставая из-за стола:

- Пожалуй, нам лучше разойтись и начать собираться.

Дигби и Бэттерсби тоже поднялись вверх укладывать свои вещи. За столом остались только Коэн и Ламберт. После некоторого молчания Коэн спросил:

- Вы не верите в эту войну?

- Что значит "верите"? Ты говоришь о ней, будто это еще не война, а только слух какой-то о ней.

- Я часто размышлял о бомбардировках, - сознался Коэн.

- Я так и думал, - заметил Ламберт. - От этих размышлений можно помешаться.

На службе Ламберт обычно говорил только о технике и, как большинство старослужащих, лишь улыбался и никогда не вступал в дискуссии по политическим или религиозным вопросам. Сегодняшний день был исключением.

- Значит, вы говорите, - продолжал юный Коэн,- что вам не нравится бомбить города?

- Да, я говорил именно об этом, - ответил Ламберт.

Молодой штурман настолько опешил, что не нашел слов для продолжения разговора. Допив кофе, Ламберт

заметил:

- Хороший кофе.

Коэн поспешно схватил кофейник, чтобы наполнить чашку Ламберта и продемонстрировать тем самым восхищение и уважение к своему командиру.

- Отсутствие порядка выводит людей из душевного равновесия,- неожиданно произнес кто-то позади Ламберта. Старший Коэн вошел в столовую никем не замеченный и не услышанный. Это был высокий красивый мужчина, старательно выговаривающий английские слова. - Мне довелось видеть людей, которые

настолько любили порядок, что копали для себя могилы стройными рядами, а потом так же стройно, гордо и

четко поворачивались лицом к расстреливавшим их солдатам.

Как раз в этот момент снаружи донесся какой-то шум: по лестнице со второго этажа, спотыкаясь и ворча, спускался со своим чемоданом Дигби. Ламберт и молодой Коэн поднялись и направились в вестибюль.

Мистер

Коэн последовал за ними, стараясь оказаться между Ламбертом и сыном.

Когда юноша поднялся наверх, мистер Коэн тихо проговорил:

- Все отцы чем больше стареют, тем больше глупеют, Ламберт. Присмотрите за Симоном, хорошо?

Несколько секунд Ламберт молчал. В этот момент вниз спустился Суит и, дружески взяв старшего Коэна за руку, весело сказал:

- Ни о чем не беспокойтесь, сэр. Все будет хорошо.

Однако Коэн по-прежнему с мольбой смотрел на Ламберта, и тот наконец произнес:

- Но ведь в мои обязанности не входит смотреть за вашим сыном. - Ламберт сознавал, что все его слышат, но голоса не понизил. - В этом просто нет никакой не-

обходимости. В экипаже каждый из нас зависит друг от друга. И любой может поставить самолет под угрозу.

Ваш сын - самый искусный штурман из всех, с кем мне пришлось летать, может быть, даже лучший во всей эскадрилье. Он мозг самолета. Он смотрит за нами, а не мы за ним.

Наступило молчание. После минутной паузы мистер Коэн сказал:

- Конечно, он обязан быть искусным и умным: его образование обошлось мне очень дорого. И все же, присмотрите за моим сыном, мистер Ламберт, прошу вас.

- Хорошо, я обещаю.

Ламберт кивнул отцу Коэна и поспешил наверх, проклиная себя за то, что все-таки произнес эти слова.

Навстречу ему с большим чемоданом спускался по лестнице молодой Коэн.

Когда отец и сын оказались внизу у лестницы одни, мистер Коэн не удержался и сказал:

- Слышишь? Твой командир Ламберт говорит, что ты лучше всех. Неожиданно около них словно из-под земли появилась миссис

Коэн и заботливо сняла с рукава сына маленькую ниточку:

- Я заметила, что мистер Суит носит золотые запонки. А почему ты не взял свои? Ведь это очень красиво!

- Но не в сержантской же столовой их носить, мама.

- А сколько капитану Ламберту лет? - спросила миссис Коэн.

- Двадцать шесть или двадцать семь. Он не капитан, мама, он старший сержант авиации. На один ранг выше меня. Мы называем его капитаном потому, что он командир нашего экипажа.

Миссис Коэн закивала головой в знак того, что она пытается все понять и запомнить.

- Он выглядит гораздо старше, - сказала она. - Ему можно дать все сорок.

- А ты что же, хочешь, чтобы твой сын летал с мальчишкой? - спросил мистер Коэн.

- Этот капитан Суит мог бы помочь тебе стать офицером, Симон.

- Но, мама, тогда бы мне пришлось перейти в другой экипаж. Начальство не любит, когда офицеры летают на самолете, которым командует сержант. И Ламберт будет чувствовать себя стесненно, если я сяду позади него,

сверкая офицерскими знаками различия. К тому же мы будем тогда и питаться в разных столовых" я - в офи-

церской, а он - в сержантской.

- Целая речь! - насмешливо сказал мистер Коэн. - Но если мистер Ламберт такой уж хороший парень, то почему же он не офицер? Ты говорил, что у него больше опыта, больше наград и что он выполняет такую же

работу, как и твой друг мистер Суит?..

- Сразу видно, папа, что английский язык ты теперь знаешь. Ламберт не кончал дорогостоящей частной школы, а англичане считают, что командовать военными могут только джентльмены.

- И с такими убеждениями они ведут эту войну?

- Да, с такими. И тем не менее Ламберт - самый хороший, самый опытный летчик во всей эскадрилье.

- Если бы ты стал офицером, то... - начал было мистер Коэн, но сын перебил его:

- Я предпочитаю летать с Ламбертом, - сказал он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно вежливее.

- Не сердись, Симон, - вмешалась мать. - Мы ведь не говорим о том, чтобы ты перестал летать.

- Дело не в этом, мама. Мне вовсе не нравится служить в военно-воздушных силах. Летать опасно и ужасно неприятно, и многие из тех, с кем я служу, довольно скверные люди. Теоретически, по крайней мере, я знаю

свои обязанности и могу их выполнять, так что обо мне не беспокойтесь. Вам обоим надо наконец понять, что

теперь я самостоятельный человек. Я буду жить и действовать так, как считаю нужным: без золотых запонок в

манжетах, без ваших просьб о благосклонности ко мне начальства и даже без карманных денег. И самое главное

- не присылайте, пожалуйста, больше никаких посылок.

Миссис Коэн согласно закивала головой:

- Я понимаю, понимаю, Симон, я всегда во всем перебарщиваю. Я поставила тебя в неловкое положение перед твоим командиром, да?

- Нет-нет, мама, все в порядке. Мы очень хорошо провели уик-энд, и кормила ты нас просто по-королевски.

- Счастливого пути, Кози, - сказал отец.

- Они зовут меня Кошер. (по еврейски - истинный, надлежащий прим. ред.)

- Ну и что же? Я не вижу в этом ничего плохого, - заметил Коэн-старший. Кошер улыбнулся, но ничего не сказал. Мистер Коэн кивнул головой и похлопал сына по плечу. Он считал, что за эти дни сблизился с сыном

больше, чем когда-либо.

Часы в столовой пробили девять.

- Я должен идти. Они ждут меня, - сказал Кошер. - Луна сегодня, кажется, светит слишком ярко, и тем не менее вполне возможно, что мы ночью полетим.

- Позвони мне утром, Симон, - сказала ему на прощание мать. Из подземного командного пункта, который его обитатели назы-

вали норой, судить о состоянии погоды в данный момент было невозможно. Воздух здесь всегда был чистым,

постоянной температуры, а мощные электролампы ярко светили и ночью и днем. Сюда поступали

стратегические директивы из ставки Черчилля и министерства авиации, а отсюда отдавались приказы направить

на ночную бомбардировку объектов в Германии четыре или пять тысяч авиаторов.

В данный момент начальник оперативного штаба соединения и полковник авиации - начальник оперативного отдела приступили к разбору воздушного налета на Германию, предпринятого предыдущей ночью. Все смотрели на огромную, тридцати футов шириной, классную доску, на которой желтым мелом были

обозначены объекты ночной бомбардировки и распределение целей. Результаты были нанесены красным мелом.

Уже во время доклада какой-то сержант поднялся по специальной лестничке и исправил итоговую цифру самолетов, не вернувшихся на базы, с двадцати шести на двадцать пять.

- Какой прогноз погоды на сегодняшнюю ночь? - спросили метеоролога.

- Ожидаются сильно разорванные кучевые облака вдоль всего северо-западного побережья, но к северу от Гамбурга небо будет безоблачным. Остаточные грозовые тучи и грозы в районе холодного фронта.

- А как над Руром? - спросил командующий бомбардировочным командованием.

Метеоролог порывлся в своих бумагах и, найдя нужную записку, заявил:

- Полночь: тонкий слой облаков среднего яруса гдето между тысячей и двадцатью тысячами футов, однако вероятно, что к часу ночи этой облачности уже не будет.

- А как погода над Великобританией для возвращения самолетов?

- Отличная. Незначительная слоисто-кучевая облачность на высоте двух-трех тысяч футов. Видимость хорошая.

Командующий медленно прошел по безукоризненно натертому полу к карте северной части Европы, которая занимала почти всю стену. Каждый город - объект воздушной бомбардировки был отмечен на карте

приколотым кнопкой цветным флажком-указателем. Повернувшись назад, командующий посмотрел на схему с

фазами луны, затем подошел ближе к карте и устремил взгляд на Рур.

- Основная цель - Крефельд, запасная - Бремен. На случай плохих погодных условий, - сказал он, - час "С"-ноль один тридцать.

В средней части комнаты стояли большие чертежные столы. На одном из них лежала карта, на которую были нанесены радиолокационные станции противника и аэродромы его ночной истребительной авиации. На

другом столе был разложен огромный фотопланшет всего Рура, смонтированный из перекрывающих друг друга

аэрофотоснимков. Командующий подошел к одному из них и решительно хлопнул ладонью по району Крефельда. Тотчас же было открыто досье этого района, разложены крупномасштабные карты, карты с координатной сеткой, планы, диаграммы, плановые аэроснимки.

- Я вышлю шестьсот пятьдесят тяжелых и сто средних бомбардировщиков. Такая цель даст всем возможность отличиться. Пусть на этот раз возьмут побольше фугасных бомб и поменьше зажигательных. Пошлите несколько самолетов "москито" на Берлин - пусть там поревут сирены - и несколько самолетов с листовками на Остенде. Надо сделать так, чтобы маршруты полета на Берлин и на Остенде были проложены

поближе к маршруту полета основных сил, чтобы ввести противника в заблуждение.

Командующий заполнил форму ежедневного назначения целей и передал ее начальнику командно-диспетчерского пункта, затем медленно встал и вышел из комнаты. Часы на подземном командном пункте показывали девять часов пятьдесят пять минут двойного британского летнего времени. Время на часах, расположенных ниже и показывавших центральноевропейское летнее время, было то же самое.

ГЛАВА ВТОРАЯ

- Разве ты не доволен тем, что теперь мы живем не в Крефельде? - спросила Анна-Луиза.

- Ты сказала, что здесь есть львы, тигры и другие дикие звери, - недовольным тоном ответил мальчик.

- Здесь есть и львы, и тигры, а вчера в лесу около фермы фрау Рихтер я видела даже слона.

- Ты просто придумываешь все это, - сказал мальчик, фыркнув от смеха.

- Ты съел яйцо? Тебе пора идти в школу. Уже почти девять часов.

Ганс торопливо собрал книги и тетради.

- Возьми дождевик, - продолжала она. - Сегодня будет дождь. Анна-Луиза проверила, как мальчик застегнул пуговицы, все ли

учебники и тетради он взял, поправила на нем воротник, провела гребнем по его коротко подстриженным

волосам. Убедившись, что у мальчика все хорошо, она шутливо приставила руку к виску и отчеканила:
- Все в порядке, герр лейтенант! Попрошайся с папой.

Мальчик с важным видом взял под козырек и вышел. Анна-Луиза достала второе яйцо и осторожно опустила его в кипящую воду.

- Завтракать, герр Бах! - крикнула она.

Ни маленький мальчик, ни его отец, для которого она готовила сейчас завтрак, не состояли с Анной-Луизой ни в каких родственных отношениях. Она была членом военизированной трудовой организации, оказывающей помощь матерям и нуждающимся семьям военнослужащих. Немногом более года назад она

начала работать у фрау Бах в Крефельде, расположенном в двенадцати километрах отсюда, в районе Рура. Работа ей нравилась, она очень полюбила мальчика, а сама фрау Бах оказалась довольно покладистым человеком. Приблизительно через месяц после того, как Анна-Луиза приступила к своей работе, фрау Бах погибла во время воздушного налета. Герр Бах и его старший сын Петер, рядовой солдат, которому едва исполнилось восемнадцать лет, были возвращены с русского фронта в Германию. Начальство предложило эвакуировать Ганса в гитлеровский детский лагерь в протекторате Чехословакия, но герр Бах предпочел оста-

вить мальчика под присмотром Анны-Луизы. Ему хотелось иметь какое-то место, о котором он мог бы думать

как о своем домашнем очаге, хотя аренда квартиры для одного десятилетнего ребенка обходилась оберлейтенанту непомерно дорого.

Двоюродный брат герра Баха Герд Бёльль предложил им занять домик в небольшом городке Альтгартен, неподалеку от нидерландской границы. Когда-то этот домик принадлежал отцу Герда и с тех пор, как тот умер,

пустовал. Август Бах, командир радиолокационной станции "Горностай", принял предложение двоюродного

брата и, поселившись в его домике, стал называть Альтгартен своим родным городом.

Сейчас, когда его радиолокационная станция находилась на побережье Нидерландов, он имел возможность

довольно часто видеться со своим младшим сыном. В прошлое рождество его старший сын Петер также провел

свой отпуск дома. Это было отличное время.

- Завтрак готов, герр Бах, - еще раз позвала Анна-Луиза.

- Вы слышали гром? - спросил Бах.

- Я сказала Гансу, чтобы он взял дождевик.

- Это летняя гроза, - заметил Бах. - Она пройдет очень быстро.

- Хорошо бы, - согласилась Анна-Луиза. - Вам ведь так далеко ехать.

Когда Август Бах сел за стол, Анна-Луиза заметила, что он был одет в свой лучший мундир. Он очень нравился ей в форме. Несмотря на свои сорок шесть лет, это был высокий и стройный мужчина, а седеющие

волосы лишь мягко подчеркивали его загорелое лицо. На шее у него сверкал орден "За заслуги".

- А где яйцо для вас, Анна-Луиза?

- Их было только два, герр Бах. Куры плохо несутся.

- Тогда возьмите вы. - Он передал ей яйцо и с интересом стал смотреть, как она начала его есть. Она подняла голову и улыбнулась. Анна-Луиза была очень красивой девушкой.

- Герр Бах, - обратилась она к нему после некоторого молчания, - а это правда, что многие девушки будут работать на зенитных батареях? Говорят, что из них даже будут формировать орудийные расчеты?

Бах постоянно опасался, как бы в одно прекрасное время Анна-Луиза не решила, что присматривать за маленьким Гансом - это недостаточный вклад в военные усилия.

- Вы недовольны вашей работой, Анна-Луиза? - спросил он. - Хотите уйти от нас?

- Я никогда не оставлю вас, герр Бах, - ответила она. - Никогда! Я готова присматривать за Гансом всю свою жизнь.

- Ну-ну, Анна-Луиза, таких слишком обязывающих обещаний давать нельзя.

- Но это правда, герр Бах. Я люблю Ганса как родного сына.

- Но тогда почему же вы спрашиваете меня о девушках, которые будут обслуживать зенитные батареи? - спросил Август. Анна-Луиза молча поднялась из-за стола и начала убирать посуду. - Ну что же вы не отвечаете,

Анна-Луиза?

- Герр Бах... - медленно начала она. В этот момент она стояла у раковины, повернувшись к нему спиной. Он посмотрел на ее длинные стройные ноги и сильные молодые руки. "Обнаженная, она выглядела бы..."

Август

сразу же подавил мысль об этом. Она ведь совсем еще ребенок - наверное, на год или два старше его сына-

хотинца. Он должен заботиться об этой девушке, а не волочиться за ней.

- Скажите, герр Бах, - опять нерешительно начала Анна-Луиза,

- а на вашей радиолокационной станции работают девушки?

Август Бах не рассмеялся, хотя ее слова о девушках в этом пустынном и безлюдном местечке на побережье

Голландии красноречиво говорили о том, что Анна-Луиза не имеет ни малейшего представления о строгих

и суровых условиях его службы на станции.

- Там нет никаких девушек, Анна-Луиза, - ответил Август. - Об этом там можно только мечтать, - добавил он шутливо, но, взглянув на девушку, заметил на ее лице слезы. Бах достал носовой платок и подошел к ней,

чтобы вытереть их. - В чем дело? Что случилось, Анна-Луиза? - спросил он.

Она подняла к нему свое лицо, и в этот момент Август не удержался и горячо поцеловал ее.

- Я люблю вас, герр Бах, - тихо произнесла девушка.

Он погладил ее светлые волосы, и несколько раз прицелкнул языком, надеясь, что эти звуки приостановят ее слезы.

- Я люблю вас, - повторила она. - Что делать, если я люблю вас?

- Во-первых, перестаньте называть меня герр Бах.

- А что скажут люди? - тревожно спросила она.

- А вы думаете, они еще не сплетничают о нас?

- Сплетничают, - согласилась Анна-Луиза, - но это не имеет никакого значения. Я люблю вас.

- И я люблю вас, - медленно произнес он и ясно осознал, что действительно любит ее. Все свои отпуска за минувшие месяцы он провел в одном доме с этой девушкой. И если соседи говорят что-нибудь о них, то удивляться здесь нечему. Он уже не раз спрашивал себя, в какой мере он спешил попасть сюда, в этот дом, что-

бы увидеть сына, и в какой мере из-за того, что этот семейный очаг создала Анна-Луиза. Ведь это она готовила

ему любимые блюда и проигрывала на патефоне его любимые пластинки. - Я люблю тебя, Анна-Луиза, - повторил он. - Я хочу, чтобы ты вышла за меня замуж.

Она умоляюще взглянула на него:

- Но ведь у меня есть родители, герр Бах. Вам надо или побывать у них, или по крайней мере написать им.

- Я сделаю это сегодня же, - сказал Август.

Он снова нежно погладил ее волосы, взял ее руку в свою. Это была тонкая рука, покрасневшая от тяжелой работы, от мытья полов, стирки белья Ганса и рубашек Августа. Часы на расположенной по соседству церкви

пробили девять. Мимо их дома, громыхая, проехала повозка, запряженная лошадей. От того, что всего в нескольких метрах от них город жил своей жизнью, интимность в их отношениях казалась еще более заговорщической. Август вытащил шпильки из ее волос, они распустились, и ее лицо в их обрамлении стало

еще красивее. Он никогда не видел ее с распущенными волосами. Она улыбнулась, поцеловала его, и он медленно увлек ее в спальню...

- Ты знаешь, - прошептала Анна-Луиза, - я видела эту комнату тысячу раз с самых различных мест. Я видела ее даже из-под кровати, когда забиралась туда, протирая пол... Но мне и в голову не приходило, что я

когда-нибудь увижу эту комнату вот из такого положения...

На прохладной, туго накрахмаленной простыне тело Анны-Луизы казалось теплым, а кожа бархатистой.

- Отныне ты будешь видеть эту комнату из такого положения так часто, как тебе захочется, - сказал он, улыбаясь.

- О, я всегда буду хотеть видеть ее отсюда, - сказала Анна-Луиза серьезно. Она коснулась его лица пальцами, и он уловил резкий запах кухонного мыла, смешанный с запахом ее одеколона. - Герр Август, - прошептала она, - я теперь всегда буду спать в этой кровати?

- Всегда, - ответил он.

Она крепко обняла Августа и прижалась лицом к его сильной руке, обливая ее слезами радости. Он взял со столика манильскую сигару и закурил. Ему хотелось рассказать Анне-Луизе обо всем, что он когда-либо делал

или видел, но времени до отъезда оставалось очень мало.

- Ты всегда будешь добрым и ласковым со мной, Август?

Он поцеловал кончик ее носа:

- Доброта в мужчине - это такое качество, которым восхищаются лишь немногие женщины, особенно среди очень молодых и очень красивых.

- Я всегда буду восхищаться тобой, Август. Расскажи мне о твоём ордене, об ордене "За заслуги".

"Почему ее так интересует этот покрытый синей эмалью крест?" - подумал Август Бах. - Что он может значить для нее?"

Самолеты были совсем иными, когда он заслужил этот орден. Это были маленькие хрупкие бипланы, сделанные из брусьев, проволоки и пропитанной краской ткани. Не то что современные сложные машины из

металла! Их тогда покрывали бесформенными розовато-лиловыми, красноватыми и серыми пятнами. Он помнил даже запахи бензина и аэролака - резкие запахи, от которых першило в горле.

- Я помню день, когда сбил первого англичанина. Была чудесная солнечная погода, на небе ни облачка...

- А тебе было страшно? - спросила Анна-Луиза.

- Я боялся тогда, что кто-нибудь может подумать, будто мне страшно, - ответил Август. Это был обычный ответ на такой вопрос.

- Ты видел пилота этого английского самолета?

- Это был двухместный самолет, - с трудом вспоминал Август Бах. - Я видел, как над открытой кабиной развевался конец белого шелкового шарфа пилота. Я зашел на самолет со стороны солнца.

- А ты гордился тем, что сбил самолет?

- Я убил тогда двух человек, Анна-Луиза. Это ужасная вещь. Позднее я сходил к месту падения самолета, чтобы взять в качестве трофея опознавательный знак, но вся ткань, на которой были нарисованы эти знаки, пропиталась кровью убитых летчиков. Они оба погибли. Часовой сообщил мне, что белый шарф английского

пилота взял один из санитаров. "Он продаст его за пять марок", - сказал часовой. Я очень расстроился тогда...

Неожиданно комнату осветило ярким красным светом.

- Одна тысяча, две тысячи... - отсчитывала Анна-Луиза. Когда прогремел гром, она заявила, что гроза разразилась в четырех километрах от них. Шума дождя пока еще не было слышно.

- А ты знаешь, как определить, далеко ли гроза? - спросила она.

- Да, но это не особенно точно, - ответил Август.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Огромный слой холодного воздуха, приближавшийся к Альтгартену, двигался через Европу на восток со скоростью двадцать миль в час. Однако ветер дул в северном направлении. Вследствие дождя уровень воды в

небольших озерах около Утрехта повысился. В районе аэродрома Кронсдейк дождь молотил по постройкам

сельского типа, по пруду, по мощенным булыжником и асфальтированным дорогам с таким остервенением, что

во все стороны отскакивали мельчайшие брызги, создавая впечатление, будто все вокруг покрылось высокой

белой травой.

В доме номер тридцать один дождь разбудил оберлейтенанта барона Виктора фон Лёвенгерца. Было десять часов по центральноевропейскому летнему времени, барометр упал необычайно низко. Погода представляла для Лёвенгерца большой интерес, ибо он был летчиком, а Кронсдейк - аэродромом ночных истребителей люфтваффе.

Военные объекты были построены так, чтобы они походили на голландские крестьянские домики. Около взлетно-посадочных полос "паслись" стада коров, сделанных из досок, фанеры и гипса. Эти коровы были предметом нескончаемых шуток и насмешек, но вместе с тем они достаточно хорошо имитировали настоящих

животных, чтобы ввести в заблуждение аэрофотоаппараты.

Планы строительства этого аэродрома были разработаны за три года до оккупации Голландии. В настоящее время Кронсдейк играл чрезвычайно важную роль в противовоздушной обороне Германии. Он

находился на прямом пути с аэродромов бомбардировочной авиации в восточной части Англии к Руру, как шлагбаум на темной, по оживленной дороге.

Обер-лейтенант барон Виктор фон Лёвенгерц бодро вскочил с постели и сделал зарядку: двадцать выжиманий в упоре и восемьсот шагов на месте.

Вот уже более трехсот лет семья Лёвенгерцев поставляла Пруссии солдат. Считалось вполне естественным, что и Виктор пойдет в армию, и хотя, будучи кадетом, он в действительности не испытывал никакой радости, теперь же, оглядываясь назад, был доволен и гордился этим. За серебряную раму в уголок

портрета его матери был засунут любительский снимок, сделанный в Австрии, как она тогда называлась, во

время аншлюса: пять улыбающихся кавалерийских офицеров, на их фуражках - бранденбургский драгунский

орел, которым они явно очень гордились.

Закончив зарядку, Лёвенгерц застелил постель, принял душ и тщательно оделся. Он внимательно осмотрел

свои блестящие сапоги и прикрепил Железный крест и Большой железный крест к карману свежесглаженной

тужурки. Посмотревшись в зеркало, быстро проверил свой внешний вид и лихо сдвинул набок белую форменную фуражку.

Выйдя из домика, Лёвенгерц направился в офицерскую столовую. На подходе к ней увидел одного из своих летчиков, шедшего по освещенному солнцем лесу прямо ему навстречу. Если бы тот видел, что идет по

направлению к Лёвенгерцу, то наверняка свернул бы в сторону и избежал разговора со своим командиром эскадрильи.

Это был Христиан Гиммель, двадцатидвухлетний унтер-офицер, крепко сложенный молодой человек с неаккуратно подстриженными волосами. У него было круглое лицо, полные губы, серьезное выражение глаз.

Ангельским Личиком прозвали его в лагере, где он отбывал трудовую повинность. Гиммель был очень стеснительным парнем, хотя оснований тушеваться перед обер-лейтенантом Лёвенгерцем у него было меньше,

чем у кого бы то ни было во всем Кронсдейке. В июле 1940 года, в период первой фазы битвы за Англию, Гиммель, по словам многих, проявил редкое великодушие, поскольку охотно разрешал другим приписывать на их счет сбитые им самолеты.

В первых двух самолетах, сбитых Лёвенгерцем - "харрикейне" и "дифайэнте", - было много пуль Гиммеля, о чем Лёвенгерц сам первый и заявил. Однако Лёвенгерц был ведущим, а, как сказал Гиммель, хороши ведущий должен разделять лавры любой победы. Гиммель был также опытным механиком, и его

настойчивое стремление поддерживать самолеты эскадрильи в постоянной исправности служило своеобразным

оправданием и застенчивости этого парня, и его молчаливости, и необщительности.

- Доброе утро, герр обер-лейтенант, - сказал он. От сильного порыва ветра Гиммель в комбинезоне механика поежился.

- Ну как, свечи все еще пропускают масло. Христиан? - спросил командир эскадрильи.

- Механики поставили новые уплотнительные кольца, но все это пока напрасный труд, герр обер-лейтенант. Это дало лишь незначительное улучшение.

- После того как вы вернетесь сегодня, я прикажу им погонять двигатель на больших оборотах. Если число оборотов будет по-прежнему снижаться, я прикажу поставить новый двигатель. Как по-вашему, Христиан?

- Спасибо, герр обер-лейтенант. Лёвенгерц проследил, как Гиммель скрылся из виду за деревьями.

Стало заметно холодать, хотя и светило солнце. Порывы ветра налетали с северо-запада. Подойдя к офицерской столовой, Лёвенгерц взглянул на барометр: давление повысилось. Все указывало на то, что в ближайшие несколько дней будет отличная летная погода.

Большая столовая была залита солнечным светом. На стене в дальнем конце висели патриотические лозунги в призывы. Здесь же плакаты напоминали экипажам, как опасно вести неосторожные разговоры по

служебным вопросам в общественных местах. Еще на одном плакате была нарисована летящая чайка, надпись

под нею гласила: "Летчики! Это тоже ваш враг". Ниже висело фото поврежденного в столкновении с птицей самолета.

Два офицера из истребительной эскадрильи Лёвенгерца пили кофе.

- Разрешите присоединиться к вашей болтовне за чашкой кофе,
- сказал Лёвенгерц, присаживаясь к их столу.
- Нужно изменить всю систему оценок и поощрений, - говорил лейтенант Кокке, молодой летчик из Берлина.

Лёвенгерц, заметив его грязную серую рубашку и нечищенные сапоги, решил сделать ему замечание в более подходящее время.

- На Восточном фронте, - говорил Кокке, - любой дурак может сбить десяток самолетов в день.
- В то время как мы тут соревнуемся, кому первому выпить захочется, - пожаловался Беер, мрачный низкорослый лейтенант из Регенсбурга.

Официант доставил на стол кофейник со свежим кофе.

- Кофе, герр обер-лейтенант?
- Спасибо, Кокке, - ответил Лёвенгерц. Он обратил внимание на то, как бородатый лейтенант наливает кофе в кружки. У него были музыкальные руки. Кокке хотел стать профессиональным пианистом, во время войны прервала его учебу. Теперь карьера, о которой он когда-то мечтал, стала для него недоступной. Кокке налил Лёвенгерцу кофе и

вызывающе улыбнулся. Некоторые утверждали, будто молодой берлинец был платным агентом-провокатором

гестапо. Лёвенгерц подозревал, что этот слух распространил сам Кокке, чтобы оправдать свою постоянную критику гитлеровского режима и его методов.

- За наши Рыцарские кресты! - произнес Лёвенгерц.
- За ваш я не пью, - сказал, Кокке, улыбаясь. - Если этот крест сейчас уже не в пути, значит, командование решило больше не награждать ими.

Лёвенгерц ответил на комплимент благодарным кивком, допил кофе и поднялся. Уже кивнув им на прощание, он обратил внимание, что лейтенант Беер одет в черную кожаную куртку на молнии, бриджи и сапоги.

- Уж не намерены ли вы лететь в этих сапогах, герр лейтенант?
- Нет, командир.

- То-то! На этот счет есть указание. Медицинская служба доложила командованию, что при ранениях ног, если раненый носил плотно облегающие сапоги, помощь оказывать очень трудно.

- Я читал вашу памятную записку, командир, - сдержанно ответил Беер.
- Отлично. Тогда все ясно. До свидания, господа!

Оба кивнули ему головой.

- Шельмец, изображающий из себя покровителя, - проворчал Беер.
- Можно мне процитировать тебя где-нибудь? - осведомился Кокке.

В фойе столовой Лёвенгерц встретил несколько офицеров, пришедших на второй завтрак. Он поприветствовал каждого из них едва заметным кивком головы и взял свою форменную фуражку у дневального

по гардеробу. В фойе стояли мягкие кожаные кресла и низкие столики с разложенными на них газетами и журналами. На краю одного из кресел, явно нервничая, сидел Блессинг. Этот человек отвечал за вольнонаемных

работников на аэродроме. Рядом с ним читал "Дойче цайтунг" пожилой мужчина в штатском костюме. Блессинг

слегка коснулся колена соседа. Тот опустил газету и выглянул из-за нее. Блессинг кивнул в сторону Лёвенгерца.

Пожилой человек взял мягкую шляпу и кожаный портфель, встал с кресла и подошел к Лёвенгерцу с печальной улыбкой.

- Обер-лейтенант Виктор фон Лёвенгерц? - спросил он. Пожилой человек пристально и спокойно смотрел на Лёвенгерца сквозь очки в золотой оправе. Его глаза были влажными, как у всякого пожилого человека, но очень живыми и

несколько настороженными. Блессинг старательно поприветствовал Лёвенгерца на расстоянии, а пожилой мужчина протянул ему руку. Когда они обменивались рукопожатием, пожилой мужчина произнес "Хайль Гитлер" таким безразличным тоном, каким говорят о погоде. Он еще раз печально улыбнулся и представился:

- Фельдфебель доктор Ганс Штаркхоф, военная разведка. Штаркхоф явно наблюдал, как будет реагировать Лёвенгерц на

его низкий чин и нацистское приветствие, сопровождаемое легким гражданским пожатием руки. Его интересовала также реакция Лёвенгерца на слова "военная разведка". Такой метод неожиданного представления

Штаркхоф часто использовал много лет назад, когда работал адвокатом по уголовным делам в Гамбурге. Однако со стороны Лёвенгерца не последовало никакой реакции, но у Штаркхофа была еще одна карта:

- Вероятно, я должен был представить... - Он повернулся к Блессингу.

- Фельдфебеля Блессинга я уже знаю, - холодно сказал Лёвенгерц.

- О да, совершенно верно, поэтому-то я и должен сообщить вам, что Блессинг тоже работает на нас.

- Могу я посмотреть ваше удостоверение личности? - спросил Лёвенгерц.

- Увы, мы не носим с собой никаких документов, кроме вермахтовского пропуска, но вы можете позвонить ко мне на службу, если вас что-нибудь волнует.

- Меня ничто не волнует, - буркнул Лёвенгерц.

- Отлично.- Штаркхоф махнул рукой в сторону двери: - Давайте выйдем. На свежем воздухе вам, возможно, будет лучше... - Он надел шляпу и вышел на яркий солнечный свет.- Похищен секретный документ,

герр оберлейтенант,- сказал Штаркхоф, когда понял, что Лёвенгерц первым разговор начинать не намерен. Помолчав немного, Штаркхоф добавил: - И у нас нет сомнений относительно того, кто именно похитил этот документ.

- Я полагаю, - медленно произнес Лёвенгерц, - что вы пришли сюда вовсе не для того, чтобы хвастаться передо мной своими успехами.

- Совершенно верно, - согласился человек в штатском. - Мы, несомненно, оценим вашу откровенность в содействие.

- Что касается откровенности, то мы, разумеется, будем откровенны в любом случае, - заявил с едва заметной иронической ноткой Лёвенгерц. - А вот относительно содействия... Пока, вы не выскажетесь яснее, мы

не в состоянии судить, принесет ли оно какую-нибудь пользу.

- Дорогой коллега Лёвенгерц, - возразил Штаркхоф, - вам следовало бы быть более обходительным с таким пожилым человеком, как я. Похищен секретный документ, и его надо во что бы то ни стало вернуть на место.

- Вот медицинская часть, герр доктор, - вмешался Блессинг, показывая на домик.

- Документ был похищен из этого дома, - объяснил Штаркхоф Лёвенгерцу. - Мы знаем, кто похитил его, но не имеем...

- ...улик, - закончил фразу Лёвенгерц.

- Совершенно верно,- подтвердил Штаркхоф.- Преступник сначала незаконно овладел документом, а похитил его позже.

- Если это означает, что кто-то сначала где-то спрятал его, а потом пришел за ним, то почему бы не сказать об этом более ясно? У вас нет этого документа, следовательно, вы не поймали вора на... -

Лёвенгерц не закончил фразы.

- Вы хотите сказать: на месте преступления, дорогой друг? Что ж, вы смело можете сказать это. - Быстро повернувшись, Штаркхоф добавил: - С поличным, дорогой Блессинг.

Блессинг улыбнулся. Трудно было догадаться, кого Штаркхоф хотел поставить в дурацкое положение: Лёвенгерца или Блессинга. Лёвенгерц спросил:

- Кто-нибудь из моей эскадрильи?

- Унтер-офицер Гиммель, - произнес Блессинг.

- Гиммель? - удивился Лёвенгерц. - Ну что вы, не может быть! Я готов поручиться за него собственной головой.

- Не слишком ли это поспешное заявление, герр обер-лейтенант? - подчеркнуто спросил Блессинг.

Некоторое время они шли молча. Потом Штаркхоф заметил:

- Конечно же нет. Герр обер-лейтенант сказал так потому, что они товарищи по оружию.

- Гиммель - отличный летчик, прилежный работник и вполне лоялен, - сказал Лёвенгерц.

- Дорогой коллега Лёвенгерц, - нудно произнес Штаркхоф, - судить в этом случае не вам. Мы считаем - и имеем все основания для этого, - что документ из медицинской части украл Гиммель. Мы просим вашего содействия только для того, чтобы вернуть этот документ на место.

- Каким же образом я могу помочь вам?

- Благодарю вас. Вчера вечером этот документ был в прикроватном шкафчике унтер-офицера Гиммеля. Сегодня утром, когда Блессинг прибыл в домик, чтобы арестовать Гиммеля, того на месте не оказалось. Документа в шкафчике тоже не было. Единственным, с кем Гиммель встретился сегодня утром, были вы...

- Что же, по-вашему, Гиммель сделал?

- Возможностей очень много: он мог выучить содержание документа наизусть и затем уничтожить его; он мог надежно спрятать его, с тем чтобы изъять документ из тайника позднее, и, наконец, мог передать его своему сообщнику.

- Неужели вы серьезно считаете, что Гиммель шпион?

Штаркхоф пожал плечами.

- А как он мог получить доступ к этому документу? - спросил Лёвенгерц.

- Видимо, случайно. Четырнадцатого числа текущего месяца Гиммель проходил обычный медицинский осмотр. Когда он зашел в кабинет начальника медицинской части, чтобы подписать свою карточку, документ лежал на столе начальника.

- Улика весьма косвенная, - сказал Лёвенгерц.

- Я придерживаюсь иного мнения, - заявил Блессинг.

- А я склонен согласиться с Лёвенгерцем, - вмешался Штаркхоф. - На основании такого доказательства уверенного обвинения не предъявишь. Начальник медицинской части был, бесспорно, неосторожен. Секретные документы надо держать в сейфе. - Он пристально смотрел на Лёвенгерца. - Ну, ничего! Если преступник будет уличен, а документ - возвращен на место, то необходимость вовлечения в это дело тех или иных сослуживцев Гиммеля или старших офицеров отпадет. Вы понимаете, меня, герр обер-лейтенант?

- Да, понимаю.

- Отлично. Командир части был настолько любезен, что проявил интерес к нашему делу. Если вы не возражаете и у вас есть время, зайдемте к нему, герр оберлейтенант. Они направились к домику, где размещался штаб. Блессинг шел впереди. Командир части увидел их, наверное, в окно и вышел навстречу. На нем были сапоги. бриджи и серая форменная рубашка. На шее поблескивал Рыцарский крест - мечта всех немецких летчиков.

- А-а, дорогой доктор Штаркхоф!

- Хайль Гитлер, - бодро ответил Штаркхоф, сняв шляпу и поклонившись.

Майор Петер Реденбахер надел френч и застегнул его на все пуговицы. Ему было тридцать три года, довольно много по стандартам летчиков-истребителей, но, несмотря на шрамы от ранений, его внешность производила впечатление. В прошлом году в мае Реденбахера сбили над морем и ему пришлось провести четыре ужасных часа в одноместной надувной лодке. В его возрасте такое испытание не могло обойтись без последствий, и поэтому ему рекомендовали перейти на штабную должность.

Когда Реденбахер начал служить в штабе, он попросил назначить командиром эскадрильи Лёвенгерца, который был одним из его учеников в училище истребительной авиации, к тому же одним из лучших учеников.

Майор взял карандаш и начал задумчиво постукивать им по столу. Затем, вскинув голову, посмотрел на Лёвенгерца:

- Какого вы мнения о Гиммеле, Виктор? Он лоялен?

- Да, герр майор.

- При всем уважении к вам, герр майор, судить о лояльности -это функция нашего ведомства, - заметил Блессинг.

- Я уверен, что обер-лейтенант имел возможность убедиться в лояльности унтер-офицера Гиммеля, - сказал майор, кивнув в сторону Лёвенгерца.

- Гиммель был одним из летчиков, которых в марте тысяча девятьсот сорок первого года назначили на три

месяца в отряд самолетов связи фюрера. Весь личный состав отряда проходил тогда проверку и получил допуск

из штаба охранных частей рейхсфюрера.

- Почему же вы не сказали об этом раньше? - раздраженно спросил Штаркхоф после нескольких секунд молчания.

Реденбахеру явно понравилось, как Лёвенгерц вывел из равновесия Штаркхофа, который, несомненно, начал терять терпение.

- А меня никто не спрашивал об этом, герр доктор, - ответил Лёвенгерц.

- Но это было более двух лет назад, - вмешался Блессинг.

- Если бы допуск на Гиммеля отменили, мне бы непременно сообщили об этом, - сказал Реденбахер.

- Даже люди, имеющие допуск, вовсе не непогрешимы, - заметил Блессинг, доставая из кармана сложенный вчетверо лист бумаги.

- Разрешите мне зачитать часть письма, написанного Гиммелем. Это из письма, адресованного его отцу и датированного двадцать седьмым мая тысяча девятьсот сорок третьего года. "Если прорвутся гигантские английские бомбардировщики, ты не тревожься, потому что прорывы эти - часть плана фюрера. Бабушка и двоюродный брат Пауль должны погибнуть, а наши города должны превратиться в руины, ибо все это - часть

грандиозного стратегического плана, который мне, с моим ограниченным умом, невозможно даже представить себе.

Оказывается, показателем гениальности наших высших руководителей является как раз то, что они могут

позволять американцам и англичанам сбрасывать на нас бомбы, несмотря на то что в общем-то войну они проигрывают. Верь фюреру, он полон самых различных неожиданностей".

Блессинг с победоносным видом посмотрел на всех.

- Ну и как? - спросил он. На некоторое время в комнате воцарилась напряженная тишина.

- Что "ну и как"? - спросил наконец Лёвенгерц. - Разве это не благородное патриотическое письмо?

- Это свинство, - заявил Блессинг. - Сарказмом от этого письма несет за целый километр.

- Какой сарказм? - спросил Реденбахер. - Вы улавливаете здесь какой-нибудь сарказм? - спросил он Штаркхофа.

- Манера писать и стиль могут вводить в заблуждение, - заметил Штаркхоф.

Блессинг снова посмотрел на письмо.

- По-моему, - вмешался майор Реденбахер, - было бы лучше, если бы вы сообщили, какими другими уликами вы располагаете.

- Похищенный документ вчера и позавчера вечером был в прикроватном шкафчике Гиммеля, - опять начал Блессинг. - Мне донесли об этом наши люди. При всем уважении к вам, герр майор, я прошу разрешения арестовать шпиона Гиммеля и заключить его в военную тюрьму в Гааге, где против него будет подготовлено

дело.

- Будет подготовлено? - возмущенно повторил Реденбахер. - Мы живем в национал-социалистской Германии в тысяча девятьсот сорок третьем году, Блессинг, а не в какой-нибудь маленькой, ничего не значащей

республике! Мы действуем по правилам и законам, а не в соответствии с какими-то туманными предположениями и догадками. Если вы хотите взять из моей, находящейся на передовой линии, части одного

из наиболее опытных летчиков, то должны представить более веские доказательства!

- При всем уважении к вам, герр майор, борьба с коммунистическими шпионами и предателями - это тоже передовая линия. Ваш долг состоит в том, чтобы разрешить мне арестовать Гиммеля и направить его в тюрьму,

где ему и следует быть.

- Я вовсе не нуждаюсь в ваших напоминаниях о моем долге, Блессинг, - сказал Реденбахер. - А что касается борьбы с коммунистами, то я участвовал в ней на улицах Эссена еще тогда, когда вы под стол пешком ходили.

- Вы отказываетесь выдать преступника? - спросил Блессинг.

- Нет-нет-нет! - вмешался Штаркхоф. - Герр майор выразил свое отношение к этому вопросу весьма ясно, Блессинг. И по-моему, весьма обоснованное отношение. Он рекомендует вам собрать более веские доказательства и тщательно обосновать ваши предположения, с чем я совершенно согласен. В настоящий

момент я действительно не могу поддержать вас, Блессинг. По-моему, вам лучше оставить этого Гиммеля под

наблюдением командира и попросить не выпускать его за пределы базы.

Штаркхоф выбрал для своих слов наиболее подходящий момент, ибо Блессингу потребовалось всего несколько секунд, чтобы понять, что его перехитрили.

- Хайль Гитлер! - громко произнес Блессинг и щелкнул каблуками.

- Хайль Гитлер! - одновременно ответили ему Реденбахер, Лёвенгерц и Штаркхоф.

Блессинг вышел из домика первым. Штаркхоф несколько задержался, чтобы пожать руки обоим летчикам. Уже взявшись за ручку двери, он вдруг обернулся и, улыбнувшись, сказал:

- Блессинг, конечно, забавен, господа, но в результате всего этого досье на Гиммеля может стать моей личной ответственностью. Если это произойдет, нам придется поговорить, когда я вернусь, более серьезно, чем

сегодня. И вам надо продумать, что именно сказать мне, ибо, как говорим мы, юристы, *decipere quam fallere est*

tutius. - Он еще раз улыбнулся. - Герр обер-лейтенант Лёвенгерц переведет.

Штаркхоф вышел и закрыл за собой дверь.

- Безопаснее быть введенным в заблуждение, чем вводить в заблуждение, - тихо перевел Лёвенгерц.

- Виктор, как ты думаешь, он вмешался в вопрос об аресте Гиммеля только потому, что хочет взять это дело под свой контроль? - спросил Реденбахер.

- Да, полагаю, что именно поэтому, - ответил Лёвенгерц. - Теперь мне понятно, что его разговор со мной по пути сюда имел целью главным образом восстановить меня против Блессинга.

- Хитрая старая лиса, - пробормотал Реденбахер.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

При выборе участка для постройки аэродрома то обстоятельство, что местность неровная, не имеет существенного значения, ибо возвышения и впадины на ней можно легко сровнять. Решающий фактор - это

дренаж. Жители Литл-Уорли всегда знали, что картофельные поля, расположенные к востоку от их деревни,

всегда сухие из-за стока воды в Уитч-Фен. Подпочва в этом районе была достаточно прочной, чтобы выдержать

вес тяжелого бомбардировщика. Поэтому никто не удивился, когда в начале войны сотрудники из министерства

авиации, исследовав грунт, заявили, что район удобен для постройки аэродрома бомбардировочной авиации.

Затем сюда прислали различные землеройные машины, бетономешалки, асфальтоукладчики. Рядом с деревней

Литл-Уорли вскоре соорудили две пересекающиеся бетонированные взлетно-посадочные полосы, а вокруг них

проложили дорогу, вдоль которой были построены капониры для самолетов. Как бы по мановению волшебной

палочки всюду выросли сборно-разборные бараки, которые жались друг к другу, как большие серые слоны под

холодными ветрами Восточной Англии. Появились здесь и ангары. Похожие на кафедральные соборы, они поднялись вверх выше церковной колокольни и заняли территорию больше, чем кладбище.

Прошло очень немного времени, и жителям Литл-Уорли уже казалось, что суматоха и суета от пребывания здесь тысячи восьмидесяти трех авиаторов существовали вокруг них испокон веков. На аэродроме появились и

женщины, что немало встревожило жителей деревни. С накрашенными губами и завитыми волосами, эти женщины работали не меньше мужчин, а иногда их накрашенные губы произносили не менее сочные ругательства. Эти женщины являли собой внушающий опасения пример деревенским девушкам.

Некоторые

местные жители называли аэродром сатанинским гнездом нечестивых и в темное время старались обходить его

как можно дальше и как можно скорее.

Вокруг всего аэродрома на круглых бетонированных площадках стояли тяжелые бомбардировщики эскадрильи. Опоясывавший аэродром забор высотой не меньше шести футов имел скорее символическое

значение, ибо люди, движимые элементарной человеческой логикой, проделали в заборе большие дыры как раз

в тех местах, где забор оказывался на кратчайшем пути от стоянок самолетов к деревенской таверне. Сквозь одну из таких брешей в заборе проскочил небольшой грузовик, доставивший на аэродром авиаторов после кратковременного отдыха во время уик-энда в доме Кознов. Грузовик резко затормозил. Дигби

и Бэттереби ударились головой о металлические стойки.

- Держись! - крикнул сидевший в кабине капитан Суит.

- Запоздалое предупреждение, - проворчал Дигби. Грузовик остановился у административно-служебного здания второго авиаот-

ряда. Когда с шумом открыли задний откидной борт, Суит подхватил миссис Ламберт за талию и снял ее на землю с таким изяществом в движениях, что этому мог бы позавидовать любой артист балета. Не снимая рук с

талии миссис Ламберт, Суит деликатно поцеловал ее в щеку.

- Droit du seigneur (по праву господина - франц.), Ламберт!

- крикнул он. - Водитель подвезет вас к оперативному отделу, миссис Ламберт. Кажется, там уже к чему-то готовятся.

У каждого бомбардировщика "ланкастер" сустились люди. Вокруг огромных четырехмоторных самолетов хлопотали авиационные механики, мотористы, электрики, техники по приборам, радиотехники и другие специалисты из наземных обслуживающих экипажей. В северном углу аэродрома виднелся ряд невысоких

холмиков, похожих на древнейшие захоронения. В каждый из них вел бетонированный вход. Их окружали земляные валы, защищающие от действия взрывной волны. Это был склад авиационных бомб. Здесь выстроились в очередь автомашины с прицепами для подвоза и подвески бомб. Оружейные мастера, низко

наклоняясь к взрывателям и стабилизаторам, осторожно подталкивали бомбы к их местам в прицепах. Тут были

и фугасные бомбы, и бомбы большой мощности, и ориентирно-сигнальные бомбы, и контейнеры, вмещающие по девяносто блестящих четырехфунтовых зажигательных бомб. Никто не выводил на них краской "Привет Гитлеру"; такими вещами занимались лишь фоторепортеры газет и журналов. Оружейные мастера ничего забавного в бомбах не находили, и им было не до шуток.

Маленькое административно-служебное здание второго авиаотряда сотрясалося всякий раз, когда один за другим на максимальных оборотах опробовались двигатели самолетов. Внутри здания было мрачно. Здесь стояли два небольших железных шкафа для хранения документов, два стола и два стула. В углу была прикреплена небольшая раковина с обитыми по краям железнодорожными кружками и коричневым металлическим чайником, который, чтобы налить из него воды, приходилось почти опрокидывать.

Классная

доска на стене была разграфлена для нанесения на нее сведений о техническом состоянии "Ланкастеров" второго отряда.

Выше доски по распоряжению Суита древнесаксонскими буквами была старательно выведена надпись: "Второй отряд бомбит лучше всех". Под этой надписью виднелось грязное пятно - след от другой, не очень тщательно соскобленной, надписи, выражавшей иное мнение по этому вопросу.

- Доброе утро, - сказал Суит. - Мы участвуем?

- Так точно, сэр: летят все, кто может, - ответил находившийся в здании сержант.

Суит взял со стола банку с пенсами и встряхнул ее. На приклеенном к ней ярлыке было написано от руки: "Детям поселка на рождественский праздник". В этом году Суит максимально использовал свое обаяние для

сбора денег на подарки детям. Улыбаясь, он требовал пожертвований от всех, не взирая ни на чины, ни на дол-

жности. Он настоял также на том, чтобы от всякой проведенной лотереи, игры в кости или всякого пари, заключаемого между ребятами второго отряда, производилось отчисление десятипроцентного "налога" в фонд

рождественского праздника для детей.

Суит открыл дверь с табличкой "Командир второго отряда". В кабинете было очень жарко. У окна истерично жужжала оса. Суит ударил ее свернутым в трубку журналом "Пикчер пост" и открыл окно.

Подцепив

убитую осу журналом, он выбросил ее в окно. Глубоко вдохнув запах свежескошенной травы, Суит посмотрел на "ланкастеры", которыми командовал: на фоне неба у линии горизонта они казались причудливым бордюром.

Самолет, на котором летал сам Суит, имел бортовой знак "S" по позывному "Sugar", однако командир отряда убедил почти всех, что бортовой знак - это первая буква его фамилии.

Это был самый новый самолет во втором отряде, и на его носу была нарисована только одна бомба.

А вот и самолет Ламберта с бортовым знаком "O" и позывным "Orange". Это была старая машина с несколькими рядами нарисованных желтых бомб - шестьдесят две бомбы. Внешне он выглядел так же, как и

другие бомбардировщики: был выкрашен главным образом матовой черной краской, и лишь сверху на фюзеляже и крыльях были нанесены пятна защитного и коричневого цвета. Эта машина уже не раз побывала в

капитальном ремонте. У нее была новая хвостовая часть, новые закрылки на левом крыле и, кроме того, на носу

и левом крыле, в тех местах, где их пробил зенитные снаряды, красовалось несколько

свежеприклепанных

заплаток. Створки бомболюков - эти наиболее уязвимые места - на самолете Ламберта заменялись уже восемь

раз.

Когда экипаж Ламберта впервые получил этот самолет, ребята с недоумением и, пожалуй, даже со страхом

молча смотрели на потрепанную в боях машину. Вот тогда-то Мики Мерфи, бортинженер Ламберта, произнес

со вздохом: "Ну что ж, скрипучая дверь служит дольше".

Дигби так и окрестил этот бомбардировщик: "скрипучая дверь". Машине такое имя, видимо, пришлось по душе, и, хотя она в общем-то летала как птица, ее хвостовая часть немного поскрипывала, особенно в моменты,

когда самолет находился над целью. Во всяком случае, старший сержант Дигби клялся и божился, что это именно так.

"Скрипучая дверь" была одним из первых самолетов типа "ланкастер". Завод выпускал злополучный двухмоторный самолет, и в порядке чрезвычайной меры конструкторы попросили разрешения попытаться поставить на самолет два дополнительных двигателя. Специалисты из министерства авиации сказали свое авторитетное "нет", но завод не обратил на них внимания и попытался-таки... "Так вот и был создан лучший за

войну бомбардировщик", - утверждал Дигби.

Следующим в ряду стоял самолет, имевший бортовой знак "L" и позывной "Love". Выше нанесенных желтой краской на его носу пятнадцати бомб был нарисован портрет Сталина.

Командиром этого самолета был сержант Томми Картер. В общей сложности эта машина уже побывала в пятнадцати рейдах, но экипаж Томми участвовал только в восьми из них, за исключением, правда, Коллинза, на

счету которого уже было двадцать девять вылетов. Сегодня будет его тридцатый вылет, после чего он получит

право на отдых.

В другой части аэродрома, на расстоянии мили или чуть подальше, Суит увидел ближайший к нему самолет из другого отряда, а правее за небольшим холмиком - командно-диспетчерский пункт. Потом он снова

посмотрел в том направлении, где разворачивался грузовик, готовясь выехать на проходившее мимо деревни

шоссе. Около большой дыры в заборе старший сержант Ламберт прощался со своей женой.

- Будь добр, - обратился Суит к сержанту в другой комнате, - передай Ламберту, что мне нужно поговорить с ним. Я вот тут подумал и решил, что грузовику лучше сразу же отправиться в военно-транспортный отдел. Сейчас нельзя не быть осторожными. Передай мои извинения миссис Ламберт, ей придется пойти пешком. Ска-

жи ей, что я очень и очень сожалею.

- Возьми мой велосипед, Рут, - предложил Ламберт.

- На велосипеде я не смогу, Сэм. В этой форменной юбке на нем невозможно ехать. Дойду пешком.

- А ты не устанешь?
- Тут всего одна миля. Для меня это полезно.
- Мистер Суит просит вас зайти, командир, - сказал подошедший к ним сержант.

Прощаясь, Ламберт крепко обнял и поцеловал Рут:

- Ты раньше меня узнаешь, куда мы сегодня полетим.
- Береги себя, Сэм.
- Я люблю тебя, Рут. Перед вылетом я забегу и мы еще увидимся.

Когда Ламберт возвращался к канцелярии своего отряда, летчики уже становились в очередь в ожидании автофургона с утренним чаем и пирожными. Он посмотрел на свои часы: было без десяти минут одиннадцать.

Войдя в канцелярию, Ламберт увидел там весело смеющихся капитана Суита и двух писарей.

- Ну что ж, Сэмбо, закрылки на взлет! - сказал Суит. - Кажется, все остальные опередили нас. Опробование самолета для ночного полета лучше, пожалуй, провести как можно скорее. Основной инструктаж в семнадцать

ноль-ноль.

- А насчет цели что-нибудь известно?

- Если б даже было известно, то я все равно не мог бы сказать. - Суит перелистал несколько документов на своем столе. - Да, кстати, небольшая перетасовка в экипажах. С завтрашнего дня молодой Коэн будет штурманом

на моем самолете. Дигби тоже перейдет ко мне. А мои ребята, Тедди и Спик, переходят к тебе. Считаю, что тебе

чертовски повезло, Сэмбо.

- Перетасовка? - спросил Ламберт, не скрывая недовольства.

- Я знаю, для тебя это самое худшее, что можно придумать, Сэмбо. Мы все ненавидим такие перетасовки, особенно если ребята в экипаже слетались и подружились. Но Коэн слишком молод. Я хочу поднатаскать его

немного. Я знаю, что ты думаешь, Сэмбо, но уверяю тебя: я меньше всего хотел этого.

- Твой штурман - отвратительный склочник, а изза этого бомбардира Спика ты все время на самом последнем месте по фоторезультатам бомбардировок! - возмутился Ламберт. - Я не хочу летать с ними. В прошлом месяце ты взял у меня бортинженера, с которым я сделал пятнадцать вылетов. Тебе этого мало?

- Вот-вот, я так и знал! - сказал Суит. - Ты думаешь, что тебе отдают плохих? Как же, по-твоему, дорогой друг, я летаю с ними? - Суит примирительно похлопал Ламберта по плечу. - Слушай, Сэмбо, ты просто расстроен. Не говори мне больше ни слова. Я ненавижу неприятности, ты же знаешь меня.

"Да, - подумал Ламберт, - при условии, если б ты не создавал их для себя сам".

- Слушай, старина, - продолжал Суит после небольшой паузы, - приказ о новом составе экипажей начинает действовать с завтрашнего утра. Это не моя идея, даю тебе честное слово. Это пришло в голову какому-то кабинетному воюке в оперативном отделе. Завтра в офицерской столовой я отведу в сторонку нашего командира

и припугну его: скажу, что если, мол, он не оставит твой экипаж в покое, то ты и я атакуем министерство авиации с бреющего полета.

- Я поговорю с ним сам, - сказал Ламберт.

- О, ты не знаешь, какой он упрямый и несговорчивый. Такие старые хрычи, как он, - настоящее бедствие для нас! Никакого толку не будет, если ты даже попросишься к нему на прием! Ты уж поверь мне... А ты не подумал над составом крикетной команды? - неожиданно перешел Суит на другую тему. - Мы играем в этот

уик-энд в Бестеридже. У них сильная команда.

- Я занят в следующий уик-энд, сэр, - ответил Ламберт.

- Подумай, Сэмбо. Пара выигрышей в крикет - и ты мог бы оказаться в хороших отношениях со Стариком. Да и со мной, - добавил он и улыбнулся, чтобы показать, что шутит. - Кстати, Ламберт, - снова перескочил он на

другую тему, - оружейные мастера сняли плексигласовый щиток с задней турели. Это ты разрешил?

- Да, я.

Ламберт сказал это тоном, заставившим Суита подумать, что приказ о снятии щитка исходил от вышестоящего командования, поэтому он осторожно поинтересовался:

- А для чего, собственно?
- Чтобы лучше видеть.
- Лучше, чем через хорошо отполированный плексиглас?

- Ты же вот только что открывал окно, чтобы лучше увидеть меня...

Суит улыбнулся. Ламберт продолжал:

- Плексиглас был настолько мутным, что сержант, оружейный мастер, хотел сменить его. Я решил, что лучше убрать его вообще.

Суит опять улыбнулся и сказал:

- Меня, как командира отряда, не мешало бы в соответствии с правилами хорошего поведения поставить об

этом в известность.

- Письменный доклад. В прошлый четверг на твоём письменном столе была докладная записка. Она вернулась к нам с твоей визой, поэтому мы и довели свою идею до конца.

- Да, правильно. Я хотел бы, чтобы ты информировал меня о результатах. Надо сказать, тебе пришла в голову неплохая идея.

- Это идея сержанта Гордона, сэра. Если результаты будут хорошие, это его заслуга.

- О'кей, Ламберт. Можешь идти. Можешь идти, дружище, и не забудь о рождественском празднике для детей, когда будешь проходить мимо кружки-копилки.

Ламберт, который был на четыре года старше и на шесть дюймов выше Суита, взял под козырек и вышел. На летном поле запускали двигатели и рев стоял оглушительный. Старший сержант Уортингтон дождался Ламберта, и они молча направились к "скрипучей двери". Уортингтон служил в королевских военно-воздушных

силах с самого их создания. Его комбинезон был отутюжен и накрахмален, туго завязанный галстук хорошо прилегал к воротнику рубашки. У него было красное, сильно лоснящееся лицо, и он мог забраться

вовнутрь обильно смазанного двигателя и выйти из него, не причинив ни малейшего ущерба своему внешнему виду.

- Хорошая, черт бы ее взял, машина, Сэм,- сказал Уортингтон, кивнув на "скрипучую дверь", - жаль только, что она не молодеет, а стареет.

Он посторонился, чтобы дать Ламберту возможность усестись на узкое сиденье летчика, и бросил взгляд через окно, дабы убедиться, что его механики занимаются правым внутренним двигателем. Потом они оба посмотрели на самолет сержанта Томми Картера.

- А правда, интересно, шеф, - обратился Ламберт к Уортингтону, - что на фюзеляже обозначают число вылетов самолета? Ни на одном из них число нарисованных бомб не совпадает с числом вылетов, совершенных

экипажем. Как будто самолет летит бомбить Германию по своему собственному бандитскому побуждению, а

нас берет с собой просто так, для прогулки.

Уортингтон решил, что такие рассуждения Ламберта - проявление нервозности.

- Старые самолеты - это счастливые машины, Сэм,- сказал он.

- Иногда мне приходит в голову, что люди здесь ни при чем. Просто немецкие машины сражаются с английскими машинами.

Уортингтон пристально посмотрел на темные круги под глазами Ламберта.

- Ты, случайно, не перепил ли, сынок? - спросил он тихо. Ламберт отрицательно замотал головой.- А спал хорошо?

- Часто просыпался,- сознался Ламберт.- Мне приснился смешной сон. Будто я на дне рождения малыша. В торте шесть свечей. А когда он подошел к торту, чтобы задуть свечи, его голова вдруг растаяла, как восковая.

Смешной сон, правда? Тем более смешной, что у меня ведь нет детей.

- Ну что ж, по-моему, раз ты теперь рассказал о нем, больше тебе такой сон не приснится.

- Это все от проклятой пищи в столовой, - проговорил Ламберт, смеясь, и тут же задался вопросом: а откуда Уортингтон знает, что он до него никому о своем сне не рассказывал?..

ГЛАВА ПЯТАЯ

Альтгартен был небольшим провинциальным городком с населением около пяти тысяч человек. Пятьсот из

них переселились в этот город после того, как в марте началась регулярная бомбардировка расположенного

поблизости района Рура - так называемая битва за Рур.

В средние века здесь на перекрестке дорог находилось много мужских монастырей, но Альтгартен всегда оставался местом, где путники меняли лошадей и поспешно выпивали кружку пива, чтобы до наступления

темноты доехать до голландской границы или Кельна. Монастыри превратились в руины, а их фруктовые сады

вошли теперь в черту города. В конечном счете от средневековых построек осталась лишь церковь Либефрау. В

пригороде на равнине повсюду появились фруктовые и овощные фермы, а яркие солнечные лучи переливались

в многочисленных стеклах расположенных рядами теплиц. В городе были также шелкоткацкие фабрики, а теперь почти двести его жителей, большей частью женщины, занимались производством парашютов.

Центр города - вымощенный булыжником треугольный участок вокруг церкви Либефрау - был застроен домиками семнадцатого века. Военным автоколоннам приходилось поворачивать у города и следовать мимо

железнодорожной станции, ибо большие грузовые машины никак не смогли бы проехать по узким мощеным

улочкам старинного города.

Война, разумеется, многое изменила в Альтгартене. Больница расширилась до небывалых размеров, поскольку воздушные налеты на Рур становились все более частыми и мощными. Рядом с больницей появились

пристройка и учебный центр Красного Креста для подготовки сестер милосердия по ускоренному трехнедельному курсу. К этим зданиям примыкал огромный лагерь, где находились выздоравливающие раненые с Восточного фронта, у которых были ампутированы конечности; здесь они учились пользоваться различными протезами. Там, где некогда возделывались огромные поля и цвели фруктовые сады, теперь расположились специальные инженерные и технические части, готовые выслать крупные спасательные и ремонтные автоколонны в разрушенные бомбардировкой города Рура. Эти учреждения и организации заполнили весь город. В послеобеденное время на главной улице города появлялось так много медицинского

персонала и выздоравливающих раненых, что местные жители чувствовали себя здесь как бы посторонними.

Герр Френзель, владелец лучшего ресторана в Альтгартене, никогда не жаловался на недостаток посетителей. В баре на первом этаже всегда было полно инженеров, и иногда там бывало даже слишком шумно,

но в самом ресторане, наверху, царили спокойствие и порядок. Из окон ресторана открывался вид на площадь

Либефрау: отсюда были хорошо видны как сама церковь, так и старинные дома позади нее. Это было самое

сердце Альтгартена, а расположенные здесь здания составляли гордость коренных альтгартенцев.

Церковь Либефрау поражала своей величественностью. Ее ажурные окна были очень большими, чтобы сквозь них проникало как можно больше скудного северного света, а крыша церкви была очень крутой, чтобы

на ней не задерживался зимний снег. Линии тонких контрфорсов спускались сверху вниз, будто туго натянутые

приливом якорные цепи, а белые дома позади напоминали меловые скалы, возле которых церковь, казалось,

стояла на якоре.

Ко времени второго завтрака холодный фронт воздуха с характерной для него плотной, низкой и темной облачностью прошел над Альтгартеном на восток, не разразившись, однако, дождем. Дождя в городе не было

вот уже три недели подряд. Преимущественно деревянные постройки в центре старинного Альтгартена от длительного воздействия солнечных лучей буквально рассыхались.

Сейчас над Альтгартеном медленно ползли белые облака, сквозь разрывы в которых на площадь Либефрау то и дело пробивались золотистые солнечные лучи. На площади перед церковью толпился народ.

Здесь проводился широко разрекламированный сбор средств. Всякий, кто вносил две марки в фонд "зимней

помощи", получал право забить гвоздь в деревянную карту Англии. С того момента, как бургомистр забил утром первый гвоздь, здесь побывали и вбили по гвоздю многие влиятельные люди Альтгартена. Карта Англии

была усеяна шляпками гвоздей - преимущественно вокруг Лондона, так как только очень высокие ростом могли

забить свой гвоздь в районе Шотландии. Играл духовой оркестр гитлерюгенда, и звуки бравурной мелодии бы-

ли хорошо слышны в ресторане Френзеля, несмотря на звон посуды и гул человеческих голосов.

Вальтер Рейсман, бургомистр, сидел за столиком у окна с Френзелем и оживленно обсуждал детали праздничного обеда в честь своего пятидесятилетия.

Бургомистр, в прошлом кавалерийский офицер, был высокий светловолосый мужчина с большим шрамом на лбу. Это был след ранения. Он вступил в нацистскую партию в 1928 году, когда в ней было еще очень мало

представителей высших слоев общества, то есть людей, обладающих чувством собственного достоинства.

Будучи страстным нацистом, бургомистр вместе с тем оставался приверженцем старой немецкой школы.

Для

этого спокойного горделивого человека быть честным означало говорить правду, сражаться до смерти и безжалостно отвергать все неарийское.

Бургомистр недавно одержал крупную победу, принесшую ему огромную популярность. Пять месяцев назад он в результате умелого использования своих связей, оживленной переписки и заключения разумных

сделок спас церковные колокола Либсфрау от переплавки их на вооружение. Реакция со всех сторон поистине

поразила его. За какой-нибудь месяц он сумел завоевать расположение католиков, приверженцев традиций,

историков и сослуживцев.

- Это не какой-нибудь там большой прием, - объяснял бургомистр Френзелю. - Восемнадцать персон, причем большая часть - из моей семьи.

- Понимаю, понимаю, - сказал Френзель. - Я буду лично наблюдать, герр бургомистр, за приготовлением блюд и за обслуживанием.

- Вино бургундское. Такое же, как в прошлом году.

- Я записал это, - сказал Френзель.

- А кто это сидит там с герром Бахом?

- Его домработница, - ответил Френзель.

- А сколько прошло с тех пор, как погибла его жена? - спросил бургомистр.

- Тринадцать месяцев, - ответил Френзель.

- Очень красивая девушка, - заметил бургомистр.

- Да, очень красивая, - согласился Френзель. - Ее отец из Бреслау: высокопоставленный чиновник в министерстве пропаганды.

- Да что вы! - удивился бургомистр и потрогал пальцами значок нацистской партии на лацкане своего пиджака.

В другом конце зала Август Бах открывал в АннеЛуизе все новые и новые достоинства, о которых раньше он мог только предполагать. Она заразительно смеялась и восхищалась буквально всем, что он говорил или

делал.

- Очень жаль, что сосиски у герра Френзеля вылезают из шкуры, - сказала Анна-Луиза и весело рассмеялась. Она не привыкла выпивать среди дня два больших стакана вина. - В них полно хлеба,

- добавила она.

- Нет,-возразил Август.-Это секретный луч англичан. Кто-то в Лондоне поворачивает выключатель, и все сосиски в Руре трескаются от конца до конца.

Анна-Луиза внимательно посмотрела на Августа: она еще не привыкла к тому, что он может шутить и поддразнивать ее. Затем она рассмеялась и над его выдумкой и от переполнявшего ее счастья. Это был замечательный смех.

Она смеялась и тогда, когда они выходили из ресторана через бар. Несколько инженеров приветливо помахали ей рукой, и она послала им воздушный поцелуй.

- Это друзья маленького Ганса, - объяснила она. - На прошлой неделе они прокатали его на большом кране.

Ему очень понравилось. Ганса все любят, Август.

Не успели они пройти по улице несколько шагов, как кто-то окликнул Августа. На противоположной

стороне улицы стоял серый автофургон, на борту которого краской было выведено: "Герхард Белль". За рулем

сидел сам Герд. Он вышел из машины и направился в их сторону.

Герд Белль четыре года назад овдовел. Это был жизнерадостный человек низкого роста, с длинными руками и очень широкими сильными кистями, что в совокупности делало его похожим на смеющуюся лысую

гориллу. Герд ничего не предпринимал, чтобы скрыть это сходство, и поэтому, когда он, выпив несколько рюмок шнапса, случилось, резко шарахался в сторону у фонарного столба, многие прохожие, осторожно пробиравшиеся по затемненной улице, страшно пугались его. Правда, чаще всего это были приезжие, потому

что местные уже успели привыкнуть к внешности Герда.

После особенно крупных воздушных налетов на рурские города Герд стал ездить на своем фургоне в разрушенные бомбардировками районы и оказывать там посильную помощь пострадавшим. Иногда, сидя в

баре, он рассказывал жуткие истории о том, какие картины довелось ему увидеть, а находившиеся в баре инженеры дополняли его своими рассказами.

- Август, - сказал он, подойдя к ним, - а я ищу тебя. Заглянул к тебе домой, надеясь выпить чашечку настоящего кофе.

- А мы все утро ходили по магазинам.

- О, с покупками можно и подождать. Я не знал, что ты вместе с Анной-Луизой.

- Мы собираемся вступить в брак, герр Белль, - радостно сказала Анна-Луиза.

На лице двоюродного брата Августа появилось такое удивление, что и Анна-Луиза, и сам Август не удержались от смеха.

- Неужели это так страшно? - спросила АннаЛуиза.

- О, это замечательная новость! - воскликнул Герд Белль.

- Мне через час надо отправляться в часть, - сказал Август. -Но сначала нам надо купить кольцо, а потом я должен написать письмо родителям Анны-Луизы.

- Ну, тогда я не смею задерживать вас, - проговорил Герд и сердечно пожал Августу руку. - Будь счастлив, Август, и вы, Анна-Луиза, тоже будьте счастливы. В войну на такое счастье мало кто может рассчитывать.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Прошла первая половина дня. Все самолеты на аэродроме Уорли-Фен были готовы, рапортчики ежедневного осмотра машин завизированы. Гул от летающих по кругу бомбардировщиков не смолкал с самого

раннего утра. "Скрипучая дверь" получила зеленый сигнал с команднодиспетчерского пункта, и Ламберт двинул

рычаги сектора газа вперед так же плавно, как он делал это тысячу раз прежде. Сзади на плечо Ламберта слегка

опирался молодой Бэттерсби, как бы напоминая этим командиру, что он на месте и готов действовать.

Ламберт

быстро поднял хвост самолета. Как только пять тысяч лошадиных сил начали захватывать воздух, спинка сиденья сильно надавила на спину, и Ламберт, как всегда, почувствовал от этого приятное возбуждение.

Бэттерсби, подсунув руку под руку командира, принял рычаги сектора газа на себя. В этот момент

Ламберту

были нужны обе руки, чтобы Отвести назад штурвал и заставить темный нос самолета подняться и медленно

пересечь линию горизонта. Ламберт нажал на педали управления рулем направления, потому что Бэттерсби

недостаточно сильно нажимал вперед на рычаги управления двигателями левого борта.

Коэн выкрикивал показания указателя скорости, установленного около штурманского столика:

- Девяносто пять! Сто! Сто пять!

В этот момент "скрипучая дверь" неожиданно оторвалась от земли. Линия горизонта качнулась и быстро пошла вниз, словно падающий обруч, нос самолета слегка опустился, и "ланкастер" принял нормальное полетное положение.

- Сделаем один круг, - сказал Ламберт. Этим он давал знать Коэну, что тому не нужно вести прокладку и определять место самолета во время этого короткого пробного ночного полета.

Бортрадист Джимми Гримм сгорбился над своим столиком под кронштейнами с радиоаппаратурой. Его

лицо расплылось в улыбке. Он проверял работу передатчика, передавая условный сигнал. Ламберт начал плавно

поворачивать. Зеленая сельская местность под накренившимся крылом медленно наклонилась вперед, словно

ярко раскрашенная глубокая детская миска.

- Впереди еще один "ланкастер", - доложил Дигби.

Это был бомбардировщик из другой эскадрильи, в Ламберт посмотрел на него в воздухе так, будто никогда

раньше не видел такого самолета. Это была очень сложная машина - все ее тридцать тонн. Она состояла более

чем из пятидесяти пяти тысяч отдельных частей. Общая протяженность электрической проводки на ней состав-

ляла три мили, ее генераторы могли бы осветить большой отель. Мощности ее гидравлической системы было бы

вполне достаточно, чтобы поднять крупный мост. Мощный радиопередатчик мог бы связаться с любым городом

в самом отдаленном уголке Европы, запас топлива позволил бы долететь до этого города, а бомбового груза

хватило бы, чтобы разрушить его.

Ламберт уменьшил скорость полета. Он отрегулировал ее так, чтобы расстояние до впереди идущего "ланкастера" сокращалось медленно, дюйм за дюймом. Таким ли увидит его самолет летчик истребителя, прежде чем нажать гашетку и разнести его на мелкие частицы? Сегодняшней ночью?

В самолетном переговорном устройстве раздался голос Ламберта. Он опрашивал каждого члена экипажа, в

порядке ли обслуживаемое им оборудование и вооружение. Чтобы ответить, Коэн прижал маску ко рту. Во время первых двух вылетов его начинало рвать еще до того, как самолет пересекал береговую черту Англии.

Помимо испытанного им унижения, это приводило к тому, что "скрипучей двери" приходилось терять столь

важную для нее высоту, чтобы предоставить возможность Коэну все вытравить и обтереться, прежде чем вновь

надеть кислородную маску для оставшейся части полета. Сейчас он снова почувствовал этот противный запах

блевотины, который сохранился на лицевой маске и опять напомнил ему об опасности быть слишком чувствительным, мнительным и впечатлительным. Чтобы отвлечься, он посмотрел на самую верхнюю карту и

начал перечислять про себя порты на побережье Ла-Манша. Затем Коэн включил свой микрофон.

- Бэттерс, - спросил он неожиданно, - в каком подразделении был твой брат в Дюнкерке?

Некоторое время на его вопрос никто не отвечал. Коэн уже хотел повторить вопрос, но в этот момент Бэттерсби ответил.

- Боюсь, что я это выдумал, - сказал он. - Мой брат на такой работе, что освобожден от призыва. На электрической подстанции. - В переговорном устройстве наступила напряженная тишина, потом Бэттерсби озабоченно спросил: - Уж не думаешь ли ты сказать об этом мистеру Суиту?

- Нет, не скажу, - ответил Коэн.

Высоко над собой Ламберт увидел тонкий инверсионный след. Оставляющий его самолет казался малюсеньким пятнышком.

- Смотри, как он идет! - заметил Коэн.

- Это самолет разведки погоды. Летит посмотреть, какая погода в районе нашей цели, - сказал Дигби.

Все посмотрели вверх на движущуюся точку.

- На такой высоте, - заметил Ламберт, - его никогда не соблют.

Если бы капитана Суита спросили, каковы его наиболее примечательные способности, пилотирование бомбардировщика вовсе не оказалось бы где-то в начале списка. Равным образом (и это удивило бы его друзей

летчиков еще больше) Суит вовсе не претендовал на положение популярного среди подчиненных командира.

По его мнению, он отлично справился бы с обязанностями человека, которому поручили бы стратегическое

планирование действий авиации. Некоторые из его юношеских честолюбивых замыслов так и не осуществились

- например, желание иметь рост не меньше шести футов,- однако от желания быть стратегом Суит еще не отказался. Война, решил Суит, будет продолжаться, по меньшей мере, еще десять лет, и времени для осуществления этого замысла вполне достаточно: два цикла вылетов на бомбардировщиках, крест "За летные

заслуги" и пряжка на орденской ленте, а затем работа в высшем штабе.

Суит выпил пару стопок виски в баре офицерской столовой и подошел к полковнику.

- Все в одиночестве, сэр? - спросил он. - Кажется, я уже надоедал вам по поводу сбора средств на рождественский праздник для деревенских детей?

- Привет, Суит,- ответил полковник.- Да, на прошлой неделе вы уже получили от меня целый фунт.

- Да-да, сэр.

- Ну как, в субботу ваша команда собьет спесь с этих ребят из Бестериджа, а?

- Думаю, что собьет, сэр. Однако должен сообщить вам, что старший сержант Ламберт намерен поехать в Лондон. Я, признаться, рассчитывал на него, но он говорит, что не любит играть за воздушные силы.

- Это плохо, но я уверен, Суит, вы все равно выиграете. Во всяком случае, я поставил десять шиллингов на вашу команду. - Они оба засмеялись. -Если ваша команда выиграет в субботу, то командир авиагруппы, вероятно, пригласит вас на обед.

- Да, я слышал об этом.

- И у вас будет возможность поделиться с ним вашими теориями о штабном планировании и о стратегии,- добавил полковник, ухмыльнувшись.

Суит скромно наклонил голову.

- Вы же сейчас командир отряда, Суит,- продолжал полковник.

- О том, как командовать подразделением, вам теперь уже кое-что известно, правда?

- Именно кое-что, - согласился Суит. - Но должен признаться, я не имел ни малейшего представления о том, сколько нужно исписать бумаги для того, чтобы поднять самолет в воздух.

На лице полковника на какое-то мгновение появилась ироническая улыбка.

- Теперь, дружище, вы узнаете, где и как в действительности ведется настоящая война.

Суит ответил полковнику улыбкой, чтобы показать, насколько он разделяет его презрение к кабинетным воякам.

- Особенно если учесть, что наши ребята стремятся как можно скорее схватиться с этими проклятыми немецкими варварами, сэр.

- Вот именно! - возбужденно воскликнул полковник. - Меня взяли на службу, чтобы убивать немцев, и, видит бог, моя эскадрилья уничтожит этих варваров больше, чем любая другая эскадрилья в наших военновоздушных силах!

- Да, сэр, - согласился Суит.- По поводу уничтожения этих варваров, сэр... Есть у нас летчик, чертовски хороший парень, опытный, имеет награды и всякие поощрения, отличный сержант... И вот он заявил мне, что

считает наши бомбардировки не чем иным, как намеренным убийством семей рабочего класса.

- Не иначе как представитель "пятой колонны"! Этот летчик в моей эскадрилье, вы говорите?

- Старший сержант Ламберт, сэр. Может быть, это просто из-за нервного расстройства?

Выражение лица полковника быстро изменилось.

- Ламберт, вы говорите? А у него ведь неплохая служебная аттестация, не так ли? Конечно, мы должны отдать должное русским, Суит. Они показали себя недавно отличными солдатами. Битва под Сталинградом

может стать переломной во всей войне.

- Я только подумал, сэр... зная ваши взгляды на уничтожение немцев...

- Вы поступили совершенно правильно, дружище. Я займусь этим. Если Ламберт начинает нервничать и не хочет убивать немцев, то лучше направить его чистить сортиры.

- Между прочим, сэр, вы, наверное, слышали о той маленьком эксперименте, который я провожу на одной из хвостовых турелей?

- Да, в общем-то мне известно об этом... А в чем там, собственно, дело?

- Видите ли, сэр, однажды утром, когда я открыл окно, чтобы лучше видеть, мне пришла в голову идея...

В Англии ночью гремели грозы, а утром светило солнце. В Кронсдейке, над которым только что прошел холодный фронт, небо было голубым и солнце согревало сырую траву.

Унтер-офицер Гиммель устроился на сиденье летчика своего Ю-88. Солнце уже в течение нескольких

часов прогревало металлический фюзеляж, поэтому и сиденье, и рычаги управления были горячими, а запах

бензина бил в нос так же, как подогретое вино. Оказаться хоть на какое-то время одному было просто удовольствием; если не считать голосов членов команды наземного технического обслуживания, занятой предполетным осмотром, тишина была как на сельском кладбище.

Однако вскоре мирную тишину разорвал звук запущенных двигателей. "Юнкерс" с лейтенантом Кокке на сиденье летчика также готовился к пробному полету. Он рулил позади барака для дежурных экипажей, где летчики проводили большую часть своего времени. Около барака на солнышке загорали больше десятка экипажей самолетов, уже совершивших пробные полеты. Многие летчики были моложе Гиммеля, и только

некоторые служили в люфтваффе столько же, сколько и он. Одни, сняв рубашки, дремали в шезлонгах, двое

играли в шахматы, а остальные, растянувшись прямо на влажной траве, спорили о двигателях и девушках, о

продвижении по службе и наградах.

Неожиданно раздался громкий выстрел из пушки, и прозрачное облако синеватого дыма появилось в том месте, где оружейные мастера пристреливали пушки на самолете Лёвенгерца. Кто-то сострил, и Гиммель увидел, как все летчики рассмеялись. Длительное ожидание ночного времени усиливало в людях напряжение,

поэтому Гиммель всегда старался производить пробный вылет как можно позднее.

Гиммель полностью сдвинул крышку фонаря кабины и крикнул вниз главному механику:

- Вы не видели моего оператора радиолокационной станции?

- Нет, не видел. Он, наверное, все еще разговаривает со связистом.

В это время из барака вышел человек в летном костюме, желтом спасательном жилете и с парашютом, но, присмотревшись к нему, Гиммель понял, что это не оператор, которого он ждал. На некоторое время шедший

человек скрылся за хвостом другого "юнкерса". Когда же он снова появился, все узнали в нем Лёвенгерца.

Даже

для пробных полетов Лёвенгерц всегда надевал на себя все летное снаряжение.

Гиммель видел через люк, как Лёвенгерц подошел к его самолету и стал подниматься по металлической Лестнице. Открылся мягкий внутренний люк, и в нем на уровне пола кабины позади Гиммеля появилась голова

Лёвенгерца.

- Я полечу с вами, - сказал он.

Один из членов обслуживающей команды передал через люк планшет Лёвенгерца. Гиммель кивнул в знак согласия и обменялся страдальческим взглядом с главным механиком на земле. Лёвенгерц же тем временем

уселся на сиденье оператора радиолокационной станции позади Гиммеля и застегнул привязные ремни.

Гиммель нажал кнопку стартера. Из выхлопных патрубков вырвалось яркое синеватое пламя. Раздался оглушительный рев двигателей. Гиммель еще раз осмотрел кабину. Приборы в ней были окрашены в условные

цвета: желтый для топлива, коричневый для масла, синий для воздуха. Все приборы давали нормальные показания, но Гиммель тем не менее был чем-то озабочен.

Он застегнул кислородную маску и поправил ларингофон.

- Летчик - оператору радиолокационной станции,- сказал Гиммель смущенно. - Все в порядке?

- Все в порядке, - ответил Лёвенгерц.

- "Кошка-четыре" - диспетчерской службе: прошу разрешения на взлет.

Диспетчер дал "добро", затем добавил:

- Идите курсом девяносто, отработка перехвата. Рандеву на двух тысячах метров, координаты "Гейнц-Мариядевятя".

Самолет постепенно набирал высоту, идя в восточном направлении. Гиммель вытащил из летного сапога карту.

- Делен, - произнес Лёвенгерц еще до того, как Гиммель развернул карту.

Взглянув на девятый квадрат сетки, Гиммель убедился, что Лёвенгерц прав: это был Делен. Гиммель довольно улыбнулся: большой самолет шел отлично.

Затем он сделал плавный вираж и взял курс на север, в направлении моря. Вскоре под ними появилась

вода, на которой виднелись тени от редких разорванных облаков. Иногда же "юнкерс" попадал в довольно

большие скопления слоисто-кучевых облаков, так что на какой-то момент скрывался весь самолет.

Пролетев несколько миль, они увидели прибрежный конвой. Самолет в этот момент находился на небольшой высоте, и на палубах можно было разглядеть двигающихся людей, а дым из труб некоторых старых

угольных судов поднимался почти до самого самолета. Два судна были загружены свежеспиленным лесом. В

конвое шли также старые датские и голландские прибрежные танкеры, а впереди них - два французских грузовых судна. Они шли по маршруту, которым ходили всегда. Парадоксально, но теперь их охраняли от настойчивых атак английских военно-воздушных сил немецкие военные корабли и самолеты. Еще парадоксальнее был тот факт, что некоторые атакующие английские самолеты были укомплектованы французскими, голландскими и датскими экипажами.

Конвой между тем, не нарушая походного ордера, начал поворачивать на новый курс. В кильватерной струе каждого судна четко обозначились серебристая рябая и белая полосы. С высоты все это казалось очень

красивым. На одном из кораблей охранения конвоя, легком крейсере, неожиданно появились мерцающие огоньки, будто каждый моряк с него передавал самолету какое-то сообщение. Рядом с самолетом внезапно

раздался взрыв.

- Они стреляют в нас! - закричал Лёвенгерц, но его голос потонул в бешеном грохоте новых взрывов вокруг самолета.

Самолет резко снизился и теперь, выровнявшись, летел на высоте каких-нибудь ста футов над гребнями волн.

Теперь "юнкерс" находился в пределах дальности стрельбы корабельных тридцатисемимиллиметровых зенитных орудий. Гиммель продолжал уменьшать высоту до тех пор, пока самолет не оказался в десяти футах

от поверхности воды. Здесь, с такого близкого расстояния, море было совсем другого цвета: холодное, серо-

стальное, покрытое пятнами грязной пены.

Гиммель перевел рычаги управления двигателями на большую мощность и, чуть-чуть играя рулем направления, повел самолет буквально по гребням волн, настолько низко, что ветровое стекло покрылось брызгами. Вскоре самолет оказался на безопасном расстоянии от кораблей, и Гиммель, подняв нос машины,

стал медленно набирать высоту.

Впереди была Голландия. Обозначая ее береговую черту, высоко в воздухе висела как бы еще одна земля из кучевых облаков, образованная морским бризом.

- Вас не зацепило, герр обер-лейтенант? - спросил Гиммель.

- Нет. Как самолет? Управляем?

- По нему ударило пару раз, но все рычаги управления работают нормально.

- Зенитки стреляли хорошо, Гиммель.

- У них большая практика.

- Стреляют они хорошо, но без разбору, - добавил Лёвенгерц. Они оба рассмеялись, и их напряженность ослабла.

- А вы помните того парня, которого звали Порки? - спросил Лёвенгерц.

- Остенде, май сорок первого. Ему сказали, что он награжден Рыцарским крестом...

- ...за атаку на бреющем полете своих же кораблей! - прокричал Лёвенгерц. - Потом они хотели сыграть такую же штуку со мной, но, к счастью, вы предупредили меня, что они разыгрывают новичков. Вы не дали им

сделать из меня дурачка, Христиан!

- Вы были хорошим ведомым.

- А теперь я ваш командир эскадрильи. Смешно иногда получается, правда?

- Вы должны бы быть командиром авиагруппы, - сказал Христиан Гиммель.

- Ради всего святого. Христиан, зачем вы взяли этот документ?

- Поэтому-то герр обер-лейтенант и отправился со мной в полет? - спросил Гиммель почтительным тоном.

- Конечно, Христиан.

- Это было делом чести, герр обер-лейтенант. Этот документ накладывает на всех нас грязное пятно.

- Что вы говорите?! Какой же это документ?

- А они разве не сказали вам, а? Да, наверное, даже им самим стыдно. - Гиммель сунул руку в карман летного костюма, извлек оттуда объемистое досье в обложке из плотной коричневой бумаги и передал его через

плечо Лёвенгерцу. - Прочитайте его, герр обер-лейтенант, и вы поймете, почему я должен был так поступить.

Сначала Лёвенгерц, опасаясь, что его вовлекают таким образом в заговор, хотел возвратить досье Гиммелю, не раскрывая его. Некоторое время он смотрел на зеленоватую ребристую поверхность моря под

самолетом. Затем обер-лейтенант решил и начал читать похищенный медицинский доклад.

"Опыты по замораживанию людей" - так назывался доклад на тридцати двух страницах, составленный доктором Зигмундом Рашером из медицинского корпуса люфтваффе. Опыты производились в концентрационном лагере Дахау. Обнаженных пленных помещали в ледяную воду или оставляли в снегу и держали

там до тех пор, пока они не замерзали и не умирали. Через определенные промежутки времени врачи измеряли у

подопытных температуру. После смерти трупы вскрывались.

Доктор Рашер, кроме того, перевел из Мюнхена в Дахау барокамеру люфтваффе. Двести пленным поочередно помещались в эту камеру, и давление в ней понижалось до тех пор, пока тело подопытного не разрывало. Доклад по этой серии экспериментов был выслан медицинскому инспектору люфтваффе летом 1942

года.

Доклад поразил Лёвенгерца в самое сердце. Разумеется, он предчувствовал дурное - дурного не предчувствовали лишь немногие. Его отец, барон фон Лёвенгерц, тоже не отвергал различных слухов, называя

их симптомами беспокойства и беспорядков. Национал-социалистскую партию считали мостом к здоровому смыслу и благоразумию. Это был переходный период от полного распада на внутреннем фронте в 1918

году к нормальному положению вещей. "Мы должны работать с нацистами, даже несмотря на то что они преобразуют

Германию с целеустремленной жестокостью, Конечно, мы не можем одобрять многие происходящие вещи, в

том числе эти лагеря, о которых народ говорит лишь шепотом. Это, разумеется, неприятные и плохие вещи, но

если Гитлер мошенничает, он мошенничает для Германии, если он крадет, то крадет для Германии, если он

убивает, то, следовательно, делает это также для Германии. Если он нуждается в нашей помощи, то офицерский

корпус должен оказывать ее неограниченно..."

Все это, когда-то сказанное его отцом, Лёвенгерц попытался объяснить Христиану, но убедить его ему так и не удалось.

- Но чего вы добьетесь, если передадите этот неприятный документ англичанам? - спросил Лёвенгерц.

- Я?! Передам англичанам?!-удивился Гиммель.- Вам так сказали обо мне?

- Тогда для чего же он вам?

- Все очень просто, - ответил Гиммель. - Эти вещи делаются в наших интересах - в интересах авиаторов.

Результаты этих экспериментов будут использованы при спасении летчиков, если им придется сделать вынужденную посадку в океане или в Арктике. Но, герр обер-лейтенант, знаете ли вы хоть одного летчика, который не предпочел бы скорее умереть, чем допустить эти отвратительные эксперименты над пленными?

- Не знаю, - согласился Лёвенгерц. - При условии, что вы задаете этот вопрос, пока летчики не попали в воду и находятся в тепле. Но задайте летчику тот же вопрос, когда он упадет в холодное море, - пожалуй, он

решит по-другому.

- Я по-другому не решил бы.

- Да, не решите, потому что вы идеалист, Христиан. Я помню время, когда вы говорили о национал-социалистах как о спасителях нашей земли. Теперь же вы разочарованы. Вы огорчены и возмущены тем, что не

осуществились ваши собственные радужные надежды. Вы раздражены, потому что национал-социалисты не

дали' вам того, чего они вовсе и не обещали.

- Конечно, я огорчен и возмущен, - согласился Гиммель, - но это не значит, что я был прав тогда, как и не значит, что я не прав сейчас.

- Это значит, что выводы следует делать после глубокого размышления и не бросаться сломя голову навстречу опасности.

- Нет-нет, герр обер-лейтенант, разумеется, не бросаться. Но и не откладывать все в долгий ящик. Я сделал двадцать три фотокопии этого документа. Каждая копия отослана почтой офицеру люфтваффе. Я очень долго

обдумывал список офицеров, герр обер-лейтенант. Вы номер двадцать третий; это ваша копия. Оригинал отправлен медицинскому инспектору люфтваффе в Берлин.

Некоторое время они оба молчали. Черное крыло самолета отсекло верхушку небольшого облака.

- Документ не имеет юридической силы, - сказал наконец Лёвенгерц, - потому что вы послали его только офицерам люфтваффе. Это был секретный документ.

- Теперь, когда копией документа располагают двадцать три офицера люфтваффе, он вряд ли стал менее секретным. Однако теперь они не могут заявить, что им ничего не известно об этих вещах. Они должны протестовать.

- Вас просто-напросто арестуют. Христиан, - сказал Лёвенгерц.

- Да, - согласился Гиммель. - Завтра меня арестуют, но завтра меня не будут мучить угрызения совести и уж конечно я не буду оправдывать национал-социалистов.

- Помолчите, Гиммель. Мне нужно время обдумать все это. Верхняя кромка облачности над землей была значительно выше, и

"юнкерс" неожиданно оказался в облаках. Теперь они не видели ничего вокруг. В кабине было светло от какого-

то призрачного света. Гиммель и Лёвенгерц сидели молча, освещенные, но без теней, словно образчики на

микроскопном стеклышке.

- Когда ты поедешь? - спросила Анна-Луиза. Как обычно, перед отъездом Баха на службу она до блеска начищала его ботинки.

- В три часа, - ответил он. - Меня подвезет Макс Зепп.

Опа аккуратно и с большой любовью уложила чистое белье в чемодан.

Иногда полковник Макс Зепп ездил в "мерседесе" генерала Кристиансена, на котором, как и на других машинах высокопоставленных чинов, была сирена и развевался вымпел. Сегодня, к разочарованию Баха, полковник приехал на "ситроене". Макс Зепп, полный светловолосый мужчина лет пятидесяти пяти, служил в

штабе военного коменданта в Голландии и ведал распределением жидкого топлива среди гражданского населения. Он откровенно признавался, что почти совсем не разбирается в том деле, к которому приставлен.

- Вот это жизнь, - сказал Август, усаживаясь на заднем сиденье машины. Шофер закрыл за ним дверцу и взял под козырек. Анна-Луиза помахала Августу рукой, он ответил ей тем же, и машина тронулась в путь.

- Самая хорошая работа во время войны, - сказал Макс. - Когда я нахожусь в отпуске и вижу, как всем трудно живется в тылу, меня мучат угрызения совести.

Шофер совершал такие поездки тысячу раз. Проехав по Мёнхенштрассе, на которой жил Бах, он пересекал широкую главную улицу, потом ехал по кратчайшему пути мимо тыльной стороны больницы Святого Антония.

Старое здание больницы казалось маленьким по сравнению с построенным позади него учебным центром. Через

несколько минут машина обогнула угол фруктового сада фрау Керстен и выехала на плохо отремонтированное

шоссе.

- Воздушный налет? - спросил Макс.

- Единственный для Альгартена. В марте прошлого года. Английский самолет сбросил зажигательные бомбы на картофельные поля фрау Керстен.

- О да, картофель... Без него вермахт не смог бы воевать. Фрау Керстен, наверное, неплохо наживается на войне, Август? Находчивая женщина. Вам следует присмотреться к ней.

- Что вы хотите этим сказать, Макс? - Август не мог удержаться от улыбки, увидев лицо повернувшегося

к нему полковника.

- Так уж вы и не знаете, старый мошенник, что а хочу сказать? - произнес тот, покачивая головой. - Уж не думаете ли вы, что я поверю, будто все свое время вы проводите в обнимку с биноклем и флиртуя с морскими

чайками на вашей радиолокационной станции?

- Но я влюблен, Макс, и собираюсь жениться.

- На Анне-Луизе?

- Да. Конечно, она всего лишь простая наивная девушка, но людей с изысканными манерами и утонченным вкусом с меня уже довольно. Если она сможет мириться с превратностями моей судьбы, я буду

Счастлив.

Макс улыбнулся. Довольно долго они молча смотрели в окна машины.

- Наши дороги... - заметил Макс. - Разве мы могли представить себе такие замечательные дороги, когда были детьми?

- Разве мы могли представить себе войну на два фронта и то, что будем вынуждены перегонять по этим дорогам танковые дивизии?

- Сегодня я благословляю хорошие дороги, ибо мы поедем в обход, в Делен.

- Мы опоздаем из-за этого?

- Удовольствия встретиться с англичанами вы не лишитесь. Шестьдесят километров до Делена, а оттуда до вашей радиолокационной станции не больше ста пятидесяти километров, даже если меня придется подбросить в Гаагу.

- А сколько мы пробудем в Делене?

- Что вы так нервничаете. Август? Успокойтесь.

Бункер в Делене был поистине огромен. Въездная дорога в него шла с уклоном вниз до ровной площадки на глубине нескольких метров. Несмотря на это, бункер возвышался над окружающей лесистой местностью,

словно многоэтажное здание.

- Это вечное сооружение, - сказал Макс. - Оно будет стоять здесь сотни лет после того, как закончится война. Даже если захотят снести его, это будет невозможно.

Когда они вошли в прохладное темное помещение оперативного поста. Август изумленно покачал головой.

Сопровождавший их лейтенант улыбнулся: изумление испытывал каждый новый посетитель бункера. Это сооружение стало достопримечательностью, которую показывали всем высокопоставленным нацистским персонам, и Август стоял как раз на том месте, откуда они бросали на все вокруг первый восхищенный взгляд.

Далеко внизу виднелись офицеры-операторы, все в довольно высоком звании. Внимание этих офицеров было

приковано к карте обстановки проходившего в это время учения. Там, где обычно висят занавеси, прикрывающие карту всего театра военных действий, сейчас висела нанесенная на зеленое стекло карта Север-

ной Европы шириной пятнадцать метров. Проникающего сквозь стекло света было достаточно, чтобы увидеть

множество внимательно смотрящих на карту бледных лиц офицеров. На стенах около карты находились большие стенды с нанесенными на них данными по метеорологической обстановке на театре и информацией о

наличии резервных ночных истребителей. Прохладный воздух, безмолвное движение и зеленый свет создавали

впечатление, будто вы находитесь в каком-то необыкновенном огромном аквариуме.

У каждой из сидевших на балконе девушек был фонарик с узконаправленным лучом света. При помощи линзы Френеля каждый фонарик проектировал на карту маленькую белую или зеленую фигурку в форме буквы

"Т": белыми обозначались постоянно движущиеся английские бомбардировщики, а зелеными - преследующие

их истребители. Получив через головной телефон соответствующие указания, девушки переводили белые фигурки бомбардировщиков через Голландию и вели их стройными рядами на территорию северной части

Германии.

На карте появлялись перекрывающие друг друга световые круги. Каждый из них представлял собой радиолокационную станцию, подобную той, на которой служил Август. Над каждой станцией в небе постоянно

кружили два ночных истребителя, готовые устремиться к бомбардировщику, как только его обнаружит магический глаз станции. Время от времени фонарики, проектирующие белые фигурки, выключались, что означало уничтожение соответствующего бомбардировщика.

- Ну как, нравится вам? - спросил лейтенант.

- Весьма внушительно! - восторженно ответил Август.

- Не всегда, однако, все происходит так спокойно, как сейчас, - продолжал лейтенант. - Во время фактического налета обстановка здесь куда более напряженная.

- И эти маленькие белые фигурки, наверное, исчезают с карты не так быстро, как сейчас, - заметил Август.

- Конечно, - согласился лейтенант, - в этом-то, к сожалению, и заключается разница между учением и действительным налетом. - Он говорил как человек, которому хорошо известно, как бесконечно небо темной

ночью. - Сегодня мы приготовили для них кое-какой сюрприз, - добавил он.

- "Юнкерсы" с наддувом закиси азота? - спросил Август.

- О, вы уже слышали об этом, да? Плюс стодвадцативосьмимиллиметровые орудия на железнодорожных платформах. Сегодня мы применим против них все, чем располагаем.

- Если они полетят над этими железнодорожными установками, - заметил Август.

- Они всегда летят с севера на юг и всегда в направлении на Рур, поэтому орудия окажутся на сравнительно

благоприятных позициях.

- По данным радиоперехвата, сегодня ожидается большой налет,

- сказал Август и посмотрел на свою радиолокационную станцию на карте: дальность ее действия обозначалась

слабо освещенным кругом. Станция находилась точно на полпути между базами английской бомбардировочной

авиации в Восточной Англии и Руром. - Моя станция "Горностаи", - добавил он.

- Я знаю, герр обер-лейтенант, - сказал лейтенант. - Сегодня вам вряд ли удастся поспать.

Когда Август Бах вышел из полуосвещенного прохладного дивизионного бункера управления истребительной авиацией, стоял один из тех солнечных летних дней, когда теплый воздух тягуч, как мягкая ириска, и когда любой здравомыслящий человек спешит развалиться на траве, пахнущей жимолостью и лесной

земляникой.

В машине Макс и Август, убаюканные однообразным видом залитой солнцем сельской местности, сладко дремали. Когда машина оставила позади Лейден, Макс очнулся.

- А вы когда-нибудь служили вместе со своим сыном, Август? - спросил он, закуривая сигару и предложив другую собеседнику.

- Один месяц, в марте прошлого года. Его батальон выполнял задачи связи примерно в трех километрах от аэродрома в России, на котором была моя радиолокационная станция.

- Это хорошо. Вам, наверное, было о чем поговорить тогда, правда?

- Было о чем: где бы погреться. Зимой в России мы только об этом и говорили. В пехотном полку Петера было несколько, шинелей, которые они отобрали у русских. Так вот, Петер дал взятку своему начхозу и получил

одну для меня. В награду за это я показал ему, как под прикрытием темноты три расторопных солдата могут

стащить два десятка буханок хлеба из походной пекарни. Я очень гордился, что мог передать сыну такие познания.

- Значит, целый месяц вы были вместе?

- В один из первых теплых весенних дней они уехали из этого местечка. Я пошел проводить сына на товарную железнодорожную станцию. Петер рассказал, что его часть где-то попала на почти полностью уцелевшую фабрику пианино. Когда они стреляли из автоматов по струнам, раздавались невообразимо звучные

резонансные трели и резкие нестройные обертоны. А ручные гранаты вызывали сумасшедшее хаотическое

нагромождение звуков. Петер сказал, что это была самая веселая забава с тех пор, как они наступали на Вязьму

в октябре предыдущего года.

- Вы опасаетесь за мальчика, Август?

- Конечно, Макс.

- А разве вы не можете организовать ему откомандирование? В конце концов он ведь уже отслужил на русском фронте... сколько? Восемнадцать месяцев?

- Двадцать один месяц. Он никогда не простит мне этого, Макс. Как он будет чувствовать себя? Как любой из нас чувствовал бы себя в таком случае?

- Вы имеете в виду неисполненный долг? Я чувствовал бы себя отлично, Август.

- О, Макс, вы же знаете, каково это - желать, чтобы вашему сыну оторвало ногу, лишь бы он остался в живых!

- Извините, Август.

- Не стоит, Макс. Думать о таких вещах не очень-то приятно. На войне все может случиться и ничто нельзя считать вероятным на сто процентов. Какая-нибудь секунда, какой-нибудь росчерк пера, неправильно понятый

взгляд, прикосновение пальца к спусковому крючку - все это может означать разницу между Рыцарским крестом и трибуналом, возведением в святые и вечным проклятием.

- А сын пишет вам?

- Приблизительно раз в месяц.

- И он ненавидит войну так же, как и вы?

- Макс, друг мой, должен сказать вам, что он любит ее. Мы передали наш мир своим детям. Стоит ли удивляться, что паши дети стремятся к разрушению? Всякий годный к службе настойчивый юнец, если он только пожелает, может получить в свое распоряжение бомбардировщик, подводную лодку или артиллерийскую батарею и сеять опустошение в мире - в том мире, который мы, старшее поколение, так долго

сколачивали. Восемнадцатилетние дети незаметно подкрадываются к двадцатитысячному торговому судну,

нажимают кнопку и хладнокровно наблюдают, как оно погибает. Они поджигают большие города и переворачивают вверх ногами паше общество в обмен на кусочек разноцветной ленточки. Где мы споткнулись,

Макс? Каких детей вырастят они и что сделают с нами?

- По-моему, вы лицемерите, друг мой. Вы осуждаете тех, кто сражается, и называете наших героев убийцами, однако сами нисколько не пренебрегаете уважением и восхищением, проявляемым к вам, как к

опытному летчику-истребителю. И вы носите на шее безделушку, которой награждены. Нет-нет, дорогой Август, вы хотите съесть свой кусок торта, а остатки бросить в лицо другим людям, подобным мне.

- Вы не понимаете, о чем я говорю.

- Тогда объясните, пожалуйста.

- Вы путаете героизм с моралью. Возьмите экипажи английских бомбардировщиков. Это смелые, отважные

люди. Они идут на очень большой риск и тем не менее убивают женщин и детей.

- Вы зашли слишком далеко, Август. Это трусливые чудовища. Они сбрасывают по ночам свои бомбы и пускаются наутек, оставляя людей в огне пожаров и под развалинами.

- Точно так же поступают наши подводные лодки, которые торпедируют ночью торговые суда и крадутся, отходя, оставляя тонущих людей. И тем не менее и те и другие - храбрые и отважные люди.

- Все это разговоры, разговоры и разговоры. Август. Вы так же, как и я, хорошо знаете, что все мы жертвы окружающей нас обстановки и условий. Когда нам приказывают, мы нажимаем на спусковой крючок просто

потому, что один человек не может бросить вызов всей системе. Зачем пытаться?

- Возможно, вы и правы, Макс. Наверное, у меня просто слишком много времени для размышлений.

- Эх, Август, друг мой. Зачем смотреть на вещи так мрачно? Наш спор не что иное, как перепалка, которую ведут два старых друга, покуривая сигары.

Машина между тем свернула в Плейн.

- Со мной будьте осторожны, Макс. Влюбленный человек легко раним.

Макс улыбнулся:

- Но ведь это хорошая сигара, не так ли, Август?

- Великолепная.

- В таком случае возьмите всю коробку. Влюбленный человек никогда не знает, когда ему понадобится

коробка сигар. - Август попытался отказаться, но Макс бесцеремонно вложил ему в руки большую коробку сигар и проговорил: - Некоторое время по этому маршруту будет ездить майор Георг Тухель. Звоните ему утром

в любой будний день, если захотите, чтобы вас подвезли.- Макс повернулся к шоферу: - Довезите обер-лейтенанта до радиолокационной станции "Горностаи". Ко мне - утром, в обычное время.

Шофер прикрыл дверцу машины и отдал честь полковнику Макс Зеппу. Когда машина тронулась, Макс помахал Августу рукой.

Почти целый час шофер и Август ехали молча, но, когда машина вошла в запретную зону, Август почувствовал, что должен что-то сказать. Позади них скрылась последняя деревня, узкая цементная дорога

сменилась песчаной, и неожиданно сквозь дымку стало видно Северное море.

Покрышки "ситроена" скользнули по мягкому песку. Шофер открыл дверцу для Августа, довольно формально взял под козырек и сказал:

- Я думаю, что вам, герр обер-лейтенант, небезыntenесно узнать, что герр полковник Макс Зепп получил приказ отправиться в пехотный полк на русском фронте. Он уезжает в среду. Нам будет недоставать его.

- Мне тоже, - сказал Август. - Благодарю вас.

В бараке для дежурных экипажей был беспорядок: на стульях везде разбросаны газеты и отделанные мехом куртки, ставшие ненужными летчикам в теплый солнечный день. Лёвенгерц к этому времени уже имел

возможность поразмыслить относительно похищенного досье. Сколько влиятельных офицеров люфтваффе необходимо для того, чтобы протест был законным или, по крайней мере, трудно наказуемым? В какой степени

эти офицеры будут единодушны в своем мнении?..

Штаркхоф мог бы ответить на все эти вопросы, но Лёвенгерц был полон решимости не сообщать ему никакой информации взамен.

- Герра доктора Штаркхофа, пожалуйста, - сказал он телефонисту. Наступила короткая пауза.

- Алло, фон Лёвенгерц, - отозвался наконец тот.- Я так и думал, что вы позвоните.

- Я о похищенном досье, конечно, - сказал Лёвенгерц.

- Послал вам копию почтой, да? Боже мой, никак не пойму, почему наши люди не смогли перехватить эту почту? Ну что ж, вы будете пятнадцатым.

- Вы намереваетесь прибыть сюда и собрать их?

- Беспокоитесь, да? Ничего, все нормально, барон. Держите его у себя до завтра. Четырнадцать копий уже здесь, на моем письменном столе. Во всяком случае, почти три сотни экземпляров этого доклада были разосланы медицинским службам, поэтому вам не следует так беспокоиться по поводу одной копии.

- Значит, этот документ разослан? А еще кто-нибудь... Я хочу сказать, не было ли?..

- О, барон разговаривал с Гиммелем? Я сразу догадался. Конечно же не было никакой реакции, за исключением того, что доктор Рашер получил благодарность Геринга от имени люфтваффе.

- Вы завтра вернетесь? Арестовать Гиммеля?

- Правильно. Я буду весьма сдержан. Я подготовлю соответствующие документы, и завтра утром вы убедитесь в разумности сотрудничества с законом и правопорядком.

- Как будет наказан Гиммель?

- Как наказан? Это зависит от многих обстоятельств. Если он раскается и отречется от своего мнения, признает себя виновным, будет сотрудничать с нами или наведет нас на всю конспиративную сеть, то получит

лет десять или пятнадцать.

- А что, если в результате знакомства с этим документом влиятельные офицеры люфтваффе окажут Гиммелю поддержку?

- Конечно, мы живем в обществе, где влиятельность может оказаться козырной картой, - проговорил злобно Штаркхоф, - но я могу держать пари, что они понесут наказание вместе с Гиммелем.

- Вы, кажется, весьма уверены в этом?

- Друг мой, это же моя работа, мне за это платят.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Наиболее умудренным опытом офицером на аэродроме Уорли-Фен был, по общему мнению, старший лейтенант Лонгфелло. Он служил, и не без достаточных оснований, в разведке. Это был высокий голубоглазый

мужчина тридцати восьми лет. В юношеские годы, будучи студентом Кембриджского университета, он увлекался боксом и занимал среди любителей этого вида спорта довольно высокое место. В его ведении

находилось помещение, предназначенное для инструктажа экипажей самолетов, - большой деревянный барак, в котором на скамейках размещалось до ста пятидесяти человек. В одном конце барака был сооружен помост, а позади него во всю ширину помещения на стене висела большая карта Европы. Карту прикрывал красный занавес, который раздвигался в стороны, если потянуть за шнур. Занавес по установившейся традиции открывал командир авиационной базы.

В бараке висели обычные для таких помещений плакаты вроде "Неосторожный разговор ведет к потере жизни", а также доска объявлений, на которой в настоящий момент красными кнопками были прикреплены несколько справок с данными разведки. Под потолком висели модели самолетов противника и союзников. В стороне у края помоста стояла похожая на мольберт подставка, приготовленная для сводки метеорологической службы. С другой стороны помоста до самого потолка были развешаны аэрофотоснимки, показывающие точность бомбометания. Эту экспозицию составляли фотоснимки, сделанные каждым экипажем бомбардировщика сразу после того, как взрывались сброшенные им бомбы. Фотоснимки экипажа Ламберта занимали одно из верхних мест, а экипажа капитана Суита - одно из последних, в самом низу.

Сейчас в этом помещении собрались экипажи всех шестнадцати бомбардировщиков. Летчики с бледными напряженными лицами сидели на скамейках и с нетерпением ждали, когда им разрешат курить. По мере того как приближалось время вылета, люди становились все более унылыми и замкнутыми. Каждый старался быть рядом не столько со своими друзьями, сколько с теми шестью коллегами, которым в ближайшие часы предстояло разделить с ним благополучный или фатальный исход.

Так, два стрелка из экипажа Ламберта, Бинти Джонс и Флэш Гордон, больше двух месяцев назад начали смертельно враждовать, но сейчас они обменивались шутками точно так же, как в старые добрые времена. Это были крепкие молодые парни, отобранные для этой специальности, как и большинство других воздушных стрелков, благодаря их малому росту, поскольку это необходимое условие для людей, имеющих дело с турельной установкой с силовым приводом. Флэш, шахтер из Ноттингема, был смугл, с редкими зубами. Его пристрастие к позолоченным опознавательным цепочкам, кольцам с эмблемой смерти из черепа и костей и белым шелковым шарфам, а также его сугубо штатская осанка послужили основанием для присвоения ему прозвища. (повеса - англ.) Несмотря на освобождение от военной службы, он пошел на нее добровольно, когда ему исполнился двадцать один год. Он мечтал об одном - выжить на войне и получить работу в каком-нибудь учреждении.

Бинти, продавцу молока из Уэлша, тоже был двадцать один год. Обычно он занимал на самолете место в верхней средней турели, хотя несколько раз, когда у Флэша случался насморк, они менялись местами. А насморк у Флэша бывал часто и, по его словам, все оттого, что обогреватель в хвостовой турели действовал не всегда исправно.

Бинти поступил в королевские военно-воздушные силы в семнадцать лет, и, чтобы стать воздушным стрелком, отвечающим требованиям мирного времени, ему потребовалось всего несколько недель. О превосходстве Бинти над другими, по крайней мере по его собственному представлению, говорили очень коротко подстриженные волосы, начищенные до умопомрачительного блеска ботинки и пуговицы, а также острые, как бритва, складки на брюках, чего он добивался, смазывая их с внутренней стороны мылом. Он любил пользоваться терминологией старослужащих солдат, уснащенной неправильно произносимыми

арабскими словами и неверно осмысленными словами языка хинди. Молодых женщин он называл "bint" (женщина - араб. разг.) и употреблял это слово довольно часто, ибо, несмотря на непривлекательную внешность, слыл порядочным бабником. Бинти обладал острым зрением и живым, сметливым умом и считал это не чем иным, как пронизательностью, в то время как остальные члены экипажа единодушно называли это его качеством хитростью.

Бинти и Флэш уже участвовали в пятнадцати рейдах, причем все они проходили под командованием Ламберта. Они были большими друзьями почти целый год: вместе пили, вместе сражались, вместе посещали девушек, вместе готовились к экзаменам на стрелков, у них были общие сигареты и мотоцикл, и все это до тех пор, пока молодые люди не встретили в каком-то баре в Питерборо женщину по имени Роуз. Ее муж, капрал, находился в Восьмой английской армии в Северной Африке. Флэш Гордон заявил, что им больше не следует встречаться с этой женщиной, а Бинти, наоборот, был абсолютно убежден в обратном и провел у нее на квартире куда больше ночей, чем на своей базе. После этого Флэш и Бинти горячо возненавидели друг друга, однако в данный момент никто не догадался бы об этом. Бинти читал юмористический журнал и непрерывно кивал в знак согласия, а Флэш рассказывал ему что-то о мотоцикле, который намеревался продать электротехник из первого авиаотряда.

Инструктаж затягивался. Стрелки на больших часах показывали семнадцать ноль пять, а половину стульев на платформе еще не заняли. Помощник начальника штаба Джамми Джайла, разумеется, был на месте. Опершись плечами о спинку стула, он наклонился назад до тех пор, пока стул готов был повалиться. Начальник разведывательного отделения Лонгфелло стоял позади Джамми и подталкивал стул в обратную сторону всякий раз, когда тот в своем движении назад пересекал линию равновесия и грозил упасть. Но Джамми и сам не допускал, чтобы стул опрокинулся.

По мере того как из штаба авиагруппы поступали все новые и новые распоряжения и приказы, трескотня телетайпов в оперативном отделе усиливалась. В коридорах сильно пахло свеженатертыми полами и заваренным чаем. В углу одного из опустевших кабинетов стоял командир эскадрильи подполковник Джон Мунро. В то время как полковнику подчинялся весь аэродром, от зубного врача до кузницы, Джон Мунро командовал только бомбардировщиками и их экипажами.

Если кто и наложил на эскадрилью отпечаток своей личности, то это, несомненно, Джон Мунро. Все ошибки и недостатки эскадрильи он считал своими ошибками и недостатками, но и все ее достоинства и достижения он также относил на свой счет. Сейчас Мунро очень устал. Ему вовсе не положено было участвовать в столь многих рейдах, но он считал себя обязанным делать это и не пропустил ни одного из них.

Мунро стоял, опираясь на трость, и энергично попыхивал трубкой. Рядом с ним находились авиационный инженер и три старших сержанта из команды наземного обслуживания. Они обсуждали неожиданно возникшую проблему: на самолете сержанта Томми Картера обнаружилась неисправность в электропроводке, которую невозможно было устранить до вылета в рейд.

- Единственная резервная машина у нас - это самолет, вернувшийся с задания сегодня утром, - сказал старший сержант Уортингтон. - Но ему придется идти в рейд без проверочного взлета.
- Другого выхода нет, сержант, - заметил Мунро. - При этом по возможности снимите с него всю второстепенную броню. Каждый снятый с самолета фунт груза дает возможность поднять его еще на один фут высоты.

Уортингтон взял под козырек и торопливо вышел, чтобы собрать нужных ему людей. Им придется напряженно работать без перерыва до позднего вечера.

Мунро поворошил спичкой пепел в трубке. Сегодня его последний вылет. На следующей неделе он должен

будет передать эскадрилью новому командиру.

К тому моменту, когда Мунро появился в помещении для инструктажа, там все уже собрались. Мунро поднялся на помост и подождал, пока наступит тишина.

- Джентльмены! Командир базы! - скомандовал он через некоторое время.

Экипажи самолетов встали. По среднему проходу между скамейками, мягко ступая, шел командир базы. Он легко поднялся на помост и бросил на стул фуражку с золотым шитьем. Широко улыбнувшись, провел рукой

по седым волосам и посмотрел на собравшихся так, будто был весьма удивлен, что они стоят, по стойке "смирно".

- О'кей, друзья, - весело сказал он. - Садитесь, курите. - И потянул за шнур. Пронзительно скрипя роликами, занавес над картой раздвинулся в стороны. - Цель сегодняшнего налета, - продолжал командир, -

Крефельд в Руре.

До этого ходили слухи, что очередная цель для бомбардировки будет легкой. Теперь все убедились в обратном: Крефельд никак нельзя было отнести к легким целям, ибо он находился в наиболее хорошо обороняемой зоне Европы.

Ламберт, Коэн и Мики Мерфи прибыли сюда вместе. До этого они уже выслушали предварительный инструктаж на верхнем этаже. Позади них сидели Флэш Гордон, Кинти Джонс и Дигби, который курил небольшую сигару. Коэн держал в руках раскрытую записную книжку.

Не все экипажи сидели вместе. Суит всегда сидел в переднем ряду, рядом с группой офицеров. Его бортинженер Мики Мерфи, как и до перевода на самолет Суита, сидел рядом с Ламбертом. С другой стороны

рядом с Ламбертом сидел Бэттерсби и рассматривал неотмывающиеся следы масла и грязи на своих руках. Он с

гордостью заметил, что его руки быстро становятся руками бортинженера - такими же, как и у Мики Мерфи.

Командир базы повернулся к карте. Обозначенные ярко-красными и белыми ленточками линии маршрутов

к объектам бомбардировки и обратно образовывали слегка приплюснутый ромб с центром над Северным морем.

Вершина правого острого угла ромба упиралась в сильно защищенный центр германской тяжелой индустрии -

Рур.

- Крефельд - это сосредоточение объектов тяжелой индустрии, текстильной и легкой промышленности и важный железнодорожный узел, - быстро проговорил полковник. - Налет сегодня будет огромным: в нем примут

участие более семисот самолетов бомбардировочного командования плюс действующие самолеты учебно-

тренировочных частей, которые сбросят листовки. Час "Ч" - ноль один тридцать. Валет в двадцать четыре двадцать.

Полковник посмотрел на журналистов и капитана из отдела печати министерства авиации, которые сидели

в самых задних рядах. Он говорил скорее для них, чем для экипажей, поскольку летчики не раз слышали то же

самое и раньше.

- В районе Рура трудно опознавать все объекты. Хотя метеорологи и обещают нам слабую облачность или даже чистое небо и ночь будет светлой, над объектами бомбардировки наверняка будет дымка от промышленных предприятий, она никогда не рассеивается. Будьте внимательны, друзья! Наугад бомбы не сбрасывать. Сегодня наши самолеты будут идти в составе группы наведения бомбардировщиков, поэтому мы

должны показать хорошие результаты. Не сбрасывайте бомб и не обозначайте цели просто потому, что это сделал впереди идущий. Один самолет может свести на нет весь налет, а это значит, что через неделю нас снова

пошлют на выполнение той же самой задачи. Поэтому всем необходимо дойти до указанного объекта и точно

обозначить цели, чтобы основные силы смогли безошибочно нанести мощный удар.

Сказав все это, полковник сел. В бараке поднялся гул одобрительных голосов: никому из присутствующих не хотелось бы вновь лететь на Рур на-следующей неделе.

Затем встал флагманский штурман капитан Ладлоу. Он проинструктировал штурманов на верхнем этаже час назад и теперь кратко охарактеризовал маршрут для остальных.

- Район сбора - над береговой чертой, над Саутуолдом. Вам почти не придется менять курс до точки поворота над побережьем Голландии. Оттуда по прямой до самой цели. Я сброшу желтую ориентирно-сигнальную бомбу в пятнадцати милях от цели, в соответствии с этим вы должны произвести расчет на бомбометание. В противном случае вы неизбежно окажетесь на пути бомбардировщиков следующей волны. Вот

и все, что я хотел сказать. Если у кого возникнут вопросы, обращайтесь ко мне после инструктажа.

Опасаясь занять место кого-нибудь из ветеранов, все недавно зачисленные в экипажи располагались на задних скамейках. Когда после флагманского штурмана поднялся Джамми Джайлз, он обратился главным образом к этим новичкам.

Капитан авиации Джайлз, помощник начальника штаба и одновременно флагманский бомбардир, был шумлив, лысоват и склонен к полноте. Среди менее тщательно отобранных людей необычное телосложение

Джамми осталось бы незамеченным, однако среди летчиков его брюшко казалось фальстафовским, его лысая

макушка наводила на мысль о членах Пиквикского клуба, а его большой нос заставлял вспомнить о Сирано.

- О'кей, - начал он свою речь. - Прекратите разговоры там и послушайте! Мне наплевать, что вы уже слышали это много раз...

В прошлом Джамми несколько раз приглашал на помост кого-нибудь из невнимательных слушателей и приказывал ему повторить все то, о чем только что сказал проводивший инструктаж. Джамми знал, как заставить такого человека почувствовать себя буквально ребенком. В результате экипажи стали слушать инструкции более внимательно.

- Первым,- продолжал он после короткой паузы,- цель обозначит красными ориентирно-сигнальными бомбами самолет "москито". Затем самолеты наведения сбросят над ними длинные серии светящихся бомб. После

них самолеты-осветители сбросят короткие серии светящихся бомб непосредственно над точкой прицеливания.

Наконец на цель выйдут основные самолеты наведения и обозначат точку прицеливания желтыми ориентирно-

сигнальными бомбами. Самолеты, оборудованные соответствующей аппаратурой, должны уточнить свое положение визуально и при помощи радиолокационных станций, потому что все самолеты главных сил будут

ориентироваться по этим желтым ориентирно-сигнальным бомбам. Операция тщательно спланирована, друзья,

поэтому вам остается только еще и еще раз все проверить, прежде чем сбрасывать бомбы. Нельзя допустить ни малейшей ошибки.

В бараке послышались слова одобрения и возбужденное покашливание. Ламберт предложил членам своего

экипажа сигареты. Мики Мерфи взял одну.

- Ну что ты скажешь на это, Сэм? - спросил он.

- Операция разработана, кажется, довольно тщательно, - сдержанно ответил тот.

- С такой же уверенностью говорят о противозачаточных средствах, а что толку? - заметил Мики и осклабился, показав неровные зубы. Он лукаво посмотрел на Бэттерсби, и тот, польщенный тем, что его приобщают к шутке, быстро улыбнулся в ответ.

На помосте Джамми продолжал:

- Вот так, друзья. В последней волне будут самолеты поддержки. У вас есть зеленые ориентирно-сигнальные бомбы. Я буду наблюдать за вами, как кот за мышами, и, если кто-нибудь из вас ошибется и запутает разработанную мной систему целеуказания, пусть пеняет на себя и не ждет никакой пощады. Понятно?

Авиаторы на скамейках засмеялись: Джамми всегда заканчивал свой инструктаж этими словами. Какая-

нибудь новая шутка наверняка насторожила бы экипажи; в такие моменты они предпочитали слова и вещи,

которые уже не раз слышали и к которым привыкли.

- Теперь еще одна вещь, - продолжал Джамми. - Аварийное сбрасывание бомб. За последние месяцы мы и янки сбросили на Великобританию намного больший бомбовый груз, чем проклятые люфтваффе.- В бараке

поднялся страшный шум и свист. Джамми утихомирил аудиторию взмахом руки. - Да-да, вам легко смеяться

здесь, на инструктаже, но когда нам приходится иметь дело с управлением тыла и транспортным управлением

или когда мы просим обезвредить на своей территории невзорвавшиеся бомбы, то, смею вас заверить, смеяться

нам не приходится. Если вам придется сбросить бомбы аварийно, дайте точное время, место по карте и данные о

взрывателе немедленно после посадки. Конечно, гораздо легче промолчать об этом. - Он улыбнулся. - Именно

поэтому я и настаиваю на применении дисциплинарных мер по отношению ко всему экипажу, который не донесет об аварийном сбрасывании бомб.

Настроение у всех поднялось.

- Правильно, правильно, Джамми. Дай им жару! - выкрикнул кто-то из рядов.

Когда следующим на помост поднялся офицер разведки старший лейтенант Лонгфелло, в бараке воцарилась такая тишина, что стали слышны звуки, доносившиеся из соседней деревни. За окном скрипело

каштановое дерево, трещали стрижи, пел дрозд, теплый ветерок приносил запах свежескошенного сена.

Трудно

было поверить, что здесь, в этой пасторальной тихой заводи, разрабатываются планы уничтожения города.

Лонгфелло вставал со стула неторопливо, заручаясь уверенностью в том, что он привлек внимание аудитории. Его писарь приколот к доске схему результатов бомбометания с заголовком "Сползание назад". На

схеме была обозначена длинная полоса бомбовых разрывов, упиравшаяся в стрелу с надписью: "Линия пути

колонны бомбардировщиков".

То, что происходило сейчас здесь, в бараке, глубоко волновало Лонгфелло. Здесь делалась история. На прошлой неделе он посылал этих людей на бомбардировку Кельна. Это непостижимо: сидящие здесь молодые

ребята за каких-нибудь неполных два часа уничтожили или превратили в руины то, что созидалось тысячелетиями!

- Вы являетесь экипажами самолетов наведения бомбардировщиков, - начал офицер разведки. - Я уже говорил об этом тысячу раз и тем не менее вынужден повторять и повторять. Когда вы видите ориентирно-сигнальные бомбы на подходе к цели, вы видите их в перспективе. Такое перспективное восприятие не что иное,

как оптическая иллюзия, поэтому не сбрасывайте своих бомб преждевременно, с недолетом. На этой схеме как

раз и показана такая тенденция: один самолет не доходит до точки сбрасывания, а каждый последующий увеличивает эту ошибку. Не допускайте такой ошибки!-Он сделал достаточно длинную паузу, чтобы подчеркнуть следующие свои слова и придать им важность:- Вы, друзья, знаете не хуже меня, что сползание

назад происходит и еще по одной причине.- Он снова сделал паузу.- Это самый обыкновенный, всем нам знакомый страх, и даже трусость.

В бараке стояла благоговейная тишина. Лонгфелло полностью овладел вниманием экипажей.

- Когда вы попадаете в зону интенсивного зенитного огня, - продолжал он, - то испытываете невероятный зуд в руках. Вами овладевает непреодолимое желание избавиться от бомб и поскорее вырваться из этого ада

кромешного. Это, несомненно, происходит с каждым из вас. Но поймите: если вы сбросите бомбы на карто-

фельные поля, то за каким же чертом тогда проделывать весь этот длинный путь до Германии? Несколько сот

ярдов, которые вы не долетите до цели, джентльмены, определяют разницу между тем, чтобы всыпать немцам по первое число, и тем, что вы признаете себя побежденными. - Он снял очки в роговой оправе, но вновь надел их несколько театральным жестом.

У Лонгфелло были свои теории относительно методов проведения инструктажа летных экипажей. Хладнокровное обвинение в трусости, затем несколько слов, произнесенных понимающим тоном, потом несколько логических аргументов и, наконец, обнадеживающие бодрые намеки, рассчитанные на то, чтобы расшевелить и возмутить слушателей, побудить их к действию и закрепить у них решимость выполнить задачу.

- Ох уж эти кабинетные вояки! - пробормотал Дигби. - Они готовы сражаться до последней капли нашей крови.

Бэттерсби нервно усмехнулся.

Старший сержант Ламберт резким движением встал. Раньше он никогда не задавал на инструктажах ни единого вопроса.

- А что, собственно, находится в Крефельде? - спросил он. - Что является объектом нашей бомбардировки в центре этого города?

- И помахал находившейся у него в руке картой целей.

"Это никуда не годится", - подумал Лонгфелло и провел пальцами по тыльной стороне своей руки, словно примеряя пару замшевых перчаток. Нервно улыбнувшись Ламберту, он быстро припомнил стандартный ответ,

приготовленный им на случай подобного рода вопросов:

- Штаб гестапо и завод по изготовлению ядовитых газов - таковы объекты бомбардировки. Вы удовлетворены?

Лонгфелло почувствовал, что настроение людей на скамейках после этих его слов заметно изменилось. Послышались приглушенные возмущение голоса. Тот элемент гнева, который только что был так несправедливо направлен на него, теперь переключился на действительного противника - на Крефельд. Затем инструктаж продолжили другие специалисты. Флагманский инженер-механик заявил, что "ланкастеры" продолжают возвращаться из рейдов с повреждениями, причиненными пулями калибра 0,303 дюйма, то есть английскими пулями.

- Это свидетельствует о том, - сказал он в заключение, - что наши стрелки палят без разбора - не по противнику, а по теням. Будьте внимательнее! Лучше смотрите, хорошенько следите за смазкой турелей. Флагманский связист подробно рассказал о частотах, на которых работают радиомаяки, а метеоролог обрисовал ожидаемые погодные условия:

- Луна полная, взойдет за час до часа "Ч". Восход солнца - в ноль пять сорок шесть. Оно вам не помешает, можете не тревожиться. Над районом цели очень тонкий слой облаков среднего яруса - на высоте между тысячей и двадцатью тысячами футов. Сожалею, но дать более точную высоту я не в состоянии.

- Надо же, черт возьми! - проворчал Дигби, не понижая голоса. - Нам придется, как голенькими, лететь при полной луне, а он успокаивает нас тем, что, мол, нечего бояться восхода солнца.

Последним на помост поднялся командир эскадрильи подполковник Мунро. Сегодня был его шестидесятый и последний вылет на бомбардировку. Он начал весьма уравновешенным тоном:

- Сегодня мне говорить почти не о чем, джентльмены. Много интенсивного зенитного огня - карта говорит сама за себя. Выдерживайте место в строю, тогда опасность угодить в такие зоны сведется до минимума...

- А нельзя ли пролететь как-нибудь в обход всех этих зениток в Руре? - выкрикнул Суит.

В барাকে раздался общий смех. Подполковник постарался улыбнуться как можно естественнее.

- Держитесь в общем потоке самолетов, друзья, и внимательнее выдерживайте заданную высоту.

Опасность столкновения существует только над районом цели, но если вы будете точно выдерживать высоту, то

и эта опасность практически исключается. После сбрасывания бомб берите обратный курс и соблюдайте временной график. Это тщательно разработанная операция, друзья. Налет будет осуществляться крупными силами - около семисот самолетов: "ланкастеры", "веллингтоны", "галифаксы" и "стирлинги".

- Ура! - воскликнули несколько человек в задних рядах.

Мунро взглянул на них и улыбнулся. Если ребят утешает тот факт, что вместе с их самолетами полетят бедные старые "стирлинги", которые в силу их невысокой скорости и очень небольшого потолка примут на себя

основной огонь зенитных орудий противника, то стоит ли их разочаровывать? Мунро, однако, знал и то, что

один из "стирлингов" сегодня ночью будет пилотировать его младший брат, поэтому улыбка его получилась

неестественной, вымученной.

Когда инструктаж окончился, Мунро, ухватив капитана Суита за пуговицу, остановил его около двери.

- Умный поймет с полуслова, мистер - Суит, - тихо сказал он.

- Относительно этих перетасовок в экипажах: никуда не годится. Если кто захочет перейти в другой экипаж, пусть обращается ко мне.

- Вы имеете в виду Коэна и Дигби?

- Да, я имею в виду Коэна и Дигби. Лицо Суита озарилось обезоруживающей улыбкой:

- Они просили. Дигби просил, нельзя ли...

- Перед тем как вы продолжите свою мысль, дорогой друг, позвольте доложить вам, что не далее как несколько часов назад старший сержант королевских австралийских военно-воздушных сил Дигби был у меня и

наотрез отказался расстаться с экипажем Ламберта. Странно, но эти ребята становятся суеверными, вы заметили

это?

- На суеверии войну не выиграешь.

- Я и не рассчитываю на это. Но если ребята чувствуют себя спокойнее и увереннее с дамским шелковым бельем и игрушечными медведжатами, висящими у лобового стекла, пусть на здоровье забавляются этим. Это в

равной мере относится и к комплектованию экипажей. Забудьте о том, что вы хотели перевести Дигби в свой

экипаж, хотя он и лучший бомбардир в эскадрилье.

Суит опять слащаво улыбнулся:

- О, я хотел перевести его совсем не по этой причине, сэр...

- По какой бы то ни было причине, мистер Суит, забудьте об этом! - резко перебил его Мунро. - Возьмите Коэна, но о Дигби забудьте. И еще один вопрос. Это правда, что Ламберт нарисовал портрет Сталина на своем

самолете?

- Сталина, сэр? Нет, сэр, это на самолете Картера.

- А-а, я так и думал. Его заметил командир базы... Это тревожит его.

- Я прикажу закрасить портрет.

- А потом кто-нибудь из ваших ребят напишет об этом в "Дейли миррор"? Нет уж, избавьте меня от этого. Ничего не предпринимайте, пока полковник не скажет вам сам.

- Я подумаю, как избавиться от портрета, сэр, - снова улыбнулся Суит.

- Уверен, что подумаете, - холодно сказал Мунро.

Мунро считал, что после войны в мире, наверное, появится много таких суитов. Человек, встревоженный тем, что машины господствуют над ним, постепенно и сам начинает реагировать на все механически. Его жесты,

шутки и покорность становятся жестами, шутками и покорностью робота. Глупый и провокационный вопрос

Ламберта на инструктаже, сколько бы ни сожалел о таком поведении этого летчика Мунро, был, по крайней

мере, не чем иным, как следствием свойственного человеку заблуждения. А вот такой улыбающийся маленький

капитан Суит никогда не задал бы подобного вопроса.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

После отъезда Августа Баха Анна-Луиза занялась различными делами по дому и в саду. Она старательно вымыла пол в кухне, прокипятила остатки супа и почистила курятник. В четыре часа она встретила Ганса у начальной школы. Они прошли мимо пожарного депо, на Мауэрштрассе свернули направо. Это была главная

улица, которая тянулась вдоль древней альтгартенской стены.

Большая часть стены еще сохранилась, и кафе-кондитерская фрау Вир было встроено в ее массивные камни. Со второго этажа кафе открывался вид на отдаленную возвышенность, где рядом с сооружениями

системы водоснабжения находились теплицы бургомистра Альтгартена. С другой стороны из кафе был виден отель "Вальд", занятый эсэсовцами. Отель теперь обнесли высоким забором из колючей проволоки, вдоль которого непрерывно рыскали сторожевые собаки.

Альтгартенские домашние хозяйки, любившие и себя показать, и людей посмотреть, ежедневно в послеобеденное время собирались на часок-другой в кафе-кондитерской фрау Вир. Их обычно сопровождали дочери в искусно сшитых темных платьях и бережно сохраняемых модных туфельках. Не удивительно поэтому, что и офицеры инженерных войск, и военные врачи, и чиновники административных органов из лечебного центра для больных с ампутированными конечностями любили выпить чашку чая в кафе фрау Вир. Ганс и Анна-Луиза поделили между собой кусочек яблочного пирога из слоеного теста. Кофе здесь тоже был неплохим, к тому же фрау Вир обычно приберегала для мальчика небольшую чашечку молока.

"Людам в крупных городах так хорошо не живется", - думала Анна-Луиза. Жизнь теперь казалась ей невероятно прекрасной. Очень скоро она станет фрау Бах, и все эти дамы в модных шляпках будут кивать ей в кафе уже без той снисходительной улыбки, которой сопровождаются эти кивки сейчас.

Жена архитектора фрау Хинкельбург относилась к Анне-Луизе так же снисходительно, как и все другие, но она, по крайней мере, была приветлива и вежлива. Сегодня она села за один столик с Анной-Луизой и Гансом и стала рассказывать все известные ей новости.

В Альтгартене постоянно рассказывали различные истории о русских военнопленных, которых содержали в здании неработающей фабрики позади пивоваренного завода. Граждане Альтгартена с возбуждением говорили о большевиках и даже немного побаивались их.

- Чтобы русские не вздумали ночью проникнуть за забор, - рассказывала фрау Хинкельбург, - спустили двух злейших сторожевых собак. Собаки были настолько голодные и злые, что даже их хозяева носили толстые защитные перчатки. И все же утром оказалось, что собак сварили и съели. Остались только косточки.

Фрау Хинкельбург сделала паузу, чтобы отрезать кусочек кекса и отправить его в рот. Анна-Луиза почувствовала, что собеседница ждет от нее каких-то слов, до не стала делиться своими замечательными новостями, приберегая их, чтобы наслаждаться ими пока в одиночку. Не успела фрау Хинкельбург проглотить кусочек кекса, как снова улыбнулась Анне-Луизе и продолжала:

- А фрау Керстен хочет посадить яблони за кладбищем и купила земельный участок, который арендовала до этого у фрау Рихтер. Это, наверное, все на те деньги, которые она получает за свой картофель. - Она смахнула крошку кекса с уголка рта. - Я слышала, что фрау Керстен складывает деньги в обитый кожей сундучок, который прячет в спальне. Говорят, она не сдает деньги в банк, так как боится, что с нее будут взимать налоги.

- Ее дом заново штукатурят, - сказала Анна-Луиза.

- Да-да, и делают это французские военнопленные, - добавила фрау Хинкельбург. - А вы заметили среди них такого высокого, с крошечными усиками?

- Тот, который отдает всем распоряжения?

- Э-э, если правда то, что говорят о нем и фрау Керстен, он не только отдает распоряжения, дорогая моя девочка.

- Но ведь фрау Керстен почти пятьдесят лет!

- Э, милочка, на старой скрипке еще можно сыграть много замечательных мелодий! - громко засмеялась фрау Хинкельбург и зажала рот рукой таким жестом, который казался ей весьма изящным. Бриллианты на ее пальцах засверкали. - До француза она, говорят, метила кое на кого повыше.

- Что вы говорите! На кого же это? - воскликнула Анна-Луиза.

- На вашего хозяина, дорогая. Анна-Луиза добродушно рассмеялась:

- Герр Бах и эта жирная старая фрау Керстен?..

- Да-да, милочка, фрау Керстен была бы весьма счастлива иметь такого мужа, как герр Бах, - произнесла фрау Хинкельбург после секундного размышления.

- С герром Бахом была бы счастлива любая женщина.

Фрау Хинкельбург пристально посмотрела на Анну-Луизу. У нее был весьма чуткий слух ко всяким случайно оброненным словам и замечаниям, и она никогда не пропускала мимо своего внимания ни одного косвенного намека.

- В самом деле? - всего только и сказала она на это, но Анна-Луиза поняла, что какая-то доля ее секрета больше уже не оставалась тайной. Фрау Хинкельбург положила свою веснушчатую, унизанную драгоценностями руку на тонкую белую руку Анны-Луизы и заговорщически проговорила: - О, дорогая, вас здесь не было, когда отель "Вальд" был действительно отелем. Какое это было замечательное место! Шеф-повар

был француз из МонтеКарло. Сюда приезжали люди из всех уголков Европы и даже из Америки! Приезжали,

чтобы хорошо покушать и остановиться в номерах, откуда открывался очаровательный вид на сады и лес. Летом

там сверкали в лучах света фонтаны, играл оркестр. Когда я была молоденькой, то, бывало, открою окна в своей

спальне и слушаю, как играет оркестр и доносятся голоса богатых людей. На Мауэрштрассе этих людей обычно

ожидали вереницы машин с шоферами. Да, больше такого мы наверняка никогда не увидим.

- Когда война кончится, может... - хотела было возразить Анна-Луиза.

- Нет-нет, мир с тех пор переменялся, - перебила ее фрау Хинкельбург. - Места для романтики теперь уже нет. - И снова коснулась руки Анны-Луизы. Кольца на ее пальцах засверкали в лучах солнца.

Обер-лейтенант Август Бах шел вдоль мягкого песчаного берега, освещенного сумеречным светом. По земле стлался туман и, оседая ключьями на холодных деревьях и высоких дюнах, превращал их в крохотные

изолированные островки. Ближе к морю ветер кое-где разгонял туман, и то тут, то там показывался золотистый

горизонт, но потом Август вновь и вновь попадал в полосу тумана, который окутывал его, словно ватой.

Желтый мак и морская песчанка, обладающие глубокой корневой системой, вели постоянную борьбу за существование с перемещающимся песком, который в один день обнажал их корни, а в следующий погрел

под собой не только корни, но и сами растения. Вдоль прибрежной полосы, куда доходила вода во время приливов, как обычно, накопилось множество различных обломков и мусора, покрытых толстым слоем поблескивающей нефти, которая пропитывала свежий бодрящий соленый ветерок неприятным запахом гниения.

Бах постучал ногами, стряхивая с ботинок приставший песок, поднялся по короткой деревянной лестнице и открыл дверь в свое жилище. Когда Бах облюбовал этот возвышавшийся над дюнами ветхий, почти развалившийся домик в качестве своего жилья, его подчиненные подумали, что он сошел с ума. Однако по приказу Баха под домик подвели новые металлические балки, приподняли его и изолировали таким образом от

сырости и крыс. Внутри домика были книги, печка, простая солдатская койка, старое кресло и стол, за которым

Август работал. В роте связи люфтваффе, которой командовал Бах, насчитывалось сто четырнадцать человек, и

он был бы счастлив жить и кушать вместе со своими подчиненными. Однако тем, кто подчиняется приказам,

необходимо предоставлять возможность поворчать и пожаловаться в условиях, когда офицер их не слышит, и

его маленький домик, расположенный в полукилометре от всех других зданий радиолокационной станции,

обеспечивал им такую возможность.

Сейчас Август вспомнил об Анне-Луизе и почувствовал приятное удовлетворение от недавней близости с ней. И тут же подумал, что, поскольку он уже приступил к работе, предаваться сентиментальным воспоминаниям не следует. Август протер линзы своего полевого бинокля и подошел к окну, выходящему на

побережье. В это окно на фоне многочисленных дюн были видны здания его радиолокационной станции, а когда

не было тумана, то через бинокль можно было рассмотреть верхушки антенн соседней радиолокационной

станции, расположенной на этом же побережье.

Он отфокусировал бинокль по отдаленному, поросшему травой участку побережья; взмах крыла -и над краем находившегося в траве гнезда на мгновение вытянулась длинная шея. Серые цапли все еще обитали в

дюнах. Обычно они селились поближе к свежей морской воде, особенно в летнее время, но, поскольку этот

участок побережья был объявлен запретной зоной, жизнь болотных птиц здесь стала более оживленной. В мае

цапли отложили яйца. Сейчас для них почти уже настало время покидать эти места. Август с интересом подумал, вернутся ли цапли сюда следующей зимой. Он считал этих птиц хорошим предзнаменованием. Убедившись, что с цаплями все нормально, Август стал переодеваться в старое, более удобное обмундирование. Когда чайник начал потихоньку шуметь, Август взял телефонную трубку и попросил своего

заместителя Вилли.

- Чашечку шоколада, Вилли? - предложил он.

- Спасибо, герр обер-лейтенант. Через несколько минут Вилли Рейнеке тихо постучал в дверь и получил разрешение войти.

Он тщательно стряхнул мокрый песок со своих сапог и встал по стойке "смирно". На столе Августа уже дымилась чашка шоколада, но дисциплинированные служаки сначала поприветствовали друг друга, совершив

необходимый ритуал отдания чести.

Когда Вилли был юношей, все его считали весьма симпатичным дамским угодником. Но однажды, когда он выглянул из-за бруствера окопа, рядом с ним взорвалась граната. Ее осколки рассекли ему нос, сильно поцарапали щеку и оторвали ухо. Чтобы скрыть отсутствие уха, Вилли отрастил очень длинные волосы.

Но, пожалуй, куда больше, чем его внешность, поражало мастерство Вилли Рейнеке, которое он проявлял на командно-дальномерном посту, разгадывая намерения противника. На некоторых бомбардировщиках противника имелось устройство, показывающее летчику, что его машина находится в невидимых лучах вражеской радиолокационной станции. Эти самолеты обычно резко отворачивали, уклоняясь таким образом от

преследования. Вилли в подобных случаях переводил свой указатель в такую точку в пространстве, где, по его

мнению, должен был появиться уклонившийся бомбардировщик, а Август выводил в эту точку истребитель.

Просто удивительно, как часто Вилли разгадывал действия английских летчиков!

Вилли повесил шинель за дверь. Август уселся в кресло, а Вилли, в насколько принужденной позе, - на стул по другую сторону стола. Когда Август придвинул к нему чашку шоколада, Вилли вежливо поклонился в

знак благодарности, взял чашку в иссеченные шрамами руки, подержал ее некоторое время, как бы согревая их,

и отпил несколько глотков.

Обедя .комнату обер-лейтенанта внимательным взглядом, Вилли ощутил прилив гордости оттого, что вохж сюда. Даже старших офицеров, приезжавших для осмотра радиолокационной станции, Август редко приглашал в свое жилище. На стене, прямо над столом, были приклеены репродукции с эскизов крыла Леонардо

да Винчи, и несколько фотографий летящих чаек, шилоклювок и луней.

- Прошлой ночью мы наблюдали на экране радиолокатора несколько интересных перелетов птиц, - доложил Вилли.

- Записывайте все это в журнал, Вилли, - оживленно заметил Август. - Наша станция расположена в таком месте, что все эти данные могут оказаться очень ценными. До настоящего времени орнитологи и не предполагали, что птицы могут перелетать в ночное время.

На рабочем столе Августа стояло чучело черноголовой чайки, которое смастерил Вилли. "Никто не поверит, что вы занимаетесь этим впервые", - сказал ему тогда Август.

Сейчас Вилли с гордостью повернул чучело в пол-оборота и спросил:

- Вы уже посмотрели на цаплю?

- Я собираюсь жениться, Вилли, - неожиданно сказал Август.

- Очень хорошо, командир.

- На моей домашней работнице.

- Вполне разумно. В наше время мужчина хочет иметь женой здравомыслящую женщину, а не пустоголовую размалеванную девчонку.

Август улыбнулся:

- Боюсь, что многие мои друзья так именно и скажут, Вилли. Она еще очень молода, лишь немногим старше моего сына.

Вилли смутился, но это не обескуражило Августа. Он был охвачен тем приятным теплым чувством, которое испытывает каждый влюбленный. Выдвинув ящик стола, он извлек из него бутылку немецкого брэнди.

Плеснув напиток в чашку Вилли, Август сказал:

- Пейте, Вилли. Выпейте за то, что мы не на месте англичан, ибо, по-моему, сегодня мы добьемся больших успехов.

- За наш успех! - согласился Вилли и выпил шоколад с брэнди. Они сидели молча, потягивая брэнди и наблюдая, как тени становились все длиннее и длиннее и как солнце опускалось в дымку над морем.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

На аэродроме Уорли-Фен Ламберт выдал каждому члену своего экипажа аварийный комплект, куда входили компас, фальшивые деньги, карта Германии на шелковой ткани и спрессованные сухофрукты. Затем

ребята потащились по широкой асфальтированной дорожке на парашютный склад. Помещение склада, как

всегда, сверкало чистотой, было хорошо освещено, и в нем пахло как в госпитале. Две уставшие и, видимо, поэтому хмурые женщины из вспомогательной службы стаскивали с полок парашюты и подвесные системы и с

шумом швыряли их на широкий прилавок. Каждый авиатор до тех пор, пока не вернется из рейда, обязан был

иметь парашют при себе.

Бортинженер с самолета сержанта Картера Бен Галлахер громко спорил с одной из женщин.

- Дайте мне мой парашют! - гневно настаивал он. - Я всегда летал с одним и тем же парашютом. Он счастливый, Неужели вы не можете понять это?

- Не понимаю, что вы так нервничаете, - говорила женщина. - Этот несколько не хуже вашего, его только что проверили и уложили. - Обрадовавшись паузе в напряженной работе, женщина поправила растрепавшиеся

волосы. - Вы задерживаете всю очередь, понимаете?

- Тогда я полечу без парашюта, - заявил Бен.

- Не валяй дурака, Бен, - вмешался Ламберт. - Бери, что дают. Парень издал какой-то неприятный звук и взял парашют.

- Пожалуй, ты прав, начальник, - согласился он. Очередь увеличивалась, кто-то крикнул:

- Эй, в чем там дело?!

- Тут один принес парашют назад, - громко ответил Дигби. - Говорит, будто не раскрылся.

Все улыбнулись шутке Дигби, хотя уже слышали ее много раз. Очередь начала продвигаться быстрее.

Капрал Рут Ламберт видела из соседней комнаты, как ее муж взял свой парашют.

У дверей образовалась толча: летчики шутя подталкивали друг друга и проворно взбирались в кузов грузовика. Почти у каждого из них был какой-нибудь талисман - плюшевые медвежата или тряпичные куклы в

руках или прикрепленные к снаряжению. Некоторые вместо шарфа обвязывали шею шелковыми чулками. Ламберт оглянулся на Рут и многозначительно приподнял большой палец правой руки. Она кивнула ему в ответ.

Не успел он взобраться в кузов, как грузовик, медленно переваливаясь, тронулся в путь. Женщина-шофер вела

машину по обозначенной синими огнями дороге, а двадцать восемь летчиков в кузове громко кричали и свистели по поводу того, что она едет слишком медленно.

Наконец грузовик свернул с дороги и остановился вблизи двух капониров, в которых на фоне темного неба виднелись силуэты двух больших бомбардировщиков.

- Самолеты Ламберта и Картера! - крикнула женщина-водитель.

- Счастливо, командир, - прошептал Мики Мерфи.

- Счастливо, Мики, - ответил Ламберт. Летчики из экипажей Ламберта и Картера один за другим легко прыгнули на землю.

Члены каждого наземного обслуживающего экипажа молча стояли под крылом своего бомбардировщика. Старший сержант Уортингтон слегка похлопал по руке Ламберта брезентовыми чехлами с приборов. Он всегда

так делал, чтобы Ламберт убедился, что чехлы сняты. Ламберт поставил свою подпись на форме № 700 королевских военно-воздушных сил. "Скрипучая дверь" перешла теперь в его ведение.

Ламберт машинально достал из летной куртки бумажник и вложил в него золотую авторучку, подаренную родителями, когда ему исполнился двадцать один год. -Если с ним что случится, бумажник и находившееся в

нем прощальное письмо, которое он время от времени переписывал, передадут Рут. Авторучка предназначалась

на память Уортингтону, а деньги - на То, чтобы все выпили в сержантской столовой. Принимая бумажник, Уортингтон кивнул головой и, внимательно взглянув на Ламберта, заботливо положил бумажник в свой внутренний карман.

Ламберт должен был первым во втором отряде запустить двигатели: За ним запустил двигатели следующий "ланкастер", потом еще один и еще, пока звук тридцати двух работающих двигателей не начал отражаться от черной металлической стены ангара, словно барабанный бой миллиона отправляющихся на войну

неистовых барабанщиков. Однако от прогрева двигателей до момента взлета оставался еще целый час, и рев

моторов оборвался. Также внезапно, как и начался. Вскоре вокруг установилась ничем не нарушаемая ночная

тишина. Слышались только приглушенные ругательства тех, кто работал при свете карманного фонаря.

Члены

экипажа переговаривались тоже шепотом.

Флэш Гордон осматривал свою турель. Когда затих последний двигатель, он весело сказал:

- Ты хорошо поработал здесь, дружище!

Сержант, оружейный мастер из команды наземного обслуживания, заслуживал похвалы: вырезать кусок плексигласа из остекления турельной установки было не таким уж легким делом, как казалось.

- Теперь я больше не буду стрелять по капелькам масла, принимая их за "юнкерсы".

- А тебе когда-нибудь приходилось стрелять по "юнкерсу"? - спросил оружейный мастер. .

- Не только не стрелял, но и никогда не видал его, - ответил Флэш. - Участвовал уже в пятнадцати налетах, но никогда не видел ни одного ночного истребителя.

Мимо них прошел стрелок верхней средней установки Бинти Джонс. Оружейный мастер проговорил ему вслед:

- В следующий раз я сниму плексиглас и с твоей турели, Бинти.

- Черта с два снимешь! Я протираю свой плексиглас каждый день. А если на нем и окажется пятнышко, то я не такой дурак, чтобы открывать по нему стрельбу.

- В заблуждение вводят масляные брызги, - сердито заметил Флэш.

- Мне наплевать, что бы это ни было! Меня в хвостовую турель больше не заманишь. Так что можешь не просить меня поменяться местами, когда у тебя снова будет этот проклятый насморк, понял?

- Понял, - сказал ему вслед Флэш. - Не попрошу, не беспокойся.

- Ты замерзнешь, если откажет твой костюм с электрообогревом, - предостерег его оружейный мастер.

- А я практически замерзаю даже и тогда, когда костюм работает, - признался Флэш.

- Да, сегодня холодно, - согласился оружейный мастер и застегнул свой рабочий костюм до самой шеи.

На аэродроме стояла тишина. Все было сделано, оставалось только ждать.

Люди, сидящие в самолетах, давали разные тайные обеты богу, выполняли суеверные ритуалы. Ламберт положил свою куклу, которую звал Фланаган, позади своего сиденья.

- Оттуда она ничего не увидит, - сказал Дигби. - Брось ее сюда, я посажу ее в носовой турели.

- Она уже все видела раньше, - возразил Ламберт. - К тому же сменить привычку ей не так уж трудно.

Подполковник Мунро открыл боковое окно, чтобы вдохнуть свежего воздуха. Затем он положил свою трость под сиденье. Экипаж уже догадывался, что трость была не чем иным, как талисманом командира эскадрильи, хотя признания в этом из него и клещами никто не вытянул бы. Мунро посмотрел на небо и глубоко

вздохнул. Облака закрыли часть созвездия Большой Медведицы и приближались к созвездию Скорпиона.

В лесу

на берегу УитчФена раздался громкий крик совы.

И опять наступила тишина. Затем с севера донеслось пыхтение паровоза и громоханье железнодорожных

вагонов. Через некоторое время этот поезд прибудет в Шотландию, туда, где находятся жена и сын Мунро. А он в это время будет над Германией. Подполковник еще раз взглянул на небо: оно все еще было довольно светлым.

Когда начал вырубивать первый "ланкастер", было пятнадцать минут первого. Летчики в последний раз побывали в туалете, застегнули летные костюмы и уселись на сиденья, на которых им предстояло находиться в

течение нескольких часов.

"Скрипучая дверь" Ламберта приблизилась к южной кромке аэродрома. Сэм бросил взгляд на толпу людей

из команды наземного обслуживания. Они махали руками у края взлетной полосы. Эти люди даже в сильный

дождь выходили сюда, чтобы проводить бомбардировщики. Ламберт испытывал к ним чувство благодарности

за это.

Груз каждого бомбардировщика значительно превышал обычные безопасные пределы, поэтому поднять его в воздух было далеко не просто, но Ламберт оторвал самолет от земли легко и уверенно, будто вел его по

невидимой, медленно поднимающейся вверх и внезапно обрывающейся плоскости. Самолет шел очень устойчиво.

Один за другим гигантские самолеты взмывали в темноту и исчезали. Ламберт знал путь от Уорли-Фена к району сбора над побережьем так же хорошо, как дорогу от барака, где он жил, к столовой. Он знал, что ветер

сегодня не попутный, и поэтому, учитывая снос ветром, взял несколько круче к югу.

- Саутуолд! - выкрикнул Дигби.

Он лежал в носовой части самолета и смотрел вниз через прозрачный обтекатель.

- О'кей, - ответил ему Коэн, так как знал, что Дигби обращается к нему. Это было установившейся практикой.

Коэн определил место самолета с помощью радиолокационной станции "Джи" и нанес время прохождения

Саутуолда на полетную карту.

- Ветер довольно сильный, командир, - доложил он.

- Посмотрим, - отозвался Ламберт. - Когда поднимемся еще немного, будет яснее. На высоте ветер может быть иным.

- Разрешите опробовать пулеметы? - спросил Бинти.

- Да, обоим, - ответил Ламберт, зная, что Флэш тотчас же задаст такой же вопрос. Дигби тоже опробовал свои носовые пулеметы. Звук выстрелов отозвался гулким эхом по всему металлическому фюзеляжу самолета, а

из носовой турели Дигби распространилась волна воздуха, пахнущего кордитом и горячим маслом. Трассы изогнулись пологими кривыми и уткнулись внизу в море.

Хотя теперь, в холодной ночной атмосфере, самолет шел гораздо устойчивее, чем в прогретой перемещающейся атмосфере днем, неожиданности на пути все же нет-нет да и возникали. Самолет или наталкивался на более плотные воздушные массы, или, вызывая неприятную тошноту, проваливался в огромные

воздушные ямы. Машину непрерывно болтало и сбивало с курса. Степень устойчивости самолета в такой же

мере зависела от физической силы летчика, как и от его опытности, ибо системы управления не имели сервоприводов и поэтому, чтобы манипулировать рулевыми поверхностями в потоке воздуха, требовалась большая мускульная энергия. Непрерывная вибрация будто молотком била по затылку, трясла челюсти и барабанила по спине с такой силой и настойчивостью, что члены летных экипажей даже после благополучных

полетов буквально валились с ног от усталости.

Дигби сидел рядом и ниже Коэна. В его ведении находилась радиолокационная станция, с помощью которой можно было различать леса, водные массивы, поселки и города. Довольно часто эта станция работала

из рук вон плохо. Но даже в лучшем случае изображение на ее экране представляло собой лишь мутные очертания того, что указывалось на карте. Коэн прогрел станцию, и теперь они оба смотрели на тускло

светящийся зеленоватый экран.

- А что ты хочешь? Она таки работает, - сказал Дигби.

Коэн отодвинул планшет с картами к задней части штурманского столика и поставил его вертикально. В таком положении планшет закрывал небольшую металлическую заплатку, которую ребята из команды наземного обслуживания наложили на рваную пробоину. Эта пробоина осталась от того самого осколка, которым убило штурмана вот на этом сиденье всего четыре вылета назад.

- Не делай этого, дружище, - сказал Дигби и отодвинул планшет в сторону. - Пусть эту заплату будет видно. По-моему, молния не ударяет в одно и то же место дважды, так что у нас с тобой самое безопасное место

в самолете.

Теперь Коэн посмотрел на заплату намного спокойнее.

- Ну как, все наговорились? - спросил Ламберт. - Если вы все высказались, то, может быть, теперь и мне позволительно сказать пару слов?

- Джентльмены, - шутливо начал Дигби, - мне выпала большая честь представить вам командира нашего самолета, вашего добродушного хозяина и знатока множества анекдотов, который великодушно отказался праздновать восемьдесят первую годовщину своего рождения, чтобы сегодня быть вместе с нами. Джентльмены, ваш и мой друг, старший сержант авиации Сэмуэл Ламберт, кавалер медали "За летные заслуги"...

- Ну-ну, стоп! Давайте будем посерьезнее, - сказал Ламберт. Джимми Гримм настроил радиостанцию.

- Нам передали новые данные о ветре, командир, - сообщил он. -.Доложить их вам?

- Передай их Кошу, - приказал Ламберт.

Их самолет поднимался все выше и выше, и с каждой новой тысячей футов температура окружающего воздуха понижалась на два с половиной градуса по Цельсию. Летчики застегнули на костюмах все застёжки и

придвинулись поближе к вентиляторам обогрева. На высоте восемь тысяч футов они начали дышать кислородом. Ламберт продолжал набирать высоту. Вот они вошли в облако. Пока еще не существовало способа

определять, есть ли в данном облаке льдинки. Единственная возможность состояла в том, чтобы рискнуть и вле-

теть в него. А этому облаку, казалось, не было конца. Температура внутри самолета стала почти такой же низкой, как и снаружи.

- Сейчас, сейчас мы выйдем из него, - как можно спокойнее сказал Ламберт. Он стал еще круче набирать высоту, а Бэттерсби подрегулировал двигатели на большую мощность.

- Ненавижу облака, - признался Ламберт.

Холодное облако давило на иллюминаторы, и в кабине стало еще темнее, чем раньше. Бэттерсби суетился возле своих приборов. Двигатели вдруг начали рассогласовываться как раз в тот момент, когда он доложил:

- Давление и температура нормальные.

Один из двигателей стал слабо гудеть.

- Ты знаешь, почему он гудит?-спросил Ламберт.

- Масло слишком остывает, и от этого заедает механизм управления шагом винта...

Ламберт кивнул в знак согласия и спросил:

- Ты сможешь снова синхронизировать их? Бэттерсби притронулся кончиками пальцев к рычагам управления двигателями. Найдя

рассинхронизировавшийся двигатель и подрегулировав его, он добился наконец положения, когда все они загудели в унисон.

- Отлично, - похвалил его Ламберт. - Мики Мерфи эта операция, как правило, не удавалась.

Бэттерсби никогда еще не испытывал такого чувства гордости за себя, как сейчас.

Над фонарем кабины одна за другой появлялись звезды. Самолет выходил из облака. Рычаги управления стали более податливыми и послушными, ибо "скрипучая дверь" достигла своего потолка и, с какой бы силой

теперь ни тянуть на себя штурвал, еще выше самолет не пойдет. Однако Ламберт воспользовался приемом,

которому его научил один опытный летчик. Резко выпуская закрылки на пятнадцать градусов во время полета

на крейсерской скорости, Ламберт заставлял самолет как бы ударяться о воздушную стену. Машину сильно

трясло, но в то же время и подбрасывало на двести футов вверх. Каждый раз, когда он проделывал эту манипуляцию, "ланкастер" занимал новое, более высокое положение, и Ламберт прибавлял таким образом

дополнительно более тысячи футов высоты к его нормальному потолку. Сейчас Ламберт осуществил первый из

серии этих сотрясающих всю конструкцию самолета подскоков вверх.

- Начинаем делать площадки, - объяснил он своим товарищам.

Капитан Суит внимательно всматривался в ночь, обступившую самолет. На некотором расстоянии под собой он увидел маленький прямоугольник, образованный вспышками в выхлопных патрубках, и понял, что в

воздух поднялась и набирает высоту еще одна эскадрилья бомбардировщиков. Способность Суита видеть ночью

была выше средней, и он обычно замечал небольшие объекты на земле еще до того, как их обнаруживал бомбардир. Поэтому казалось странным, что, какое бы время ни отводилось на формирование потока бомбар-

дировщиков, пусть даже самого плотного потока, небо было таким необъятным, что Суит иногда в течение всего полета не видел соседнего бомбардировщика. Он предполагал, что ребятам, обладающим меньшей способностью видеть ночью, так и не удастся заметить что-нибудь за все время полета туда и обратно.

- Штурман, - окликнул Суит, - сколько миль до побережья?

- Около десяти, сэр.

- Нельзя ли, Билли, сегодня поменьше этих "около", - сделал ему замечание Суит и посмотрел вниз.

Сельская местность почти не просматривалась, а вот слабые очертания городов, несмотря на затемнение, можно

было различить. - Штурман, я вижу Лоустофт под нами. Мы отклонились от курса.

- Вы уверены, сэр?

- Уверен ли я? Да, уверен. За Лоустофтом я вижу слабое свечение над Ярмутом. Мы находимся севернее заданной линии пути, по крайней мере, на десять миль.

Наступила короткая молчаливая пауза, пока штурман определил место самолета и рассчитал необходимую

поправку к курсу.

- Курс сто двадцать, - сказал он наконец. - Ветер очень изменчивый.

- Этой поправки недостаточно. Нам нужно попасть в район сбора над Саутуолдом.

- В таком случае, сэр, берите курс около ста шестидесяти градусов.

- Вот это уже ближе к истине, дружок. - Суит сознавал, что огорчил и расстроил штурмана, а удовольствие расстраивать таким образом людей он позволял себе не так уж часто. - Мы летим на самолете командира отряда,

друзья, - продолжал он. - Мы должны все делать строго по уставам и наставлениям. Это глупо, конечно, но если

мы начнем срезать углы, другие экипажи последуют нашему примеру.

Бормоча что-то себе под нос, Суит отвернул на юг. Через некоторое время он неожиданно спросил:

- А я рассказывал вам историю об одном офицере женской вспомогательной службы и сержанте?..

- Подходим к побережью Англии, сэр, - доложил бомбардир. Сейчас можно было понять, насколько тщательно англичане соб-

людают затемнение, ибо начиная от побережья и далеко в глубине страны мир под самолетом казался действительно непроницаемо темным.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Антенна огромной радиолокационной станции "Фрэйя" медленно поворачивалась навстречу холодному ветру, дующему из Англии. Она останавливалась, начинала двигаться в обратном направлении и вновь останавливалась. Вилли Рейнеке крикнул Августу Баху через весь слабо освещенный Т-образный барак:

- Обнаружена первая цель!

Итак, сражение началось: используя все достижения современной науки, три группы людей начали пробираться в темноте на ощупь подобно тому, как пробираются вооруженные бандиты по канализационной

трубе.

Август быстро поднялся по ступенькам на платформу, где стоял огромный прокладочный стол.

- Занесена в журнал в ноль-ноль тридцать пять, - доложил писарь.

- Вблизи Лоустофта. Сверхдальнее обнаружение, - радостно произнес Август. - Поздравляю вас. Они еще

не пересекли даже линию своего побережья. "Фрэйя" работает сегодня отлично.

- По-моему, в последнее время они прекратили ставить электронные помехи, - сказал Вилли.

- Потому что мы используем более широкую полосу частот. Не могут же они ставить помехи по всей этой полосе.

Август наложил на карту транспортир и линейку. Он знал все пеленги как свои пять пальцев и тем не менее все же проверил их, прежде чем дать указания. Вилли нравилась такая скрупулезность, особенно когда проявлял

ее офицер.

- Пусть "Вюрцбург" красный наблюдает в секторе от Ипсуича до Ярмута, от двухсот семидесяти градусов до двухсот девяноста. Дальность им не сообщайте, а то они будут недостаточно внимательны.

- Лоустофт, - медленно произнес Вилли, глядя на карту. - Это намного севернее обычного пути. Может, они направляются в район Берлина?

- Точно сказать еще нельзя. Возможно, они должны идти южнее, а этот один отбил на несколько миль. Подождем и решим позже, Вилли.

Через некоторое время Вилли радостно воскликнул:

- Вы правы, командир, вы правы! Он повернул почти на юг!

- Они сосредоточатся над Саутуолдом, - кивнул ему Август. - Англичане не любят менять своих привычек. Обслуживающий персонал радиолокационной станции "Вюрцбург" красный, расположенной на открытом воздухе, среди обдуваемых холодным ветром дюн, занял места по боевой тревоге. Радиолокационная станция

"Фрэйя" обладала в два раза большей дальностью действия, зато станция "Вюрцбург" излучала более узкий луч,

и потому ее показания отличались большей точностью. Она могла "видеть" одиночный самолет и определить

высоту, на которой он находится, что позволяло навести на него ночные истребители. "Фрэйя" обеспечивала

дальнее обнаружение воздушного противника, а "Вюрцбург" - его уничтожение.

В Т-образном бараке находился центр радиолокационной станции, которой командовал Август.

Неподалеку располагались и другие бараки: жилые помещения, столовые, гараж и собственно радиолокационные установки - "Фрэйя" и две одинаковые "Вюрцбург". Последние представляли собой огромные чашеобразные конструкции по семь метров в диаметре. Одна из них ("синяя") предназначалась для наблюдения

за своими ночными истребителями и наведения их на цель, а другая ("красная") - для слежения за любым бомбардировщиком королевских военно-воздушных сил.

Внутри Т-образного барака под большой деревянной платформой, занимавшей почти все помещение, сгорбившись сидели два оператора-прокладчика. У каждого из них был головной телефон для связи с одной из

станций "Вюрцбург". Перемещения того или другого самолета каждый оператор обозначал световым пятном,

направляя его на стеклянную карту, под которой они сидели. Со своих мест, сидя за столом "Зеебург" на платформе, Август и Вилли могли наблюдать за этими двумя световыми пятнами сквозь крышку стола.

Одно

световое пятно было красным, другое - синим. Задача Августа и Вилли состояла в том, чтобы подвести эти два

световых пятна как можно ближе друг к другу. Когда это достигалось, немецкий ночной истребитель мог обнаружить бомбардировщик противника и наблюдать за ним при помощи своей бортовой

радиолокационной

станции, а в светлую лунную ночь летчик-истребитель мог наблюдать бомбардировщик даже визуально.

В Т-образном бараке было темно. На столе "Зеебург" пока не видно было никаких световых сигналов, ибо самолет противника находился в это время за пределами дальности- действия радиолокационных станций "Вюрцбург". Август взглянул на крупномасштабную карту на стене. Радиолокационная станция "Фрэйя" каждые несколько минут передавала координаты приближающегося бомбардировочного соединения.

Соединение шло прямо на станцию Августа Баха.

Раздался приглушенный телефонный звонок.

- Два наших самолета в воздухе, - доложил взявший трубку Вилли.

- Передайте на станцию "Вюрцбург" синий: сканировать для них в секторе от пятидесяти до семидесяти градусов, - приказал Август.

Вилли Рейнеке нервно покусывал ногти. Август улыбался. Это были самые напряженные минуты. Они много раз так же вот обнаруживали английские бомбардировщики во время их сосредоточения над своим берегом, но чаще всего англичане летели затем в другом направлении. Радиолокационная станция "Горностаи"

обслуживала лишь один небольшой участок протяженной прибрежной полосы, и если английские самолеты не направлялись прямо в Рур, то они проходили за пределами зоны действия станции.

- А вот начинаются и радиопомехи, - пробормотал Вилли и затем уже официальным тоном продолжал: - В воздухе работает станция радиопомех, направленная на "Фрэйю". Широкой полосой в общем направлении

двести девяносто градусов. Направление постоянное, интенсивность возрастает. Самолет - постановщик электронных помех, должно быть, летит прямо на нас.

- Скоро они будут в пределах дальности действия "Вюрцбурга".

- Слава богу, этим-то они помешать не смогут.

- О, теперь надо ждать каждую ночь. Они вот-вот окажутся способными помешать и этим станциям, Вилли. Со своего места Август одинаково хорошо видел и стол, и стену позади него. Карта охватывала район от Восточной Англии до Франкфурта. Теперь, после раннего предупреждения, боевую готовность объявили и на

других участках, и они засветились на стеклянной карте ярким зеленым светом.

Вилли измерял на столе какое-то расстояние, когда услышал сообщение:

- Первый ночной истребитель над нами.

- Пошлите его прямо в море на предел дальности действия "Вюрцбурга", - приказал Август. - На какой он высоте?

- Пятнадцать тысяч футов, все еще поднимается.

- Пусть поднимется на максимальную высоту, Вилли. Высота - это уже половина победы.

- Итак, вы, стало быть, должны мне восемь миллионов триста тысяч восемьдесят марок, - сказал Лёвенгерц,

расставляя шахматы для новой партии.

- Деньги у меня в других брюках, - ответил Кокке.

Лёвенгерц обвел взглядом помещение для дежурных экипажей. Летчики развалились в самых разных позах: волосы не причесаны, галстуки расслаблены, ноги задраны на стулья. Тем не менее если в громкоговорителе раздастся негромкий двойной щелчок - сигнал тревоги, - все они тотчас же окажутся на ногах,

с уже надетыми шлемофонами, с болтающимися разъемами, патрубками и шнурами, делающими их составной

частью машин - ночных истребителей.

Кокке сделал первый ход, и они начали новую партию.

- Только уж не мат со второго хода, Кокке! Вы недооцениваете меня.

- Никогда, герр обер-лейтенант! Все или ничего. Когда взлетает первый самолет?

- Очень хорошо, - медленно произнес Лёвенгерц. - В час.

- В час?

- Короткая летняя ночь с полной луной означает полет на короткое расстояние, а это, в свою очередь, означает Рур. Чтобы вернуться до рассвета и оставить время для потерявших ориентировку самолетов, они,

вероятно, назначили удар по цели на два часа. "Ланкастер" летит со скоростью двухсот двадцати пяти миль в

час. Значит, он пройдет над английским побережьем в час "Ч" минус пятьдесят минут. Хорошо работающая радиолокационная станция типа "Фрэйя" обнаружит его приблизительно на этом этапе, но, пока они доложат

туда да сюда, будет пятнадцать минут второго.

- Стало быть, у нас остается пятьдесят минут, - сказал Кокке. - А вы видели сегодня после обеда нашего друга, аэродромного врача?

- Видел, и у него необыкновенно бравый вид, - ответил Лёвенгерц. - Он готов на все, лишь бы замять эту неприятную историю.

- Я надеялся на его помощь... Гиммелю, я имею в виду.

- Он заинтересован только в помощи самому себе. Доктор, конечно, мог кое-что предпринять в связи с

пропажей секретного документа, не обращаясь в тайную полицию, но он обрадовался возможности показать, каким он является лояльным и преданным нацистом. На его помощь надеяться нечего, - сказал Лёвенгерц. Кокке взглянул на него и, приободренный позицией Лёвенгерца, предложил:

- Допустим, что оба мы вступимся за Гиммеля. Вы барон и первоклассный летчик-истребитель, а я смогу бы, пожалуй, склонить на нашу сторону и старика.

- Реденбахера? Мало вероятно.

- И для вас мало вероятно?

- Послушайте... - начал Лёвенгерц. Он засмеялся, как бы протестуя и скрывая за смехом свое замешательство. - Не надо возлагать это на меня прямо вот здесь и сейчас. Разве нельзя поговорить об этом завтра?

- А что это даст? Нельзя же решительно все откладывать на завтра, герр обер-лейтенант.

- Гиммель тоже так говорил.

- Точно. - Кокке задумчиво погладил свою короткую бородку. Из громкоговорителя послышался щелчок: это оператор на командно-диспетчерском пункте включил микрофон.

- Вам нужно было держать пари со мной, Кокке. Я был неправ. Англичане вылетели раньше.

Кокке ничего на это не ответил. Лёвенгерц еще раз окинул взглядом все помещение. Каждый находившийся здесь летчик испытывал нервное напряжение. Помещение освещалось тусклыми красными лампочками. Света едва хватало, чтобы играть в шахматы. В дальнем конце помещения стоял большой стеклянный аквариум. В нем лениво плавала какая-то рыбка из тропических вод. Лёвенгерц помнил тот день, когда привезли этот аквариум. Его доставили сюда по приказу высшего командования. В то время вся

эскадрилья испытывала острую нехватку в боеприпасах для истребителей, но никакими мольбами и просьбами

не удалось тогда добиться, чтобы этот же грузовик доставил боеприпасы.

Лёвенгерц помнил и зимние бои под Москвой, когда солдаты были одеты в легкую летнюю форму. А один из последних транспортных самолетов доставил в Сталинград презервативы. В управлении всеми этими проклятыми люфтваффе явно творилось что-то неладное.

"Я помогу Гиммелю", - подумал Лёвенгерц и тут же осознал, что произнес эти слова вслух.

- Спасибо вам, герр обер-лейтенант, - сказал Кокке.

В громкоговорителе снова раздался щелчок включенного микрофона и голос диспетчера:

- Внимание! Внимание! Обер-лейтенант Лёвенгерц, майор Реденбахер и лейтенант Кокке - боевая готовность!

- В полной форме! - крикнул Лёвенгерц своим подчиненным. Лёвенгерц всегда требовал, чтобы его подчиненные имели при

себе все предметы снаряжения, упомянутые в инструкциях: заряженный сигнальный пистолет, комплект сигнальных ракет, надувную спасательную лодку, спасательный жилет, парашют, неприкосновенный запас продовольствия, таблетки первитина и карманный фонарик. Все это они должны были брать с собой в самолет.

Снаружи было холодно. Восточный ветер приносил с собой запахи моря. Самолеты стояли с уже прогретыми двигателями, готовые к немедленному взлету. Экипажи с удовольствием разместились в сравнительно теплых и уютных кабинах. Лёвенгерц посмотрел на сидящего рядом летчика-наблюдателя.

Мросек,

девятнадцатилетний лейтенант с длинными черными волосами, нервно улыбнулся Лёвенгерцу и поднял руку с

биноклем, упреждая вопрос, который обязательно задал бы командир: взял ли он с собой бинокль?

- Все в порядке? - повернулся Лёвенгерц с обычным вопросом к оператору радиолокационной станции.

С заднего сиденья ему почтительно улыбнулся и поднял свою тонкую белую наманикюренную руку Георг Закс. Ему тоже было девятнадцать. Его честолобивый папаша был из нажившихся на спекуляции богачей, и

отчасти поэтому титулованный барон Виктор фон Лёвенгерц внушал Георгу благоговение и тот старался во всем подражать ему. Наручные часы Георга шведского производства были из золота и тонкие, как пфенниговая

монета. Он носил нефритовые запонки, ботинки, сшитые по индивидуальному заказу, а под формой сержантско-

го состава - шелковое белье.

К величайшему разочарованию своего отца, Георг, не ответив требованиям, предъявляемым к летчикам, стал всего-навсего оператором радиолокационной станции. Он достаточно любил, однако, свою работу и

добросовестно выполнял возложенные на него обязанности. Он хорошо знал, что в последние, завершающие

минуты преследования самолета противника истребитель, по существу, находится под его

командованием. Как

он сказал своему отцу, в момент уничтожения самолета противника барон фон Лёвенгерц являлся не более чем

рабочим у станка.

- Все в порядке, все в полной готовности, герр оберлейтенант, - ответил Георг Закс.

Уже в воздухе по радио поступили распоряжения с командно-диспетчерского пункта:

- Майор Реденбахер - к радиолокационной станции "Тигр", летать по кругу на высоте пять тысяч метров.

Лейтенант Кокке - к радиолокационной станции "Горностаи", летать по кругу на высоте пять тысяч

метров.

метров.

Каждый из названных летчиков подтвердил получение приказа.

- Переходим на кислород, - распорядился Лёвенгерц и потянул ручку управления на себя. Вариометр сразу же показал непрерывный набор высоты. Лёвенгерц выключил аэронавигационные огни на концах крыльев.

Теперь ничто вокруг не светилось, за исключением приборного щитка перед ним.

Следующим в воздух поднимался Кокке. Он оставил форточку кабины слегка приоткрытой, ибо, как и многие другие летчики, любил как можно внимательнее прислушиваться к гулу работающих двигателей.

Ему

нравилось также ощущать струю воздуха во время взлета. Лейтенант Климке, его оператор

радиолокационной

станции, почувствовав холодный ветер, попросил:

- Очень дует. Закройте...

Этой ночью около сотни чаек, гонимых скверной погодой, летели по направлению к рыбацким деревушкам

на Айсельмеер. Восемь птиц из этой стаи врезались в самолет Кокке. Одна из них попала в щель слегка приоткрытой форточки кабины. В Кокке ударила, собственно, уже не птица, а немногим больше полуфунта окровавленных птичьих потрохов и костей. Однако, ворвавшись в кабину со скоростью двести миль в час, они

выбили Кокке оба глаза, пробили в нескольких местах черепную коробку, раздробили правую скулу и нос

и

сместили нижнюю челюсть. Различить, где кончались останки птицы и начиналось лицо Кокке, было совершенно невозможно. Он в тот же миг потерял сознание, и хотя его мускулистые руки напряженно сжали

штурвал, это не помогло. "Юнкерс-88" ударился о воду под тупым углом. Высота волны была около метра, и

море поглотило самолет. Все члены экипажа к тому моменту уже были мертвы, ибо силой удара каждому из них

переломило позвоночник. Черный самолет скользил в темной воде, накрениваясь и разворачиваясь, как и

в

воздухе, до тех пор пока глухо не ударился о морское дно.

- Потеряна радиосвязь с лейтенантом Кокке на "Кошке-два", - доложил оператор на аэродроме.

- Черт бы побрал эти проклятые рации! - в сердцах сказал офицер. - Он же находится в воздухе всего две минуты. На радиолокационную станцию "Горностаи" лучше переназначить теперь Лёвенгерца, там, кажется,

кое-что наклеивается. А Кокке прикажите возвратиться на базу. Возможно, у него из строя вышел только пе-

редатчик, в этом случае он примет наше приказание.

Лёвенгерц рассмеялся, когда получил этот приказ. Он представил себе, как Кокке будет проклинать свою

рацию. Радиооператор Лёвенгерца настроился на радиолокационную станцию "Горностай", с нее передали

приказ:

- Направляйтесь в квадрат "Рейнц-Эмиль-четыре".

"Это на полпути к Англии", - подумал Лёвенгерц. Он, наверное, встретит соединение бомбардировщиков первым. День для него начался сегодня неплохо.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Бомбардировщики поднимались все выше и выше. Пренебрегая заданной высотой, большинство летчиков направляли нос своего самолета вверх, и вопрос о высоте полета решался, таким образом, предельными техническими возможностями их машин.

Ламберт поднял "скрипучую дверь" почти на двадцать одну тысячу футов, после чего подрегулировал органы управления и включил автопилот.

- До поворота пятьдесят минут, - доложил Кошер.

Они вошли в квадрат "Рейнц-Эмиль-четыре" по координатной сетке люфтваффе, хотя, естественно, не имели об этом ни малейшего представления. Их самолеты находились в головной части колонны бомбардировщиков длиной почти двести миль. В то время как "скрипучая дверь" была уже над Северным морем, последний самолет этого потока только еще взлетал с аэродрома.

Сегодня видимость была слабой, и путь бомбардировщиков обозначался только гулом двух тысяч восьмисот двигателей с высокими эксплуатационными характеристиками. Постройка каждого из этих двигателей требовала таких же производственных мощностей, какие необходимы для создания сорока обыкновенных автомобильных двигателей. Одно только радио- и радиолокационное оборудование бомбар-

дировщика стоит столько же, сколько стоит миллион радиоприемников. Общее количество затрачиваемого на

него прочного алюминия составляет столько же, сколько его необходимо для изготовления одиннадцати миллионов кастрюль. В денежном измерении, в ценах 1943 года, каждый "ланкастер" стоил сто шестьдесят

девять тысяч шестьсот восемьдесят долларов. Обучение экипажа пожирало средств больше, чем их бы потребовалось на его трехлетнее обучение в Кембриджском университете. Не считая "москито", группы наведения, самолетов, совершающих беспокоящие налеты на Берлин, и самолетов, которые сбросят листовки в

Остенде, это бомбардировочное соединение стоило триста сорок три миллиона четыреста тысяч долларов.

Самолеты Ламберта, Сута и Картера находились не больше чем в полумиле друг от друга, хотя в эту темную ночь единственным, кто знал об этом, был оператор радиолокационной станции "Горностай", наблюдавший за выбросами сигналов на расположенном перед ним экране.

Радиолокационная станция "Фрэйя" предупредила меньшую, более точную "Вюрцбург" о направлении полета колонны бомбардировщиков. В теплом затемненном помещении прокладочного поста Август Бах затаил

дыхание, как рыболов при виде подергивающегося поплавок.

- "Вюрцбург" красный обнаружил цель, герр оберлейтенант, - доложил Вилли Рейнеке, - в квадрате "Гейнц-Эмиль-четыре".

Все происходило так, как предусматривал Август.

- Приказ: "Карузо" десять лево, "Кошка-один", - сказал Август.

Лёвенгерц нажал на педали руля направления. Он должен выполнять любое указание без промедления, ибо

тяжелый "юнкерс" с его неуклюжей антенной конструкцией не намного быстрее "ланкастера".

- Перехват на встречно-параллельных курсах, - продолжал Август. - Я выведу его немного севернее противника.

- Сообщение: скучный фильм, - сказал Лёвенгерц. Это было кодовое обозначение плохой видимости.

Вилли Рейнеке чуть слышно возмутился:

- Вечно они жалуются на видимость! В помещении прокладочного поста собралось много свободного от дежурства персонала.

Все горело желанием посмотреть, как развернутся события дальше.

- Приготовиться: разворот на сто восемьдесят градусов, - приказал Август.

- Ясно, - ответил Лёвенгерц.

Он стал теперь частью машины. Сейчас самолетом, по существу, управлял Бах.

Август взглянул на полные нетерпеливого ожидания лица тех, кто находился в помещении прокладочного поста. Они смотрели как зрители, наблюдающие азартную карточную игру. Август видел, как два световых пятна быстро двигались друг другу навстречу. Он понимал, что ошибись он в определении момента разворота

истребителя "Кошка-один" - и контакт будет потерян. Такой исход на виду у всех подчиненных был бы для Августа Баха наименее желательным.

Кошер Коэн посмотрел на путевую карту, освещенную лампой, укрепленной над штурманским столом.

- До голландского берега осталось одиннадцать минут, - доложил он.

Ламберт поерзал, поудобнее устраиваясь на жестком ранце парашюта.

- Мы в зоне видимости радиолокационной станции, - предостерег он свой экипаж. - Смотрите в оба за истребителями.

Как и все радиооператоры на бомбардировщиках, Джимми Гримм пытался обнаружить голоса противника в полосе частот от семи тысяч пятидесяти до семи тысяч ста килогерц. Обнаружив их, он мог бы начать передавать на этой частоте сигналы и забивать таким образом разговор между оператором наведения на командно-диспетчерском пункте и летчиками на истребителях. Для передачи таких помех в каждом двигателе

бомбардировщика был вмонтирован специальный микрофон. Неожиданно Джимми услышал немецкую речь.

- Я засек разговор между оператором и ночным истребителем! - возбужденно воскликнул Джимми Гримм.

- Тот, кого преследует истребитель, находится на вашем курсе, - заметил Дигби. Вытянувшись в носовой части во всю длину, он смотрел вниз, пытаясь обнаружить голландский берег.

- Эх, если бы получше знать немецкий, - с сожалением проворчал Джимми Гримм.

- Вполне возможно, что он летит за нами, - подал голос Бинти из средней верхней турели.

- Нельзя ли лечь на курс восемьдесят градусов, командир, чтобы проверить? - спросил Коэн.

- Ты штурман, тебе и карты в руки, - ответил Ламберт и начал выполнять мелкий вираж.

- Он все еще далеко позади бомбардировщика, - сказал Коэн, - и оператор наведения подает команду снизиться.

Флэш Гордон напряженно вглядывался в темноту через открытую часть хвостовой турели. В ней теперь было очень холодно, но зато Флэш видел намного лучше, чем раньше. Когда он немного наклонился вперед, его

голова оказывалась почти вне самолета. Он непрерывно поворачивал турель, описывая дулами пулеметов небольшие окружности, как, бывало, на тренировках в школе воздушных стрелков, где он проделывал эти манипуляции, вставив в дула пулеметов карандаши.

Флэш Гордон и Лёвенгерц напряженно всматривались в темноту навстречу друг другу со всей сосредоточенностью, на какую они были способны, однако стояла слишком темная ночь, чтобы увидеть что-либо.

Флэш слышал, как Коэн попросил изменить курс, и наблюдал за пронесившимися мимо хвостовой части самолета облаками.

Август Бах видел, как красное световое пятнышко на столе изменило направление движения.

- Он повернул влево, - заметил Август. - Теперь он уже совсем близко.

- По-моему, истребитель преследует нас, - сделал вывод Коэн.

- Оператор приказывает ему отвернуть влево.

- Забивай, забивай его! - поспешил приказать Ламберт, закладывая глубокий вираж.

Лёвенгерц на ночном истребителе изменил курс, как ему указали. Неожиданно на радиолокационном экране Закса появился световой сигнал.

- Мы засекли его! - проговорил Закс, стараясь скрыть радостное возбуждение.

Внезапно в телефоне появились оглушительные помехи. Значит, противник совсем рядом.

- Вовремя догадался, - произнес Лёвенгерц.

Закс убрал громкость, чтобы свести помехи до минимума. Лёвенгерц поставил защелки предохранителей на риск "Огонь", и на приборном щитке появилось несколько красных огоньков. Неожиданно "юнкерс" вошел

в турбулентный поток. Лёвенгерцу пришлось приложить максимум усилий, чтобы удержать самолет на курсе.

- Спутная струя от самолета противника, - сказал Лёвенгерц.

- Выведите меня на один уровень с ним. Я потеряю высоту, когда увижу его.

- Вы в пятистах метрах от него.

- Вижу! - крикнул вдруг Лёвенгерц. Прямо перед ним темноту пронзили восемь желтых световых точек - пламя из выхлопных патрубков.

Поскольку все примитивные ритуалы, особенно относящиеся к смерти, имеют свои специфические названия, Лёвенгерц доложил Баху об обнаружении бомбардировщика словами: "Литавры, литавры!" Флэш Гордон был человеком кроткого нрава, невысокого роста, скромного происхождения и говорил тихим голосом. Хотя Флэш никогда по-настоящему не лгал, он пришел тем не менее к заключению, что белая

ложь иногда совершенно необходима для прогресса рода человеческого. "Если ложь - единственный путь к

совершенствованию самолетов с аэродрома Уорли-Фен, то я пойду на такую ложь", - подумал он. Более спокойного момента, чем теперь, никогда не бывало: казалось, они перехитрили немецкий истребитель и теперь

в небе вокруг них никого не было.

- Истребитель, истребитель! Влево вниз! - крикнул вдруг Флэш Гордон. И, не пытаясь воспользоваться прицелом, он открыл бешеный огонь по непроницаемой темноте, в которой абсолютно ничего не было видно.

Ламберт, инстинктивно подчиняясь команде, которую имел право дать любой член экипажа, бросил "скрипучую дверь" в крутой вираж и позволил ей камнем устремиться вниз.

Бинти Джонс, дабы не позволить своему коллеге превзойти его, также открыл огонь из пулеметов. По небу пролегли изгибающиеся трассы, ибо "скрипучая дверь" падала вниз куда быстрее, чем вращались ее турели.

- О боже! - воскликнул Лёвенгерц, заметив приближающуюся к нему трассу.

Он быстро уклонился от трассы, а восемь язычков пламени, вырывавшиеся из выхлопных патрубков двигателей "двери", заняв вертикальное положение, выскользнули из поля видимости прямо перед носом "юнкерса". Небольшие, 0,303-дюймовые пули, которыми стреляли англичане, редко оказывались фатальными

для прочного "юнкерса", но Лёвенгерц все же избегал летать навстречу им.

Ламберт выполнял классический противоистребительный маневр "змейка", монотонно информируя членов

экипажа об эволюциях самолета:

- Влево вниз! Влево вверх! Перекладываю! Вправо вверх! Вправо вниз! Перекладываю! Влево вниз! Влево вверх!..

Лёвенгерцу много раз приходилось наблюдать такой маневр уклонения противника. Четыре или пять раз ему удалось выполнить этот же маневр синхронно со своей жертвой и в конце концов поразить ее. На этот раз

такой маневр ему не удался.

- Цель потеряна, - сказал Закс.

- Моя вина, - отозвался Лёвенгерц и включил радиопередатчик:

- "Кошка-один" оператору наведения: потерял цель.

Август посмотрел на прокладочный стол и увидел, что световое пятно, которое обозначало бомбардировщик "скрипучая дверь", переместилось к самой границе зоны видимости станции "Горностай".

- Этому англичанину повезло, - сказал он с разочарованием.

- За ним следует много других, - успокоил его Вилли.

Ламберт вывел "скрипучую дверь" из "змейки". Его руки дрожали, но он продолжал крепко держать штурвал, чтобы Бэттерсби не заметил этого.

- Кош, дай мне курс на Нордвейк, - приказал Сэм.

- Ну как, теперь вы верите в целесообразность выреза в остеклении моей турели? - наконец не удержался от

вопроса Флэш Гордон. Он долго ждал хотя бы одного слова похвалы или благодарности.

- Все получилось чертовски здорово, - отозвался Ламберт.

- Я не верю, что ты видел что-нибудь, - усомнился Бинти Джонс.

- Здоровенный ночной истребитель, ясно?

- Ничего там не было, - настаивал Бипти.

- В таком случае зачем же ты стрелял? - спросил Флэш. Ответа не последовало. - Я назову это "смотровой щиток со свободным обзором Гордона"! - гордо заявил Флэш.

- А ну-ка замолчите все! - приказал Ламберт.

Бомбардировщик Суита отстал из-за ошибки в определении ветра в районе Лоустофта, а "скрипучая дверь"

несколько раз поворачивала и выполняла "змейку" над морем, поэтому к часу ночи и Суиту, и Ламберту оставалось до берега еще около восьми миль. В это время Томми Картер на своем "ланкастере" уже прошел

Нордвейк, повернул и пролетел четыре мили по последней прямой, ведущей к объекту бомбардировки.

Маяк в Нордвейк-ан-зе построен на современной эспланаде, и теперь его затемненный огонь был включен,

так как мимо проходил конвой в охранении крейсера противовоздушной обороны "Гельд". Крейсер засек своими радиолокационными станциями пролетавшие над ним бомбардировщики и открыл огонь. Каждый артиллерийский залп "Гельда" сотрясал стекла в окнах домов, а вспышки выстрелов освещали всю приморскую часть города.

- Вот молодцы-то, - сказал Ламберт, - включили для нас маяк в Нордвейке.

Ламберт и Дигби в носу самолета еще любовались пульсирующим затемненным огнем маяка, когда вся эспланада неожиданно ярко осветилась, будто солнце выбрало этот город для индивидуальной утренней зари.

Два "ланкастера" из группы наведения сбросили светящиеся бомбы, чтобы обозначить таким образом точку поворота для всей колонны бомбардировщиков. Смотритель маяка уставился в окно на ослепительно яркие

желтые "рождественские елки" из огней, которые, громко потрескивая, медленно опускались, оставляя после себя змейки белого дыма.

Высоко-высоко над Нордвейком находился самолет королевских военно-воздушных сил "москито".

Летчик

на нем тоже видел светящиеся бомбы. Восьмидесятывосьмимиллиметровые зенитные снаряды не доставали

самолеты "москито", потому что те летали на очень большой высоте. Радиолокационные станции "Вюрцбург"

обнаруживали их и следили за ними с трудом, так как эти самолеты построены из дерева, а ночные истребители

не могли угнаться за ними, потому что "москито" обладали большей скоростью. "Москито", который находился

сейчас над Нордвейком, шел, ориентируясь по специально передаваемым для него сигналам радиомаяков, и его

задача состояла в том, чтобы сбросить над Крефельдом четыре красные ориентирно-сигнальные бомбы для

наведения на цель тяжелых бомбардировщиков. Таков, по крайней мере, был план.

Светящиеся бомбы повисли над Нордвейком в одну минуту второго. В считанные секунды донесение об этом

было передано по телефону в Делен, и там без промедления отметили это на огромном светящемся экранов.

Крейсер противовоздушной обороны "Гельд" сообщил пеленги на них.

Не позднее чем через две минуты немцы располагали достаточной информацией, чтобы сделать вывод: летящие бомбардировщики поворачивают на новый курс. В районах, над которыми летели

бомбардировщики,

было произведено полное затемнение. Поезда на железных дорогах остановились, станции были затемнены,

рабочие заводов и фабрик укрылись в бомбоубежищах.

Города, поселки и деревни до самого Кельна и Дортмунда получили распоряжение приготовиться к отражению воздушного налета через тридцать минут. На зенитных батареях сигареты были отброшены в сторону, кофе остался недопитым. Люди, ворча, смеясь и зевая, выходили из домов и барачных и, ежась от ночной прохлады, застегивали шинели и пальто на все пуговицы. Стволы зенитных Орудий были направлены

вверх, прожекторы развернуты в нужном направлении, радиолокационные станции прогреты, взрыватели ввинчены в снаряды. Под котлами с супом был зажжен огонь, одеяла рассортированы, покрывала приготовлены,

продовольственные карточки заверены, и узлы с поношенной одеждой развязаны. Альтгартен тоже оказался в угрожаемой зоне.

Тяжелые шторы на окнах в отдельном кабинете в ресторане Френзеля Штюбе создавали для гостей интимную обстановку. В этом старинном зале пахло сейчас жареными утками, шнапсом, свечами и хорошими

сигарами. Эти запахи глубоко впитались в дубовые панели стен и напоминали о других званых обедах в другие

времена. Гости, повеселевшие от тщательно подобранного бургомистром и неограниченно подававшегося вина,

уселись в кресла и приготовились произносить речи и тосты, которых хватило бы на всю оставшуюся часть вечера.

Герд Белль выбрал весьма удачный момент, чтобы распрощаться с хозяином. Отведав знаменитого френзелевского яблочного пирога, Герд решил, что вечер, в части его касающейся, вполне можно на этом закончить. Он объяснил свой ранний уход тем, что обязан быть готовым выполнять свои функции в случае воздушного налета. На самом же деле Герд намеревался пойти в буфет железнодорожного вокзала, чтобы поиграть там с друзьями в скат.

Когда принесли кофе, начальник полиции обер-вахмистр Мюллер встал, чтобы произнести тост, но Герд прибавил шагу и успел скрыться за дверью. Мюллер одернул синий форменный френч, нервно откашлялся и

начал говорить о заслугах бургомистра, о вкладе Альтгартена в победу, а также о том, как этот город соблюдает

законы третьего рейха.

Шел уже второй час ночи, когда прибывший из ратуши посыльный прошептал что-то на ухо бургомистру.

До появления этого парня в служебной форме, с каской на голове и в больших казенных перчатках на руках все

чувствовали себя так, будто не было никакой войны.

- Минуточку внимания, господа, - проговорил бургомистр, и на лицах гостей появилась тревога. - Я получил официальное сообщение, что несколько минут назад в воздухе обнаружено крупное соединение английских военно-воздушных сил. Наши радиолокационные станции предсказывают, что бомбардировке подвергнется Рур. Я не сомневаюсь, что мои гости пожелают выполнить свой служебный долг и как можно скорее разъедутся по своим местам. Разрешите пожелать вам всем успехов. Хайль Гитлер!

- Хайль Гитлер!-повторили без особого энтузиазма гости. Вскоре после этого в городе прозвучало предупреждение об угрозе воздушного нападения.

Альтгартенский железнодорожный вокзал был примечателен скорее оживленностью своего буфета, чем оживленностью расписания движения поездов. Каждый день с утра до поздней ночи в буфете стоял шум и дым

от сигар. Не раз, когда основная железнодорожная магистраль подвергалась бомбардировке, войсковые эшелоны направлялись через Альтгартен, и тогда две пожилые дамы, содержавшие привокзальный буфет, подавали пиво, кофе и бутерброды до тех пор, пока у них не иссякали все запасы.

Буфет был обставлен как гостиная Викторианской эпохи. Его украшением служили несколько десятков декоративных растений, бюст Бетховена, написанный маслом портрет Вагнера, цветная репродукция портрета

фюрера и старинное пианино.

Три столика около пианино считались лучшими. Сегодня средний столик заняла группа игроков в скат.

Вокруг игроков - это были Герд Белль и два его друга инженера - собралась толпа любопытных.

В час ночи, точно по расписанию, на вокзал прибыл поезд. Гудок, пыхтение и свист стравливаемого пара смешались с воем сирен в громкоговорителях, возвещавших об угрозе воздушного нападения. Это неприятных,

внушающих страх звуков прокатилось по всему городу. Но даже и после этого из буфета вышли не все. Надо

полагать, что если бы сигнал общей тревоги прозвучал еще страшнее, то здесь, в Альтгартене, его восприняли

бы в чисто академическом плане, ибо все считали, что бомбы предназначаются для одного из крупных городов в

Руре.

Наконец Герд Белль решил, что и для него настало время поехать на своем фургоне к ратуше и доложить старшему на командно-диспетчерском посту гражданской обороны о своей готовности выполнить долг. Как

только радиолокационные станции сообщали, по какому району наносится удар, Герд направлялся в город,

подвергшийся бомбардировке, и оказывал посильную помощь пострадавшим. "В этом, пожалуй, преимущество

одинокого", - подумал Герд и сразу вспомнил о Гансе и Анне-Луизе. Пожалуй, ему лучше заехать в дом Августа

и убедиться, что они укрылись в убежище. Герд поднял брови, чтобы спросить своего друга Бодо Рейтера, что,

по его мнению, произойдет. Бодо бросил свои карты на стол, давая этим понять, что игру продолжать нельзя.

- Бери мой бакалейный фургон, - предложил Герд Рейтеру. - Я возьму у кого-нибудь мотоцикл и приеду еще до того, как тебе прикажут куда-нибудь выехать.

Анна-Луиза, как всегда перед сном, расчесывала волосы - не меньше трехсот взмахов щеткой. В соседней комнате неожиданно раздался голос Ганса:

- Фрейлейн, фрейлейн...

- Да, Ганс. Но почему ты не в постели, мальчик? Он раздвинул занавески на окне:

- Какие чудесные огни, фрейлейн! Смотрите, как красиво! Как будто рождественские елки в небе.

Анна-Луиза подошла к окну.

- Да, - согласилась она. - И правда как рождественские елки, Ганс.

- Это папа пускает их?

- Нет, мой милый. - Цветные огни были близко, совсем близко. Она взяла мальчика на руки. - Скоро ты станешь слишком тяжелым, чтобы поднимать тебя, Ганс.

- Когда я стану большим, то буду поднимать вас, фрейлейн.

- О, это будет чудесно! - воскликнула Анна-Луиза и поцеловала мальчика.

Когда раздался стук в дверь, она подошла к ней с Гансом на руках.

- Герр Белль, что-нибудь случилось?

- Я хочу, чтобы вы укрылись в соседнем доме, у герра Фосса. В прошлом месяце он предложил Августу, чтобы в случае воздушного налета вы и мальчик укрывались у него. Его убежище укреплено, и в нем есть вентиляторы, нагнетающие свежий воздух. Духота - очень опасная вещь, понимаете?

- Сегодня?

- Они уже сбрасывают светящиеся бомбы. Это они обозначают цели. Вам нужно поспешить.

- Но... Не будут же они бомбить Альтгартен?

- Пожалуйста, Анна-Луиза, поторопитесь.

- Мне нужно взять обувь и пальто для Ганса.

- Я не могу больше ждать, фрейлейн, - сказал Герд. - Поторопитесь и хорошенько постучите в дверь герра Фосса. Я уверен, он дома, но иногда проигрывает на патефоне пластинки и может не услышать стука.

- Спасибо, герр Белль, вы очень любезны.

- Я обещал Августу, - проговорил Герд и, нажав ногой на педаль мотоцикла, уехал в сторону лагеря инженерных частей.

Когда падали первые бомбы, Анна-Луиза услышала новые для себя звуки: быстро перемещающийся шелестящий полусвист, будто по покатому металлическому лотку скользит тяжелый груз в упаковке.

Каждый

такой звук заканчивался оглушительным взрывом и лязгом металла, от которых больно било барабанные перепонки и сотрясалась земля под ногами.

- Нам надо торопиться, милый Ганс,

Огни последнего "ланкастера" скрылись за высоким забором аэродрома Уорли-Фен. Подписав все документы и выключив настольную лампу, полковник раздвинул шторы затемнения и открыл окно. Когда улетали самолеты, он всегда испытывал одно и то же чувство: где-то в глубине души командир базы всегда опасался, что в одну из таких ночей ни один из них не вернется и тогда он навеки останется на аэродроме в

одиночестве. В текущем месяце это был уже двенадцатый рейд. Слишком много. И его подчиненные, и он сам

очень устали. Он стремился предпринять все возможное, чтобы его эскадрилью использовали в составе групп

наведения, хотя, по правде говоря, его люди не были подготовлены для выполнения таких задач. Это были самые заурядные летчики, а он самый обычный командир.

Когда его глаза привыкли к темноте, он начал различать стоянки самолетов и служебные помещения второго отряда. В металлических бараках, где летный состав дежурил холодными ночами, разжигали крохотные

обогревательные печки. Только в одном этом месяце он потерял три экипажа, погибших в свой первый же боевой вылет. Один экипаж пробыл на аэродроме всего лишь восемь дней. Их смелость и отвага равноценна

смелости и отваге тысячи львов, и он никому не позволит омрачить чувство гордости, которое испытывал, находясь вместе с ними на передовой линии. Полковник задвинул шторы и опять включил настольную лампу.

Раздался стук в дверь, и в кабинет вошла его подчиненная.

- Капрал Тэйлор, прибыла по вашему приказанию, сэр, - доложила она.

- Здравствуйте, капрал. Ничего, ничего, стойте вольно. Мы с вами, кажется, не знакомы. - Полковник улыбнулся. - Но вам-то, вероятно, приходилось видеть меня. Вы заведуете складом спасательного снаряжения, так ведь?

- Да, сэр.

- Садитесь, капрал. Как вы, наверное, знаете, у нас в королевских военно-воздушных силах существует традиция, когда в определенных случаях офицеры и их подчиненные разговаривают, что называется, как мужчина с мужчиной. Это значит, что все, о чем мы говорим друг другу, не является официальным. Вы курите, капрал?

- Нет, спасибо, сэр.

- Так вот, капрал, я хотел бы знать, как давно вы вышли замуж за старшего сержанта авиации Ламберта?

- Три месяца назад, сэр.

- Ну и как, вам здесь хорошо живется, капрал? Полковник так напоминал ей в этот момент ее отца! Что она могла сказать ему

о том, как ей здесь живется? Горящие в полнакала лампочки ночью, железные солдатские койки, грязное постельное белье, сырые стены, постоянно хлопающие двери. А позади этих дверей какая-нибудь лишившаяся

родных и дома девушка принимает невыносимо горячую ванну и пьет джин...

- Я рядом с мужем, и это уже хорошо, - ответила Рут.

- Правильно. Тем не менее вы продолжаете числиться в списках женской вспомогательной службы под вашей девичьей фамилией?

- Да, сэр. Я хотела бы что-то предпринять в этой связи, но...

- Но командир секции Холройд не настаивает на этом, а вы боитесь, что вас переведут куда-нибудь еще, если об этом узнает регистрационная канцелярия?

- Да, сэр.

- Ну что ж, я говорил с мисс Холройд о вас. Она сказала, что вы добросовестный работник, а, по ее мнению, на действующей авиационной базе эффективно работающие люди - это главное.

- Да, сэр.

- Да, в наши дни и в наш век самое важное - это эффективность. Королевские военно-воздушные силы - молодой вид вооруженных сил с молодыми идеями, и он не ограничивается узкими рамками правил и наставлений. Однако при всем этом должно соблюдаться правило взаимных уступок. Вы понимаете, о чем я

говорю?

- Пожалуй, я возьму сигарету, сэр.

- Да-да, пожалуйста. Спички на столе. Ваш муж, миссис Ламберт, один из моих наиболее опытных командиров экипажей. Тем не менее если у нас появляется парень, который рисует на своем самолете портреты

коммунистов, то, как по-вашему, что об этом подумают люди?

- Портреты коммунистов?

- Да, миссис Ламберт. Портрет Сталина! Полагаю, вы согласитесь, что это портрет коммуниста?

- Но портрет Сталина нарисован не на самолете моего мужа. Это на самолете сержанта Картера, сэр.

- Мне лучше знать мои самолеты, миссис Ламберт! Вы не можете не согласиться, что я лучше знаю их, чем вы. - Он улыбнулся, сожалея о ее женской ограниченности.

- Поэтому вы меня и вызвали, сэр?

- Нет, не поэтому, капрал. Я вызвал вас, чтобы вместе докопаться до причин, по которым с вашим мужем происходит что-то непонятное, миссис Ламберт. Он, кажется, полон решимости бросить вызов начальству. А на этом аэродроме... - Полковник улыбнулся. - Э-э, на этом аэродроме начальство - это я.

- Бросить вызов вам, сэр?

Полковник откинулся на спинку стула. Он, видимо, не совсем представлял себе, как продолжать разговор. Когда он вновь заговорил, в его голосе появились такие нотки, будто он решил по неожиданному побуждению раскрыть ей все.

- Может быть, вам известно, миссис Ламберт, что я являюсь членом различных комитетов. Ничего не поделаешь, я всегда это любил и буду любить. И если на свете существует такой комитет, в котором я состою с особым удовольствием, так это крикетный. Игра в крикет несколько напоминает боевой вылет. Я люблю это сравнение: за томительно долгим свободным временем вдруг наступают мгновения, когда парни сталкиваются лицом к лицу со стремительно поданным мячом. Вы понимаете меня, миссис Ламберт?

- Боюсь, что нет, сэр.

- В субботу крикетный матч. Уорли-Фен против Литл-Бестериджа. Я хочу, чтобы команда Уорли-Фена победила. Ведь это вполне естественно, правда?

Рут улыбнулась. Все разговоры и заботы об этой игре казались ей ребячеством.

- И вы хотите, чтобы мой муж был в команде? - спросила она.

- Вы просто видите меня насквозь, миссис Ламберт! Как сказала однажды моя мать: "На свете нет такой женщины, которая не смогла бы разгадать тебя". - Полковник засмеялся и попыхал своей трубкой.

- Вы льстите мне, предполагая, что я могу повлиять на своего мужа, сэр. Но, если бы даже и смогла, я отнюдь не уверена, что это было бы разумно.

- Ну что вы, что вы, миссис Ламберт! Не настолько уж я наивен, да и вы тоже. Помогать друг другу и уступать друг другу - вот что характерно для людей в военно-воздушных силах. Вы скрываете, что живете здесь со своим мужем, так как это противоречит существующим положениям, а ваш непосредственный начальник командир секции Холройд и я не хотим быть неоправданно строгими по отношению к вам...

Рут осмотрелась вокруг, словно прикидывая, как бы ей уйти из кабинета.

- Единственное, о чем я прошу вас, капрал, это неофициально сообщить вашему мужу о состоявшемся между нами разговоре. - Он вытряхнул пепел из трубки и продолжал: - А ведь я даже подумываю о том, чтобы отстранить его от полетов. - Медленно выговаривая слова, полковник внимательно наблюдал за Рут, но никаких перемен в выражении ее лица не заметил. Эта глупая девчонка становилась невыносимой, и он начинал терять терпение. Преданная и умная жена сразу поняла бы, что ее мужу угрожает неприятность. - Вам известно, миссис Ламберт, что означает отстранение от полетов, что за этим последует?

Рут старалась не повышать тона, но все же не смогла скрыть охватившего ее гнева:

- Я знаю, что за этим последует, сэр. Это самое строгое наказание в военно-воздушных силах. Но меня оно не пугает. Как, по-вашему, я себя чувствую, когда его самолет взлетает ночью? Я лежу с открытыми глазами, несмотря на множество принятых снотворных таблеток, и жду, что вот-вот у двери раздастся звонок вместо привычного поворота ключа в замке. Отстраняйте его от полетов, если вы так решили, у меня тогда будет муж, который доживет до того, чтобы увидеть конец войны.

Полковник сделал вид, будто ищет какой-то документ на столе.

- Мне кажется, вы плохо понимаете, какой это позор, если он будет отстранен от полетов...

Рут собрала всю свою волю, чтобы вновь не повысить голоса.

- Этот позор существует только для мужчин. Приберегите слова об этом для ваших школ и клубов или до

того момента, когда вы проиграете матч в крикет.

Полковник исподлобья посмотрел на нее.

- Вы что же, миссис Ламберт, так и детей своих будете воспитывать? Без чувства гордости и собственного достоинства? - Он сказал это таким тоном, будто был совершенно уверен в том, что дети будут воспитываться

именно так.

- Спросите вдов ваших погибших летчиков, как они объясняют гордость своим детям, оставшимся без отцов... Или сборщику квартирной платы.

Рут покрутила свое обручальное кольцо и посмотрела полковнику прямо в глаза, пытаясь увидеть, какой эффект произвели на него ее слова. "Разве он может понять это?" - подумала она. - У него нет ни жены, ни детей,

ни своего дома..."

- Хорошо, капрал. Постарайтесь сделать так, чтобы ваш муж знал, что ему угрожает.

- Не беспокойтесь, сэр. По-моему, любой у нас на базе знает, что ему угрожает. Мы все - игроки в вашем крикетном матче! Так ведь, сэр? Хотелось бы мне знать, какой счет будет у вашей команды сегодня в Крефельде? И еще хотелось бы мне знать, вернется ли сегодня мой муж?

- Я полагаю, это все, капрал, - сказал полковник. - Мы сделаем так, чтобы ваше положение соответствовало тому, что вы состоите в браке с Ламбертом.

- Вы вправе сделать выбор между тем, чтобы сделать очень несчастной меня или моего мужа, сэр. Но знайте: один из нас будет вполне удовлетворен.

- Вы уволены со службы, капрал.

Рут медленно встала и с надменной четкостью отдала полковнику честь.

Когда она вышла, он нервно нажал кнопку звонка на столе.

- Мне надо поговорить с командиром секции мисс Холройд. Пусть она зайдет ко мне утром, - сказал он вошедшему секретарю.

Эта невозможная девица ведет себя совершенно недостойно! Позволять себе это как раз в тот момент, когда его храбрые ребята рискуют своей жизнью! Нет, он не может допустить это...

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

В мирное время такая радиолокационная навигационно-бомбардировочная система, как "Обоу", пробыла бы еще месяцев шесть на испытательном стенде плюс четыре или пять месяцев как опытный образец и прошло

бы не меньше года, прежде чем ее пустили бы в серийное производство и стали бы использовать на самолетах.

Но сейчас шла война, поэтому "Обоу" пустили в производство. За ней пришлось тщательно ухаживать почти на

всем пути до цели, но даже и после этого старший лейтенант не удивился, когда за двадцать пять миль до Крефельда станция вдруг отказала начисто.

- Нам ни за что не найти цель при неработающей "Обоу", - сказал он своему наблюдателю и неожиданно развернул "москито" на обратный курс в Англию. Никакого смысла продолжать полет не было.

Отряд из трех самолетов, которым предстояло обозначить цель для самых первых бомбардировщиков, уменьшился теперь до двух: один летел в десяти минутах за Другим.

Летчик и штурман на ведущем самолете сделали все в соответствии с наставлением. Они не имели ни малейшего представления о том, что сопровождавший их "москито" повернул на обратный курс, поскольку у

него вышла из строя радиолокационная установка "Обоу". Не знали они также и о том, что теперь их сопровождал немецкий самолет, поскольку они летели почти в стратосфере. Это был специально оборудованный "Юнкерс-88", на котором в нагнетатели впрыскивалась закись азота, в результате чего технические характеристики самолета повышались почти на двадцать процентов, хотя продолжительность полета таких самолетов измерялась минутами.

- Бомбы на "взрыв", - доложил штурман "москито".

При скорости, с которой они летели, до Крефельда оставалось две минуты пути. В этот момент неожиданно раздался глухой звук удара и штурвал вырвался из рук летчика. Приборную панель погнуло и разорвало, во все стороны полетели стекла от приборов. Когда удары прекратились, двигатели загудели на октаву выше обычного. "Москито" резко накренился, на какой-то момент выровнялся, но затем задрал нос вверх

и начал сваливаться.

Из левого двигателя вырывалось синее пламя, вылетали оранжевые искры. Штурман дернул за

находящуюся рядом с ним ручку аварийного сброса бомб. Самолет трянуло - две двухсотпятидесятифунтовые бомбы, каждая величиной почти с человека, выскочили из бомбового отсека. Штурману показалось, что он возился с ручкой несколько часов, прежде чем бомбовый отсек оставили еще две бомбы. Освобожденный от бомбового груза, самолет стал более послушным. Летчик направил нос машины вниз и отчаянно пытался войти в находившуюся под ним гряды облаков, но до нее еще оставалось около двух тысяч футов. В это время "Юнкерс-88" атаковал снова. Пушечные снаряды пробили деревянный корпус "москито" в нескольких местах, от самолета отделились куски крыльев.

На "юнкерсе" вспыхнули сигналы, предупреждавшие, что горючее на исходе. Он сделал свое дело: закись азота была использована блестяще. "Юнкерс" отвернул от "москито". Немецкий летчик был преисполнен уверенности, что задача им решена.

Над большим районом Рура низко над землей лежал слой холодного, не тревожимого ветром воздуха. Этот холодный неподвижный воздух сковывал дым, выходящий из труб заводов и фабрик, превращая его в подобие серого покрывала. Одна ориентирно-сигнальная бомба, сброшенная с самолета "москито", оснащенного радиолокационной установкой "Обоу", попала в этот слой воздуха недалеко от Рейна в районе Дуйсбурга. Вторая угодила в Рейн. Через полторы минуты на расстоянии девяти миль от первых еще две бомбы упали на юго-восточную окраину Альтгартена.

Взорванная барометрическим давлением на высоте одной тысячи футов, каждая ориентирно-сигнальная бомба на сотни ярдов разбросала вокруг себя бензол, резину и фосфор. Таким образом образовались два огромных ярко-красных шара, хорошо видимые с бомбардировщиков, летящих на высоте четырех миль над землей. На пути бомбардировщиков от побережья к Крефельду волею судьбы суждено было оказаться Альтгартену. Беда, как говорится, не приходит одна. Случилось так, что ориентирно-сигнальные бомбы упали на дальней окраине Альтгартена, в результате чего из-за сползания назад все бомбы накрыли город. Возможно, более опытные экипажи не были бы введены в заблуждение ориентирно-сигнальными бомбами и не стали бы бомбить маленький город, но многие акры теплиц-особой гордости Альтгартена-воспринимались на экранах радиолокационных бомбардировочных прицелов как необыкновенно большие фабричные цехи.

Первый самолет группы обозначения цели, прежде чем сбросить светящиеся бомбы к юго-востоку от ориентирно-сигнальных, сделал два круга, пытаясь с помощью визуального наблюдения убедиться, что он находится над целью. В это время самолет из группы обеспечения - для его экипажа это был первый боевой вылет - сбросил серию фугасных бомб между светящимися и красными ориентирно-сигнальными бомбами, затем второй самолет из той же группы сделал то же самое. Последняя из серии этих бомб подожгла главную газовую магистраль.

"Ланкастер" Томми Картера выполнял роль самолета обозначения цели. Он прибыл на пять минут раньше и сбросил свои четыре зеленые ориентирно-сигнальные бомбы на красные, ярко вспыхнувшие на высоте тысячи футов над Альтгартеном. В течение десяти минут десятки самолетов из групп обозначения цели и обеспечения сбросили светящиеся бомбы на Альтгартен.

Тем временем в час "ч" плюс три минуты третий самолет "москито" с радиолокационной станцией "Обоу" прибыл в назначенное время в район над Крефельдом и обозначил истинную цель четырьмя точно сброшенными красными ориентирно-сигнальными бомбами. Они так и сгорели, не замеченные ни одним летчиком главных сил. К этому моменту все внимание бомбардировщиков было сосредоточено на Альтгартене.

План операции начал осуществляться с ужасной ошибкой.

Сразу же после объявления тревоги бургомистр на служебной машине был доставлен по опустевшим улицам Альтгартена в ратушу. Когда он по ступенькам спускался в хорошо защищенный мешками с песком командно-диспетчерский пост гражданской обороны, его четко, по-военному, поприветствовал дежурный полицейский. В передней поста находились два мотоциклиста из гитлерюгенда, готовых исполнить любое распоряжение, а в самом помещении поста за столами сидели три девушки из женской организации содействия

гражданской обороне.

Бургомистр повесил на крюк шляпу, сел за письменный стол, потрогал своими длинными белыми пальцами три телефонных аппарата, пресс-папье, подушечку для печати и остро очиненные карандаши, будто

хотел убедиться, все ли готово к тому, чтобы отдавать распоряжения. Раньше ему никогда не приходилось действовать во время воздушного налета. В течение многих месяцев он изучал различные инструкции и отчеты,

а сегодня ему предстояло применить на практике все полученные знания. Неожиданно он встал.

Послышался

глухой, но сильный взрыв. Это первый самолет группы обеспечения сбросил серию из шести пятисотфунтовых

фугасных бомб. Если бы в серии было не шесть, а семь бомб, то последняя упала бы на ратушу.

Кто-то неистово задергал дверную ручку, и, когда дверь наконец открылась, в помещении поста вошел подросток из гитлерюгенда. Покрасневший от быстрой езды на велосипеде, он возбужденно доложил:

- Горит магистраль, герр бургомистр!

- Что горит? Какая магистраль?

- Тонкое белое пламя высотой с дом, - ответил подросток.

- Фрейлейн Ева, сообщите об этом начальнику городской службы газоснабжения. Молодой человек, укажите фрейлейн точное место повреждения магистрали. Фрейлейн Берта, подсуньте что-нибудь под дверь,

чтобы она была открытой и не мешала входить в пост. И чтоб завтра же починили эту проклятую ручку! Я прошу уже целую неделю об этом, а до сих пор ничего не сделали.

- Будет исполнено, герр бургомистр, - ответила девушка.

- Соедините меня с начальником городской службы водоснабжения.

Телефонистка несколько раз набрала нужный номер, но никакого ответа не последовало. На вызов никто не отвечал. Начальник службы водоснабжения оказался первой жертвой в Альтгартене. Когда упали

цветные ориентирно-сигнальные бомбы, он побежал, но его засыпало каскадами вещества, горящего зеленым пламенем.

Взрывная волна подбросила его в воздух и вместе с обломками деревьев погребла во вспаханной почве картофельного поля.

Упитанному низкорослому герру Фоссу было пятьдесят девять лет. И хотя макушка его головы сверкала плешью, вьющиеся от природы волосы красиво опускались на уши и даже на шею. Он и его жена любили музыку. У них была большая коллекция пластинок с записями от американского джаза до квартетов Бетховена.

Каждый вечер они слушали музыку, и порой до двух часов ночи. Однако в этот вечер его жена находилась

в

гостях у их единственной дочери и зятя во Фрейбурге.

Анна-Луиза и Ганс постучались в дом Фосса вскоре после того, как их посетил Герд Белль. Старый Фосс разыскал большую связку ключей, открыл дверь в подвал и проводил девушку и мальчика по ступенькам лестницы вниз. Семейное бомбоубежище превратилось в хранилище сокровищ. В нем стояли набитый серебром

застекленный сервант и ящик с множеством стеклянных и фарфоровых изделий, тщательно обернутых газетами.

Между разложенных повсюду старомодных ценных вещей, коробок и ящичков было втиснуто четыре старинных

удобных кресла. Здесь же находился параллельный телефонный аппарат. Фосс зажег керосиновую лампу, хотя

электрическая лампочка светила достаточно ярко и нужды в дополнительном освещении не было.

Анна-Луиза уложила Ганса в кресло. Он был в полусне, и она накрыла его голову одеялом, чтобы

доносившийся извне шум не мешал ему спать.

Двухтысячегрунтовая фугасная бомба упала всего за квартал от дома Фосса. В подвале от ее взрыва взлетела пыль с полок. Старый Фосс закашлялся. Снаружи взрывом этой бомбы снесло большую часть жилого

массива, как будто кто-то отрезал кусок торта. На плоскости среза виднелись оклеенные яркими обоями стены

комнат. Коегде можно было наблюдать странные капризы судьбы: например, уцелевшее на стене зеркало, неповрежденные картины, совершенно нагая и не получившая ни одной царапины горничная в саду.

Взрыв

застал ее спящей на верхнем этаже.

Взрыв этой бомбы заставил герра Фосса подняться из убежища наверх. Взрывом разорвало девятидюймовую чугунную водопроводную трубу, проходившую рядом с его домом. Свинцовые уплотнительные прокладки на стыках трубы треснули, и через них начали бить фонтаны воды. Затем вода стала

стекать в подвал Фосса. Сначала ручеек был не больше, чем из кухонного крана, но через некоторое время трещины в трубе под давлением воды увеличились и ручеек стал шире. Вода залила в подвале весь пол. Осушительного насоса в подвале не было, и Фосс понял, что, если в ближайшее время не придут

ремонтные рабочие и не заделают трещину, весь подвал затопит. Поэтому-то он и поспешил наверх.

Взрывы бомб к этому моменту до самого основания сотрясали дом Фосса. Ганс проснулся и начал тихо всхлипывать. Анна-Луиза подошла к лестнице наверх и позвала герра Фосса, но ей никто не ответил.

Его безжизненное тело лежало в сточной канаве в нескольких ярдах от дома.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Род Мунро вел свое происхождение от скандинавов. Многие из его рода на острове Никьюиш были свирепыми богобоязненными воителями. Начиная с 1704 года в английской армии всегда был один или несколько

человек из семьи Мунро. Сейчас Джон и его младший брат Йэн служили в королевских военно-воздушных силах. "На этом, пожалуй, может кончиться фамильная военная традиция", - думал Джон Мунро.

Никогда раньше его не охватывало такое предчувствие близости смерти. Сегодня был его последний вылет

на бомбардировку, и он старался внушить себе, что все это и влияет на его настроение. Тем не менее накануне

вылета вечером он выписал чеки своему портному, дантисту и для оплаты котлового довольствия. Затем напи-

сал письмо жене и ребенку, положил его на подушку и еще раз просмотрел свое завещание. Все было сделано.

Слегка отклонив руль направления, он подправил курс самолета. Мунро спокойно смотрел вниз на медленно меняющийся темный

ландшафт под самолетом. Хотя для молодых летчиков лучи прожекторов и огненные вспышки стреляющих

зенитных орудий являлись сбивающим их с толку опасным лабиринтом, для такого ветерана, как Мунро, вспышки зенитных орудий были не чем иным, как зловещей серией навигационных ориентиров. Впереди

по

курсу, там, где должна была находиться цель, не было никаких признаков прожекторов или зенитного огня.

- Джок, у вас есть картинка на экране радиолокатора? - спросил он штурмана.

- Да, и не такая уж плохая.

- Вы видите реку Маас?

- Да, сэр. Лофти, стрелок на самолете Мунро, проводил поиск целей с помощью радиолокационной станции, не забывая осмат-

ривать время от времени пространство над собой визуально. Неожиданно он заметил тень. Небольшое темное пятно с пугающей медлительностью отделилось от ночного неба и устремилось к ним, как бы

намереваясь схватить их в свои черные объятия. Человеку в кислородной маске кричать нельзя, но, не зная этого, стрелок закричал. Он почти задохнулся, хватая воздух с

такой

силой, что заняла грудь. Включив затем переговорное устройство, чтобы доложить о случившемся Мунро, он с

большим трудом выговорил:

- "Ланкастер" чуть не содрал с меня волосы, сэр.

- Направление?-спросил Мунро.

- Тот же курс, что и у нас, сэр, но только на несколько футов выше. Я просто удивляюсь, как мы не врезались в него.

- Пока бомбардировщики летят одним курсом, - сказал Мунро довольным тоном. Джок улыбнулся. Это было характерно для Мунро: даже в момент, когда они только что избежали столкновения в воздухе, его больше

беспокоил вопрос о том, выдерживают ли самолеты курс.

Никто на борту летевшего выше "ланкастера" не заметил, что самолет Мунро находился совсем близко от их самолета. Единственный член экипажа, который мог бы увидеть это, был Джамми Джайлз, бомбардир, но он

в этот момент не лежал в носу и не смотрел вниз, а сидел на месте летчика и сжимал рукоятки управления. Он

никогда до этого не управлял самолетом в боевом полете. Джамми отказывался брать на себя эту функцию и

сейчас, но летчик, старший лейтенант канадских ВВС Питерсон, известный своим друзьям как Родди, заявил,

что это не просьба, а приказ. Джамми был старше Родди по званию, но Родди был командиром экипажа, и его

приказы следовало выполнять.

- Хорошо, пьяная канадская свинья, - сказал Джамми, - только знай: я сейчас должен лежать на пузе и наблюдать.

Заменить летчика на "ланкастере" оказалось не так-то просто, как они оба думали. Чья-то нога в тяжелом ботинке ударила по штурвальной колонке, и в течение какого-то времени на педали управления рулем направления не было ничьей ноги: эти два обстоятельства привели к тому, что самолет занял в воздухе какое-то

уму непостижимое положение.

Сначала они пробовали шутить. Джамми сочувствовал Родди, у которого начался понос.

- Родди, а ты знаешь, у кого коэффициент умственного развития равен одной сотне?

- Нет. У кого?

- У десяти канадцев! Ну ладно, выходи из этого богоугодного заведения, садись на свое место и веди самолет.

- Я больной.

- Канадский шут!

- Английский дурак!

- Я говорю серьезно! Давай иди!

-Я серьезно болен. На цель самолет поведешь ты, Джамми.

- А кто будет лежать на пузе? Ты, что ли, трансатлантический шут?

- Пусть бомбы сбросит Эл. У него это всегда получалось лучше, чем у тебя.

Джамми вздохнул:

- Ну ладно. Элун, брось этот радиолокатор, иди к бомбовому прицелу, слышишь?

- Есть, сэр, - ответил Элун. Он собрал в пачку лежавшие под лампочкой карты и направился с ними вперед. Когда он пробирался мимо сиденья летчика, Джамми протянул руку и ободряюще похлопал его по спине.

- Не забудь поставить бомбы на "взрыв", Эл.

- Хорошо, сэр. В этот момент Джамми увидел со своего места необыкновенно сильный, как ему показалось, луч прожектора,

который двигался по небу прямо на них. Луч прожектора казался синим-синим, каким, как ему говорили, он и

должен был быть. Джамми торопливо нажал на педали руля направления.

Гиммель тоже увидел этот луч прожектора. Когда он двигался по гряде облаков, они светились, как покрытое инеем стекло. Хорошо видимый на фоне светлых облаков, как таракан на белой скатерти, двигался

силуэт самолета.

- Сообщение: литавры, литавры! - произнес Гиммель в микрофон. Он ввел "юнкерс" в крутое пикирование

и развернул его на тот же курс, которым следовал противник. Однако он шел слишком быстро и поэтому был

вынужден направить нос своего самолета вверх. Этот маневр на какой-то момент поднимет его глаза выше

обнаруженного противника, но так лучше, чем показать ему выхлопное пламя своей машины.

- Уходи влево! - крикнул Лофти Ли на бомбардировщике, пойманном лучом прожектора, и открыл огонь, а Мунро резко отжал штурвал от себя и поставил самолет на крыло. Лофти тщетно пытался удержать ночной истребитель противника под прицелом своих пулеметов, но это оказалось невозможным, так как бомбардировщик в это время находился в глубоком вираже. Мунро снизил горизонтальную скорость (а следовательно, и выхлопное пламя) до минимума и испытал приятное удовлетворение, увидев, что "юнкерс" на

большой скорости промчался над бомбардировщиком.

- Никому не стрелять! - крикнул он. - "Юнкерс" потерял нас.

- Затаив дыхание, Мунро наблюдал, как истребитель впереди тщетно ищет упущенную цель. - Отличная работа,

Лофти! - крикнул Мунро своему верхнему стрелку, который предупредил их о приближении истребителя Гиммеля. - Всем внимательно осматриваться. В такую ночь, как эта, они поднимут в воздух все свои истребители. - Мунро начал осторожно поднимать нос самолета, чтобы снова выйти на заданную для бомбометания высоту.

- Радиолокатор действует, сэр. Я буду сбрасывать бомбы на пожар в центре, - сказал бомбардир.

- О'кей, - ответил Мунро, - все в ваших руках.

- Левее, левее! Еще немного. Хорошо. Так держать! Левее, левее.

Пожары внизу напоминали маленьких пушистых зверушек. И они, действительно по-звериному, то вытягивались, то сжимались. Кое-где можно было различить крохотные яркие вспышки десятков зажигательных

бомб. Каждый бомбардировщик сбрасывал фотобомбу, и они освещали цель яркой, в семь миллионов свечей,

вспышкой. Такие бомбы сбрасывались каждые три-четыре секунды. В момент одной из таких вспышек Мунро

насчитал вблизи своего бомбардировщика еще восемь "ланкастеров", и это так испугало его, что он отвел взгляд

на приборную панель своего самолета.

- Левее, левее! Так держать!

Ошибочное восприятие этих команд было исключено, ибо слово "левее" всегда произносилось дважды.

Добавочные слова "Так держать!" без всякой паузы бомбардир произносил тогда, когда хотел, чтобы Мунро

только слегка повернул влево. Начался интенсивный зенитный огонь. Небольшие очаги пожара ползли по нитям

прицела мучительно медленно: горящая школа, горящий газопровод, горящий альтгартенский рынок.

Бомбардир ждал, когда к перекрестью подойдет самый крупный пожар - горящие здания в районе больницы.

- Левее, левее! Так держать! - Граница очага напозла на перекрестье. - Бомбы сброшены!

Бомбосбрасыватель был установлен на залповое бомбометание. Весь бомбовый груз был сброшен одновременно, и "ланкастер" подбросило вверх. Мунро поднял нос самолета. Еще тридцать секунд они летели

по горизонтальной прямой, ожидая, когда взорвется фотобомба и аэрофотоаппарат зафиксирует, с какой точностью были сброшены бомбы.

- О'кей, - сказал Мунро и начал медленно разворачиваться. - Летим домой.

Всего в ста ярдах позади "ланкастера" Мунро шел бомбардировщик, управляемый Джамми Джайлзом.

Джамми прилагал все свое умение к тому, чтобы как можно аккуратнее выполнять команды бомбардира, но так

уж получалось, что его довороты оказывались все время чересчур большими.

- Левее, левее! - говорил Элун. - Правее. Слишком много, левее, левее. Так держать. Нет, слитком поздно.

Правее. Так держать. Так, так, хорошо. Держи так!

Желтые огни от ориентирно-сигнальных бомб проскользнули намного левее от перекрестья прицела.

Самолет прошел над церковью Либефрау. Штурвал дернулся во вспотевших руках Джамми.

- Бомбы сброшены, Джамми. Боюсь только, не очень точно, - доложил Элун.

- Давай сматываться отсюда, - ответил Джамми и начал разворот, увеличив с помощью бортингенера скорость полета.
- Подожди, пока взорвется фотобомба! - крикнул ему Родди, когда самолет начал крениться.
- Вот дьявол! - проворчал Джамми. - Я и забыл. Ну ладна, черт с ней. Дай мне курс домой, Элун.
- Ложись на двести восемьдесят четыре градуса, Джамми, и держись на нем точно четыре минуты. . - Закрой створки бомболюка, ты, болван!
- А я и забыл о них.
- А вот сделать снимок ты действительно забыл, - насмешливо сказал Родди.
- Слушай-ка, ты, бездельник! Неужели ты думаешь, что я специально повернул, чтобы не делать снимка?
- Английский ублюдук!
- А ты дезертир.
- Ты выпил перед вылетом, Джамми? - спросил Родди. . Несколько секунд Джамми не отвечал.
- Всего пару рюмок, - виновато признался наконец Джамми.

И тогда сразу всем стало ясно, почему обычно не очень-то храбрый Джамми проявил такое веселое безразличие к опасности.

Сидящий на месте летчика Джамми сначала очень смутился, а потом подумал: "Пусть уж они лучше знают".

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

В ратуше телефоны бургомистра звонили непрерывно: "Час тридцать девять. Флораштрассе. Фугасные. Пятнадцать раненых, двое убитых. Подземные магистрали не повреждены. Улица завалена".

Телефонистка

прикусила губу, когда добавила эту телефонограмму к множеству других, нанизанных на канцелярскую наколку. Телефонистка жила на Флораштрассе. "Час сорок одна. Больница Святого Антония. Фугасные. Число

пострадавших не известно. Подземные магистрали не повреждены. Улица завалена".

Бомбы с самолета Мунро попали прямо на парадные ступеньки неоклассического фасада больницы Святого Антония. Рухнули стройные колонны и большой фронтон, за ними некоторые балочные фермы. В передней части здания, к счастью, находились главным образом служебные кабинеты, главная лестница, лифт,

справочное бюро и склады. Сильно пострадал один из операционных залов. Швейцару оторвало ногу, дежурный

врач получил сильные ожоги паром из поврежденной системы центрального отопления. Двух операционных

сестер пришлось выводить из шокового состояния, а также перевязывать им много- численные легкие ранения.

Четверо больных получили порезы от разлетевшихся осколков стекол. После взрыва бомб все считали чудом,

что причиненный ущерб пока невелик. Однако налет, по существу, только начался.

Наклонных скатов и большого, предназначенного для кроватей лифта больше не существовало, так что эвакуация людей с верхних этажей стала невозможной. Вспышки взрывов бомб и зенитных снарядов ярко освещали лица перепуганных, попавших в ловушку больных в палатах.

Узнав, что в месте соединения водопроводных труб в районе Постгассе упали мощные двухтысячечуфунтовые бомбы, бургомистр отдал категорическое распоряжение бросить все силы на ремонт труб.

Этими работами следовало заняться в первую очередь. Инженеры и техники прибыли к месту повреждения

буквально через четыре минуты. Они поддерживали слабый поток воды в трубах до того момента, когда бомба,

упавшая на площадь Либеффрау, сильно повредила еще одно соединение труб. Несмотря на это, инженеры продолжали ремонт. Они работали в глубокой яме по четыре человека поочередно: прорыли траншею под

треснувшей трубой, подвели под нее подпорки, подняли ее до нормального положения, а затем обмотали клейкой прорезиненной лентой. Поскольку во время работ из трубы все время шла вода, в яме собралось много

жидкой грязи. Работавший здесь Герд Белль увяз в грязи до подмышек, и только благодаря расторопности и

находчивости оператора стоявшей рядом на грузовике лебедки его удалось вытащить.

Вскоре в ратушу прибыл подросток из гитлерюгенда и доложил, что повреждение главной водопроводной магистрали ликвидировано. Теперь бургомистру предстояло принять решение, к которому он никогда не готовился. Ров, снабжавший город водой, проходил мимо водоочистительной станции, затем поворачивал

в обратном направлении и шел через старый город. Если преднамеренно направить основной поток воды из

городской водопроводной системы в ров, то все, кто борется сейчас с пожарами в самом центре старого города,

где огонь бушевал с наибольшей силой, получат воду.

Бургомистр посмотрел на план города. Пожары охватили церковь Либефрау, дома возле газового завода, школу, Нерингштрассе, старый рынок, новые здания около больницы. Большинство этих объектов только выиграет от направления основного потока воды в ров.

Если же принять другое решение и направить основной поток воды в городскую водопроводную систему, воду получит та часть города, где расположены больничные здания. Вместе с тем если направить основной

поток воды в городские водопроводные трубы, то придется немедленно приказать всю пищевую воду перед

использованием обязательно кипятить. Это, конечно, создаст большие затруднения для больницы, кухонь и

вообще для каждого человека в Альтгартене. Бургомистр провел пальцами вдоль направления основного потока

воды. Однако если пламя пожара перескочит на старые здания, тогда больница Святого Антония окажется в

огне, а ведь она забита людьми, которым трудно передвигаться.

Электрический ток пока имелся во всех наиболее важных районах города. Пока в главных линиях электропередачи будет ток, будет работать и телефон, а значит, будет шанс, что город выживет.

Бургомистр повернулся к телефонистке.

- Пусть основной поток воды в городскую водопроводную систему! - приказал он. - Откачивать с водоочистительной станции, чтобы поддерживать необходимое давление.

На водоочистительной станции находились инженеры, и бургомистр был уверен, что они справятся.

В течение почти целой минуты пожарники испытывали удовлетворение от сильно бьющей струи воды, которая долетала до самых дальних очагов огня в здании учебного центра Красного Креста. Пожарники и полицейские успели даже несколько раз прокричать негромкое "ура". Однако радость быстро сменилась разочарованием. Бургомистр не знал, что двухтысячегунтовая бомба, упавшая рядом с домом Фосса, вызвала

сотрясение водопроводных магистралей на протяжении всей Мёнхенштрассе. Водопроводные трубы под землей

дали течь в семи местах - там, где они соединялись друг с другом при помощи уплотнительных колец. Под напором направленного в водопровод основного водного потока эти трещины теперь увеличились, и драгоценная альтгартенская вода, попадая в канализационную магистраль, уходила, не принося никакой пользы.

Пожарные шланги сначала обмякли, а затем и совсем лишились воды.

Когда напор воды в трубах, несмотря на дополнительный источник их питания, неотвратимо ослабевал, а пожарник бежал к насосам, чтобы остановить их, подростки уже наклеивали на фонарные столбы предостережения: гражданам во избежание заболевания тифом предписывалось кипятить водопроводную воду.

К этому времени на потеплевших улицах города впервые появился сладковатый трупный запах, исходивший от недавно убитых людей. Мало кто из альтгартенских жителей понимал это, а некоторые даже

думали, что так пахнет, вероятно, какой-нибудь новый дезинфекционный химикат. Только бывалые солдаты

мрачно поглядывали друг на друга, готовя к использованию хлорную известь.

Альтгартен теперь представлял собой внушающее благоговейный страх зрелище, которое летчики могли видеть, находясь за сотню миль от города. С большой высоты все пожары в городе казались вытянутыми неконтрастными красными каплями. Они казались такими из-за высокой скорости бомбардировщиков, сбрасывающих сотни кассет с зажигательными бомбами, которые вспыхивали и горели, пока все вокруг не

воспламенялось. В один из моментов сверху можно было увидеть огромную розовато-лиловую вспышку: это

накоротко замкнулась линия электропередачи.

Настала очередь "ланкастера" капитана Суита.

- Левее, левее! Так держать!

Суит сунул голову в прозрачный блистер, чтобы увидеть землю под самолетом.

- Я хочу положить их вон на то темное пятно на западной окраине, - сказал он своему бомбардиру. - Давай встряхнем их пожарников. Знаешь, как на учении...

- Хорошо, сэр,- торопливо ответил Пип Спик.- Помоему, мы еще успеем сбросить туда. Правильно?

- Подожди, не торопись. Зайдем снова. К чему весь этот длинный путь? Давай уж отбомбимся по всем правилам. Ясно?

Суит начал крутой разворот.

- И чтобы никакого нытья и жалоб! - продолжал он после некоторой паузы. - Надо выполнить задачу как следует, тогда можно и домой. И не придется прилетать сюда еще раз. - Суит продолжал медленно разворачивать самолет над сельской местностью к югу от пожарищ.

- Литавры! Литавры! - сообщил Гиммель. Он занял очень хорошую позицию. Офицер на командно-диспетчерском пункте, внимательно наблюдая за самолетом Суита, разгадал, что тот делает повторный заход

для бомбардировку.

Стрелок в хвостовой турели на самолете Суита успел израсходовать только сто сорок шесть патронов до того, как подача энергии на его турель прекратилась. И сам стрелок стал первой жертвой на самолете.

Посланные Гиммелем пушечные снаряды попали также во внешний левый двигатель, и его жидкий хладагент воспламенился. Суит резко двинул рычаг управления двигателем вперед, затем рванул его до отказа назад.

- Перекрой подачу горючего к левому внешнему, - приказал он Мерфи.

- Готово, - доложил Мерфи.

Суит отдал штурвал вперед, чтобы не снижалась скорость полета, но самолет никак не отреагировал. Суит нажал на кнопку флюгирования и закрыл радиатор. Они подождали, когда винт перестанет вращаться.

Свет от

воспламенившегося двигателя позволял хорошо видеть винт.

Элероны были во многих местах повреждены, из-за чего самолет накренился градусов на пятнадцать, а погнутый руль направления разворачивал его влево. Суит напряженно манипулировал рулями. Все это время

самолет ужасно вибрировал, угрожая развалиться на части. Суит поманипулировал каждым из рычагов управления двигателем и убедился, что вибрация ослабевает в зависимости от изменения режима работы правого внешнего двигателя.

- Перекрой подачу горючего к правому внешнему, - приказал он.

- Кран правого внешнего закрыт, - доложил Мерфи.

- Лопаста винта не стали во флюгерное положение, и я не могу выровнять крен.

- У нас вытекает горючее из левых баков, и это нарушает устойчивость, - сказал Мерфи. - Сломанная лопасть вызывает вибрацию.

Оба они одновременно перевели взгляд на пламя. Пока горела только струя бензина, вытекающего из поврежденного бака. Суит нажал на кнопку, приводящую в действие огнетушители, но это не дало

видимого

эффекта.

Суит всем своим весом навалился на штурвал, и нос самолета медленно пошел вниз.

- Не пикируй, командир, - предостерег Мерфи.

Но это не остановило Суита. Слишком много он слышал хвастливых рассказов летчиков о том, как они сбивали пламя с двигателя пикированием. Однако многие летчики убедились в обратном: увеличение скорости

лишь раздувало пламя, в результате чего начинал гореть сам металл. К сожалению, эти летчики не возвращались, чтобы поделиться своим опытом.

Мики Мерфи со страхом и тревогой смотрел на пылающий двигатель. Ему приходилось видеть горящий сплав, и теперь он пристально наблюдал за белым, ослепительно ярким свечением, предвещавшим такое загорание. Носком ботинка Мерфи предусмотрительно придвинул поближе к себе парашют.

Это было крутое пикирование: стрелка указателя скорости резко подскочила до трехсот девяноста миль в

час. Суит покрутил штурвальчик триммера высоты назад и потянул на себя штурвал, но тот поддался лишь после того, как Суиту помог своим весом Мерфи. Самолет медленно вышел из пикирования, а затем даже немного набрал высоту. Стрелка указателя скорости начала возвращаться назад, дошла до опасно малой цифры -

сто миль в час, а потом заколебалась между цифрами восемьдесят и сто двадцать.

Суиту удалось перевести самолет в горизонтальный полет, но на меньшей скорости вибрация усилилась.

Обтекатель двигателя накалился до матово-красного цвета. Сваренный сплавом шов на одном из зажимов разошелся, и обтекатель под действием спутной струи начал угрожающе дрожать и подсакивать. При каждом

таким подскоке под обтекателем обнаруживалось ярко-желтое раскаленное горнило. В трещине развился сверхскоростной поток воздуха, который раздувал пламя добела, пока не разошелся второй сварной шов зажима. Какие-то доли секунды обтекатель трепетал над горящим двигателем, словно светящиеся красные

крылья хищной птицы, потом загнулся назад, три раза ударился о переднюю кромку крыла и, оторвавшись,

слегка подскочил вверх, а затем плавно отлетел прочь, пройдя над хвостовым оперением.

- Кусок крыла! Отлетел кусок крыла! Он только что пролетел мимо меня! - крикнул радист.

- Спокойно, спокойно! - властно приказал Суит. - Самолет управляем. Обтекатели - это твоя забота, инженер, - обратился он к Мерфи. - Ты осматривал этот перед взлетом?

Мерфи бросил на него удивленный взгляд. Кабина летчика была залита ярко-желтым светом, и Мерфи хорошо видел блестящее от пота лицо Суита, который напряженно манипулировал рукоятками управления.

- Обтекатель был в полном порядке, сэр, - ответил Мерфи, - к тому же тогда не горел левый внешний двигатель.

- Подавись ты своим дьявольским сарказмом! - рявкнул Суит. Он обеими ногами давил на педали управления рулем направления, пытаясь предотвратить рыскание самолета.

- Пламя на задней кромке крыла весьма опасно, мистер Суит! - взволнованно сказал Мерфи. - Могут взорваться топливные баки.

- Наука утверждает, что это невозможно, инженер, - ответил Суит, улыбнувшись. - Даже в пустом баке топливно-воздушная смесь слишком богатая, чтобы воспламениться.

- Мне случалось видеть, как она воспламенялась, - настойчиво возразил Мерфи.

Суит посмотрел через плечо на пламя и успокаивающе кивнул Мерфи. Самолет пока подчинялся ему, и, хотя пламя было действительно угрожающим, оно, по крайней мере, не увеличивалось.

- Сейчас будем бомбить, - сказал Суит. - Открыть створки бомболюка!

- Ты, сумасшедший идиот! - крикнул стрелок верхней средней турели Кит Пеппер. - Разве ты еще не сбросил эти проклятые яйца?

- Бомбы сброшены, - доложил Спик, и самолет резко тряхнуло в подтверждение его слов.

- Эй ты, дурак, - возмутился Суит, - кто приказал тебе сбрасывать?

Мерфи наблюдал, как остановился поставленный во флюгерное положение винт.

- Зажигание левого внешнего выключено, сэр.

- Этот вылет тебе засчитан не будет, - официальным тоном заявил бомбардиру Суит. - Сбрасывание бомб не по цели равнозначно невыполнению полета.

- Я сбросил бомбы по цели, - проговорил бомбардир, извиняющимся тоном.

- Лжец! - рявкнул Суит. - До цели еще несколько миль. - Бомбардир молчал. - Это называется саботажем, и я привлеку тебя и ответственности, когда мы вернемся.

- Если мы действительно вернемся, - мрачно возразил Спик. - Привлекайте, я не боюсь.

- Закрывать створки бомболюка! - приказал Суит. - Штурман, дай мне курс на Уорли-Фен. Раз вы все наложили в штаны и перепугались, вы не можете действовать как полагается! Мы летим домой.

- Курс двести восемьдесят три, сэр, - сказал штурман.

- Компас не работает, сэр, - доложил Мики Мерфи.

- Тогда я поведу по звездам, - ответил Суит и наклонился вперед, чтобы лучше увидеть бомбардира. - Что это ты там делаешь, черт тебя возьми? - с угрозой в голосе спросил он.

- Хочу выброситься, - спокойно ответил Спик, изо всех сил стараясь открыть носовой аварийный люк. -

Пусть они награждают "Крестом Виктории" летчиков, которые продолжают полет на горящем "ланкастере", но

не бомбардируют. Бомбардируют они все равно не наградят.

- Ты предстанешь перед военным судом!

- А ты будешь убит, - сказал Спик. Наконец он открыл люк и, словно опасаясь, что Суит может подняться со своего места и схватить его, нырнул в него головой вперед. Когда его ноги стукнулись о кромку люка, раздался глухой удар. Один летный ботинок Спика остался в носу самолета.

В хвостовой части "ланкастера" радист и Кит Пеппер тщетно пытались открыть входную дверь. Один из пушечных снарядов Гиммеля погнул замок. Пришлось несколько раз стукнуть по нему пожарным топориком.

Дверь слегка подалась. Суит, почувствовав перемещение веса двух человек в хвостовую часть, покрутил штурвальчик балансирующего триммера и выровнял самолет. Он разгадал их намерение.

- Никому не покидать самолет. Это приказ! - властно произнес он.

- О'кей, командир, - отозвался Кит Пеппер, не прекращая, однако, попыток открыть дверь в фюзеляже. Кит жестами дал понять радисту, что хочет пролезть через узкую щель слегка приоткрытой погнутой двери. Тот кивнул ему в знак согласия.

- Мы долетим, ребята, - проговорил Суит. Из левого внешнего двигателя в этот момент вылетели искры. - Я держу самолет на курсе двести восемьдесят три.

- Компас не работает! - возмущенно крикнул Мерфи. - Мы идем по кругу. Слева опять появляется цель. Рули деформированы. Самолет горит. Вы что, не видите, что ли?

Высота полета теперь уменьшилась, и пожары в Альтгартене стали казаться еще больше и интенсивнее. Большинство горящих объектов были лимонного и светло-красного цвета, но вот начали появляться и темно-

красные пятна - видимо, там, где огонь совершенно вышел из-под контроля.

Гиммель развернулся еще для одного захода. Разрывы пушечных снарядов отзывались внутри металлического фюзеляжа "ланкастера", как удары крикетного мяча по жестяной коробке из-под галет. Мерфи

слышал, как кто-то неистово завопил. В воздухе вокруг них засвистели металлические осколки. Он постучал по

указателям температуры масла - восемьдесят девять градусов. Не так уж плохо! Давление - семьдесят фунтов на

квадратный дюйм. Это и вовсе нормально. Последовало еще несколько ударов от разрыва снарядов.

Мерфи чув-

ствовал, как каждый из них сотрясал металлический пол в самолете. Он понимал, что положение безнадежное,

но, как и всегда, цепенел от страха при одной мысли о прыжке с парашютом.

Когда Гиммель вновь заходил на цель - так же устойчиво, как грузовой состав по рельсам, - он наблюдал, как "ланкастер" становился все крупнее и крупнее в его пушечном прицеле. Бах! Бах! Бах! В течение четырех

секунд из его пушек вылетело сорок семь фунтов стали и бризантного взрывчатого вещества, и большая их часть попала в "ланкастер" Суита.

Находившиеся у выходного люка бортрадист и стрелок видели, как "юнкерс" Гиммеля сближался с "ланкастером" во время третьего захода сзади слева. Кит включил микрофон, чтобы предостеречь Суита, но в

следующее мгновение издал пронзительный вопль. Снаряд ударил ему в живот и разметал в стороны ноги и

верхнюю часть тела. Кровью забрызгало все внутренние стены фюзеляжа до самого заднего лонжерона.

Бортрадист, который находился рядом с Китом, на мгновение пришел в себя, лишь когда уже висел в воздухе

под куполом раскрывшегося парашюта. Он чувствовал озноб, и ему хотелось спать. Его бедренная артерия была

перебита, и он терял кровь с такой скоростью, с какой бешено бьющееся сердце способно было выталкивать ее в

ночной воздух. Он умер на высоте четыре тысячи футов над Альтгартеном.

"Ланкастер" круто накренился. До этого момента штурман Билли Пэйс не испытывал страха, но, оставшись живым после третьего захода Гиммеля, он отчаянно захотел почувствовать под ногами твердую почву, какуюнибудь крепко сколоченную ровную и нешатаящуюся платформу. Пэйс предпринял попытку выбраться

из самолета через аварийный люк в потолке над главным лонжероном. Он прикрепил парашют к металлическим

кольцам подвесной системы, но не смог пролезть через маленький люк. Пэйс терпеливо втащил плечи назад в самолет, отстегнул парашют и начал выбираться через люк, держа парашют в руке. Воздушный поток ударил его, как кувалдой. Хлестанув по лицу и груди со скоростью двести тридцать миль в час, он намертво прижал ноги Пэйса к кромке люка. Дюйм за дюймом вытягивал Пэйс свое тело из люка, подставляя его бешеной силе потока. Удары воздуха мешали нормальному дыханию. Неожиданно воздушный поток преодолел силу его рук и припечатал верхнюю часть тела к фюзеляжу, перекрутив при этом ноги в коленях. Затем поток выдернул его из люка.

Пламя на левом внешнем двигателе позволяло видеть все, как днем. Пэйс хотел уцепиться за что-нибудь рукой, но ничего не нашел. Спутная струя потащила его по шероховатой поверхности и метнула вверх. Парашют он крепко держал рукой.

Пэйс падал, все более и более отчаиваясь. Он видел, как над ним прошел самолет, потом появилась луна. Хвостовое колесо пронеслось буквально в ярде от его лица, и оттого, что в какое-то мгновение его скорость была почти такой же, как и скорость самолета, Пэйсу показалось, что тот движется очень медленно. Пэйс по- нималь, что парашют не спасет, если его не пристегнуть к подвесной системе, и вдруг расплакался от отчаяния и гнева, так как никак не мог нащупать металлические кольца. Он уже находился на высоте четыре тысячи пятьсот футов. Неожиданно ему в голову пришла мысль, что он может посмотреть вниз на руки и тогда ему будет легче найти кольца. Он без особого труда пристегнул один карабин, но с другим это ему не удавалось.

Тогда он решил, что будет держать второй строп рукой, и дернул за вытяжной трос парашюта, надеясь, что опустится на одном кольце. Его сильно рвануло в сторону, и он повис на одном стропе. Купол открылся с громким хлопком, и Билли Пэйс целым и невредимым начал медленно спускаться в прозрачном воздухе над Альтгартеном.

Теперь живыми в самолете остались только Суит и Мерфи.

- Выбрасывайся! - приказал Суит. Мики Мерфи кивнул.

- Иди к носовому люку и жди моей команды, - добавил Суит. Мерфи взял кислородный баллон и стал пробираться вперед. Он

схватился за нижнюю кромку приборной панели летчика и нырнул под нее ногами вперед. Сначала он встал на

ступеньку, а потом, широко раздвинув ноги, - у открытого люка. Включившись в переговорное устройство, Мерфи доложил:

- Готов прыгать, сэр.

Суит проворчал что-то себе под нос.

- А вы не собираетесь прыгать, сэр? - спросил Мерфи.

- Я поднял самолет, я его и посажу.

- Одному вам не сделать этого. Суит усмехнулся:

- Ты можешь пригодиться, пожалуй. Мерфи боялся прыгать через люк. И хотя самолет горел, но он был почти домом для не-

го. Мерфи повернулся и подошел к ступеньке. Воздушный поток подтолкнул его к месту бортинженера. Мерфи

ухватился рукой за металлическую балку.

- Пользуйтесь ручной балансировкой, - посоветовал он.

- Я как раз собирался это сделать, - сказал Суит.

- И увеличьте число оборотов. Топливо экономить незачем. Нас осталось только двое.

- А как насчет ночного истребителя?-нервно спросил Суит.

- Э-э, я и забыл о нем,-сухо ответил Мерфи.- Да, пожалуй, нас трое.

Гиммель подошел к ним совсем близко, со страхом и зачарованностью наблюдая за пылающим бомбардировщиком.

- Бедные ребята, - заметил наблюдатель.
- Они сжигают наши города и заживо хоронят под обломками наших людей, - возразил Гиммель. Он выбрал позицию для coup de grace. (последний удар - франц.) В этот момент возле правого крыла "ланкастера"

взорвался зенитный снаряд. Оба самолета сильно тряхануло.

- Зенитные снаряды прикончат его, - сказал наблюдатель.

- Они могут прикончить и нас, - проворчал Гиммель, но пока не открывал огня по пылающему "ланкастеру". Гиммель убрал газ и неожиданно увидел яркие сине-желтые вспышки из выхлопных патрубков

своего двигателя.

Даже еще не взглянув на прибор, Гиммель понял, что число оборотов падает. Проклятый двигатель! Если бы механик сменил его, вместо того чтобы в целях экономии средств подсовывать ему новый комплект поршневых колец, то он наверняка сбил бы еще одного англичанина.

- Затяни потуже ремни, - сказал он наблюдателю и резко наклонил нос "юнкера" вниз, ибо теперь нужно было выжать из него максимально возможную скорость, чтобы успеть посадить истребитель на землю.

Горящий

"ланкастер" над ними медленно выровнялся и вновь летел по прямой.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

- Налет кончился, - сказала телефонистка бургомистру. - Бомбардировщики улетели. - Она записала в журнал телефонограмму с наблюдательного поста на шоссе Фенло. Сообщения, поступившие от других наблюдателей, также подтверждали окончание налета.

Не совсем еще веря всем этим сообщениям, бургомистр медленно, как-то сразу, за одну ночь, состарившись, поднимался по ступенькам лестницы командно-диспетчерского поста гражданской обороны. За

ним поднялись и все остальные. Когда Они миновали обложенный мешками с песком вход в убежище, ослепительное зарево от пожаров заставило их прищуриться. Слабый ветерок медленно разгонял разогретый

пожарами воздух по всей равнинной местности Альтгартена и его окрестностей. Чем больше кислорода поглощали пожары в нижних слоях атмосферы, тем выше поднималось их пламя.

Захватывало дух от вида полыхающего газопровода. Наиболее интенсивное и высокое пламя стояло над зданием учебного центра медицинских сестер. Людей из него, к счастью, удалось эвакуировать без жертв. В

воздухе ощущался жар от полыхающих зданий, слышался гул бушующего огня, но рев моторов над Альтгартеном уже прекратился. Неожиданно из района церкви Либсфрау донесся оглушительный треск и грохот. В небо взвился гигантский огненный язык, на крыши соседних домов брызнули раскаленные добела искры.

Пожарники знали, что это произойдет с секунды на секунду. Неполная кассета зажигательных бомб сделала свое дело. Расплавленный свинец капал в течение нескольких минут. Люди на крыше церкви, увидев,

что стропильные фермы начали прогибаться, поспешно спустились на землю. Вскоре после этого с оглушительным гулом рухнули колокола. Каменная кладка наружных стен под аккомпанемент каких-то невероятно гневных стонов начала вздуваться, а затем лопалась с оглушительным треском. Корабль церкви был

охвачен пламенем, а ее огромные окна из цветного стекла никогда раньше не светились так красиво, как в эти

предсмертные минуты. Контрфорс рухнул с ужасным грохотом. Каменные стены продолжали вспухать и трескаться и наконец гулко рухнули. Лишенная опоры крыша скрылась в бушующем пламени внутри церкви.

Искры взметнулись на высоту тысячи футов, а окна вспыхнули кроваво-красным светом.

Запрестольный образ пятнадцатого века, резная кафедра проповедника и искусно выполненные маслом изображения великомучениц, якобы принадлежавшие кисти самого ван дер Вейдена, - все это кануло в вечность. Отчаявшиеся что-либо спасти пожарные переключились на другой горящий объект.

Когда удалились бомбардировщики, в Альтгартене наступила относительная тишина, о которой жители уже и не мечтали. По узким улицам, как по трубам, гулял теплый ветер, раздувая пожары и унося крики раненых, умирающих и заваленных обломками людей. Большая часть города, к счастью, не пострадала.

За двадцать восемь минут на Альтгартен сбросили свой смертоносный груз двести шестьдесят

бомбардировщиков. Сто пятьдесят шесть самолетов сбросили бомбы в Пределах трехмильной зоны от точки

прицеливания. И только восемь самолетов оставили Альтгартен в покое на своем пути к Крефельду. Теперь, когда бомбардировщики улетели, тишина странным образом угнетала. И когда бургомистр наконец заговорил, его голос показался без надобности громким.

- Слава богу! - произнес он.

Окружающие бросили на него удивленный взгляд: эти слова отнюдь не выражали национал-социалистских

чувств. Бургомистру это, видимо, было совершенно безразлично.

- Слава богу! - сказал он еще раз.

Луна на какое-то время спряталась за облаками, которые, становясь все плотнее, так низко проплывали над

городом, что окрашивались в ярко-красный цвет пожара и напоминали танцующих в небе чертей.

- Свиньи проклятые! - произнес Бодо Рейтер.

- Направьте всех ваших людей со шлангами на Мёнхенштрассе, - распорядился бургомистр.

- Сейчас же направлю, герр бургомистр, - четко ответил Рейтер. На освещенной заревом пожаров Дорфштрассе среди обломков на

тротуаре валялись разбитые взрывом витринные манекены. Однако в тех местах, где пожары пылали особенно

сильно, Рейтер увидел и тела погибших людей.

Но не пожары и не вид погибших заставили Рейтера широко открыть глаза: его поразило отсутствие целого городского квартала, который до сегодняшнего налета находился между Дорфштрассе и углом, где был магазин.

Четырехэтажные дома, занимавшие более ста квадратных ярдов площади, превратились теперь в беспорядочную груду обломков; кроме двух фундаментов печей, не осталось ни одной стенки выше человеческого роста.

Рейтер поспешил к Герду Беллю, который стоял там, где совсем недавно был дом Фосса.

- Что ты так пристально смотришь туда? - спросил Рейтер.

- Здесь был дом Фосса. В подвале домашняя работница моего двоюродного брата и его сын.

Рейтер заметил, что брови его друга обгорели. Они смотрели на груду развороченных камней и обломков в

том месте, где тысяchefунтовая бомба разрушила дом Фосса.

Всего в нескольких ярдах от места, где стояли Рейтер и Белль, Анна-Луиза и маленький Ганс оказались пленниками заваленного обломками подвала герра Фосса. Бомба взорвалась над ними на третьем этаже. Взрывная волна от этой бомбы, как и от большинства тонкостенных мощных бомб, распространялась в стороны.

В самом подвале взрыв этой бомбы показался не таким оглушительным, как взрыв предыдущей бомбы средней

мощности, которая, прежде чем взорваться, ушла глубоко в землю на проезжей части улицы.

Анна-Луиза не очень испугалась, когда ей не удалось открыть дверь из подвала. Она и не подозревала, что подвал засыпало двумястами тонн разбитого камня и обломков.

В подвале было сравнительно тихо, если не считать журчания просачивавшегося в него ручейка воды.

Сейчас подвал освещался только тусклым светом керосиновой лампы, ибо подача электроэнергии прекратилась.

Свет лампы отражался от гладкой темной поверхности воды, глубина которой в самых низких местах старинного каменного пола достигала трех-четырёх дюймов. Это тоже не особенно беспокоило Анну-Луизу, ибо

при той скорости, с которой ручеек из поврежденной трубы бежал сейчас, понадобилось бы несколько недель,

чтобы уровень воды в подвале стал угрожающе высоким.

Анна-Луиза встревожилась лишь тогда, когда инженеры и техники перекрыли сток воды в канализационную магистраль. Проложенная вдоль улицы водопроводная магистраль была повреждена и дала

течь не менее чем в шести местах. Вытекающая вода держалась на безопасном уровне до того момента, пока не

начала просачиваться к подвалу по канализационной трубе. Затем уровень воды поднялся до поврежденных

труб над подвалом, и это увеличило поток заполняющей подвал воды. Анну-Луизу очень напугало количество прибывающей воды, но это продолжалось недолго: когда в самой низкой части подвала глубина воды достигла шести дюймов, поток практически прекратился.

Это произошло потому, что пожарники начали брать воду из смотрового люка на Дорфштрассе, который заполнился к этому времени до краев. Наконец-то пожарники, боровшиеся с огнем в районе больницы, могли располагать достаточным количеством воды!

Огонь для них стал одушевленным противником. Больных уже эвакуировали в не тронутые взрывами и огнем крыло здания. Пожарникам понадобилось бы еще часа два - и с огнем было бы покончено. Сначала больных охватила паника, однако вскоре в их моральном состоянии произошел перелом. Это случилось в тот момент, когда фрау Торн выплеснула на загоревшийся стул в операционном зале содержимое своего подкладного судна. Все знали фрау Торн, и потому все засмеялись, когда она сделала это.

Казалось, что это событие восстановило стоическое спокойствие. Больничные койки сдвинули так тесно, что просвет между ними стал не более дюйма. Больные столпились в коридорах и кладовках. Никто не жаловался. В одной палате больные даже начали петь.

Бургомистр решил не возвращаться на командно-диспетчерский пост гражданской обороны. Налет прекратился, самолеты противника улетели, к тому же все телефоны в ратуше и в помещении поста вышли из строя. С этого момента все службы гражданской противовоздушной обороны должны были действовать по собственной инициативе. Бургомистр направился в сторону красного зарева над старым городом. Он шел по городу, не веря своим глазам. С лица земли были стерты целые улицы из небольших домиков. На их месте он увидел лишь сплошные груды обломков, освещенные пламенем огромного пожара, бушевавшего в районе повреждения городской газовой магистрали.

Всего через три минуты после того, как бургомистр отправился из ратуши в старый город, на его команднодиспетчерский пост прибыл посыльный с сообщением, что к Альтгартену приближается вторая волна самолетов королевских военно-воздушных сил - около четырехсот бомбардировщиков.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

С того момента, когда они поднялись с аэродрома Уорли-Фен, Ламберт мельком видел шесть бомбардировщиков. До сих пор полет протекал без происшествий. Иногда по возвращении из рейда он слышал рассказы других летчиков о том, как их обстреляли, как они бомбили, какие понесли потери, в то время как он, Ламберт, видел очень мало, а иногда и вообще ничего не видел за весь полет. Но бывали и такие вылеты, когда получалось все наоборот.

- Посмотри налево, - сказал Бинти. - Проектора засекали какого-то беднягу, и снаряды вокруг него разрываются, как конфетти.

Ламберт инстинктивно нажал на педали руля направления, чтобы уклониться от зенитных снарядов. Дигби продолжал лежать в носу самолета. Цель под ними представляла собой море разноцветных огней и вспышек.

Дигби видел также, как от какого-то взрыва заколебалось пламя самого большого, самого яркого пожара.

- Истребитель! Истребитель слева на траверзе! - неожиданно завопил Флэш Гордон. К бешеному огню из его четырех пулеметов тотчас же присоединился огонь двух пулеметов верхней турели.

- Он атакует кого-то еще, - сказал Бинти.

Примерно в двухстах ярдах слева от них тонкая трасса зажигательных снарядов повернулась в темноте, словно кто-то невидимой рукой перевел стрелку огромных часов. Это ночной истребитель сначала сблизился со своей жертвой, а затем резко отвернул от нее вверх и скрылся в темноте.

- Створки бомболюка открыты!

Началось! Они сейчас на курсе, который ведет через самый центр пожарищ и рвущихся в воздухе зенитных снарядов. Цель под ними - как торт в день рождения ребенка: в затемненной комнате дрожит пламя

шести желтых свечей. Торт в день рождения ребенка!

- Левее, левее! Так держать!

Самолет впереди них горел. Лопасты одного из его винтов стали вращаться медленнее. Его, видимо, поставили во флюгерное положение, но пламя раздувалось соседним винтом. Ночной истребитель наверняка

зайдет еще раз, и тогда "скрипучую дверь" осветит это проклятое пламя, которое разгорается все ярче.

Ламберт

видел, как разламывался на части обтекатель горящего двигателя.

- Ты виляешь, командир, - крикнул Дигби в переговорное устройство. - Еще немного левее.

"Даже если там Мики Мерфи, пусть бы этот самолет пошел вниз!

- подумал Ламберт. - Этот ночной истребитель наверняка сейчас позади нас. Спокойно, спокойно! Нет, им ни за

что не удастся спастись. Выбрасывайтесь! Прыгайте, прыгайте, прыгайте, черт вас возьми! Прыгайте, вы, идиоты! Ваш самолет горит и вихляет, как боксер после оглушительного удара. Наверное, сломана лопасть вин-

та у двигателя на другом борту..."

Летчик горящего самолета снизил скорость. Расстояние между ними уменьшалось, и языки пламени, казалось, так и потянулись к ним. Еще ближе... Бэттерсби с ужасом смотрел на Ламберта.

- Здорово горит, - спокойно сказал Дигби.

"Боже, это он говорит о цели, - пронеслось в сознании Ламберта. - Цель! Я совсем забыл о ней. Через какие-нибудь секунды этот горящий гроб совершенно потеряет скорость, и мы врежемся в него. Спокойно!

Он

опять приближается..."

- Сбрось эти проклятые бомбы! - пронзительно крикнул кто-то высоким встревоженным голосом, не похожим на чей-нибудь из экипажа. Только когда крик повторился, Дигби узнал голос Ламберта.

- Подходим, командир, не горячись! - спокойно проговорил Дигби.

"Неужели Дигби так прилип к прицелу, что не замечает, как этот горящий "ланкастер" освещает все небо?- подумал Ламберт. - Заставить его убраться? Обстрелять, но заставить убраться? Что угодно, только дайте мне

темноту. Ради бога, темноту! Может, на том самолете уже все мертвы? И он летит с автопилотом и будет лететь

так в нашей колонне, рядом с нами, до самой Англии?"

- Бомбы сброшены, - доложил Дигби абсолютно спокойным тоном, но, увидев летящий рядом охваченный огнем самолет, изумленно воскликнул: - О боже!

Стекающий с задней кромки крыла бензин на горящем "ланкастере" расплылся и горел, как газовое пламя.

- Держись на курсе, командир, для фотосъемки, - попросил Дигби.

Пока тянулись эти самые длинные в жизни Ламберта тридцать секунд, его кабина сверкала, как золотая.

- Желоб для сброса фотобомб погнут, командир, - раздался тревожный голос Джимми. - Фотобомба застряла в нем.

- Вытолкни ее, - ответил Ламберт. - Не буду же я вечно так лететь!

- Ее не стронешь с места. Они даже не сделали снимка для фотопланшета. Ламберт вздохнул. В текущем месяце это уже вто-

рой случай, когда он возвращается из рейда без контрольного аэрофотоснимка. На доске начальника разведки,

где в три ряда в хронологическом порядке располагались аэрофотоснимки целей, в одном месте будет торчать

блестящий белый лист бумаги. Белый лист будет означать, что ни "скрипучей двери", ни ее экипажа, ни бомбо-

вой нагрузки у них как бы вовсе и не существовало.

Ламберт заложил вираж и скользнул в спасительную темноту, прочь от пылающего "ланкастера", который Мерфи и Суит терпеливо пытались вернуть на землю.

- Всем смотреть за ночными истребителями, - предостерег Ламберт.

Теперь наступил момент наибольшей опасности. Напряжение, которое все испытывали над целью,

сменилось расслабленностью: люди еще не верили, что остались живы. Все почувствовали страшную усталость.

В такие минуты притупляется бдительность, снижается способность сосредоточиваться и всех охватывает желание уснуть.

- Сосредоточиться! - еще раз приказал Ламберт. - Около пятидесяти миллионов немцев сейчас готовы убить нас! Будьте внимательны! - Ламберт всегда говорил что-нибудь подобное в таких случаях.

Флэш Гордон рассматривал из хвостовой турели подвергшиеся бомбардировке горящие объекты - разбросанные красные пятна. Неожиданно одно из пятен как бы вспучилось и сделалось белым: это обрушилась

крыша церкви Либефрау.

Ламберт почувствовал сильную головную боль и бросил в рот таблетку аспирина. Бинти принял, как обычно, таблетку амфетамина. Кошер записал в боржурнал: "Над целью охвачен пламенем неопознанный

четырёхмоторный самолет".

Луна к этому времени поднялась высоко. Здесь она совсем не воспринималась как золотой шар, рассеивающий серебристый свет для людей на земле. Здесь она казалась холодным голубоватым диском.

- Я, пожалуй, уменьшу высоту, - сказал Ламберт, - У нас немного увеличится скорость, да и брюхо прикроют облака. - Бэттерсби рассеянно кивнул. - Тогда к нам никто не подкрадетс сзади снизу.

- Смотровой щиток свободного обзора просто прелесть, командир! - похвалился Флэш Гордон.

"Хорошие ребята!-подумал Ламберт.-Все они хорошие ребята. Мне просто повезло".

Он позволил самолету медленно терять высоту, пока тот не коснулся крыльями верхней кромки серо-голубых кучевых облаков. Бомбардировщик шел сквозь облака, то подминая их под себя, то, наоборот, ныряя в

них, словно прячущийся под пушистым одеялом шаловливый ребенок. "Самое трудное осталось позади", - подумал Ламберт, увидев впереди побережье Голландии. Дальше небо было безоблачным. Внизу навстречу им

бежала бесконечная гладь освещаемого луной, неподвижного, как густая черная патока, Северного моря.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Когда на Альтгартен начали сбрасывать смертоносный груз бомбардировщики второй, более мощной волны, страх был далеко не главным чувством, сковавшим альтгартенцев. Лишь немногие просто озлобились

или чувствовали себя жертвами роковой судьбы. Большинство же оказалось парализовано неврозом, тем самым,

который проявляется у людей, когда их заставляют делать что-то явно выходящее за пределы их сил и возможностей. Люди теряли контроль над собой.

Симптомов такого невроза было много. Некоторые даже начали терять рассудок. Кое-кто из пожарников стал разговаривать с огнем, как с чем-то одушевленным, ругая его непристойными словами и выражениями.

Недалеко от школы квартальный надзиратель, предупреждая людей, что опасно поливать водой горящую зажигательную бомбу, неожиданно для всех вдруг поднял ее руками, будто это была безобидная учебная болванка, и причинил себе страшные ожоги.

Когда вторая волна бомбардировщиков начала атаку, Герд Белль и его друг Рейтер поняли, что этот налет будет намного интенсивнее первого. Англичане всегда так делали. Гул моторов их самолетов был таким мощным, будто над городом кружил громадный осиный рой. Бомбовые залпы приходились по уже бушевавшим

пожарам. Взрывы как кувалдой били по барабанным перепонкам Белля и Рейтера, а взрывной волной их отбрасывало в самых неожиданных направлениях. Они оба понимали, что здравомыслящие люди давно укрылись бы в убежище, а вот они. идут по Мёнхенштрассе к горящему госпиталю. Им приходилось двигаться и

прыжками, и перебежками и подолгу пережидать.

Зарево над горевшей больницей, отраженное в мокрой мостовой, они увидели еще до того, как повернули за угол, на Дорфштрассе. При свете пожара вода в сточных канавах создавала впечатление, будто главная улица

проходит между двумя кроваво-красными ручьями. Рейтер наступил на фосфористое пятно и попытался счистить липкую массу с ботинка, но фосфор воспламенился. Это было отвратительное, страшное вещество,

которое прилипало ко всему, как клей. Рейтер сунул ботинок в заполненную водой сточную канаву, пламя на

ноге погасло, но в воздухе тотчас же вспыхнуло вновь. Наконец Герд догадался взять обломок кирпича и соскрести им фосфор с ботинка.

На своем коротком пути они увидели больше сотни горящих зданий. Их не раз просили оказать помощь тем, кого завалило обломками, но Рейтер чувствовал себя обязанным прежде всего помочь людям в больнице, а

Герд Бёлль хотел быть рядом с Рейтером.

Когда они наконец подошли к больнице, пожилой унтер-офицер сообщил им, что около двух сотен больных и несколько медсестер все еще находятся на верхних этажах больницы.

- А что это за звуки, как будто кто-то поет? - спросил Рейтер.

- Это вопли и визг, - объяснил унтер-офицер. - Когда рядом раздается взрыв или когда они увидят зажигательную бомбу, то кричат об этом друг другу. Паники там нет, но смотреть оттуда на все происходящее в

городе, да еще будучи прикованным к постели, сами понимаете, нелегко. - Унтер-офицер мрачно улыбнулся.

- Как держится конструкция здания? - спросил Рейтер.

- Весь фасад рухнул вместе с металлоконструкциями. Верхний этаж, по словам только что спустившегося оттуда больного, все больше и больше наклоняется.

- Пойдемте наверх и посмотрим, как там. Возьмитека с собой пару связных и пару здоровых парней с веревками и топориками.

Путь на четвертый этаж был длинным, окольным, но не опасным. На второй этаж они поднялись по служебной лестнице, и, хотя на ней было очень темно и валялось много крупных обломков, сама лестница осталась неповрежденной. Они прошли через переполненное детское отделение на втором этаже и по коридору,

где были разбросаны мокрые обгоревшие одеяла. Через открытую служебную дверь слева они увидели оперирующего хирурга. Операционную освещали две керосиновые лампы, карманный электрический фонарик и

пять свечей. Через выбитые двери Рейтер и Герд проникли в старое здание и поднялись по винтовой лестнице.

Взбираться по ней было довольно трудно, так как в некоторых местах консольные каменные ступеньки обвалились и остался только их металлический каркас с зияющей под ним страшной пустотой.

То в одном, то в другом месте их обдавали струи холодной воды. Затем они терпеливо подождали, пока группа пожарных спускала по лестничной шахте дверь. Когда дверь повернули, Герд увидел бледное лицо пожилого мужчины, крепко привязанного к двери. Его руки неестественно торчали в стороны, как у деревянного манекена. Мужчина не издавал ни звука, но лицо его выражало ужас, глаза были выпучены, рот

широко открыт. Он, видимо, пытался кричать, но силы оставили его.

- Держитесь вплотную к стене! - приказал Рейтер пробиравшимся вместе с ним людям.

Пол под ногами шатался, кирпичные стены вспучивались от огня. Металлические балки тоже прогибались: упираясь в потолок и искривляясь от жара, они выстреливали горячими заклепками, как пулями.

- В каком темпе удастся эвакуировать людей вниз? - спросил Бодо.

- Одних выносят по лестнице, других опускают через шахту. На каждого больного уходит около семи минут.

- Спустите всех сестер вниз, - распорядился Рейтер. Унтер-офицер небрежно козырнул и обратился к своим подчинен-

ным:

- Спустите всех сестер на землю. Давайте начнем с этого этажа.

Солдаты инженерных войск последовали за унтер-офицером, собрали сестер и приказали им оставить больных и спуститься вниз. Те начали было возражать, но им пришлось подчиниться строгому приказу.

- Сколько, по-вашему, все это еще продержится, Рейтер?

- Не больше десяти минут, Герд. Никто из них не видел, как вниз соскользнул первый ряд коек. Один связной громко выру-

гался, завизжала какая-то сестра, и за какую-нибудь секунду вся дальняя часть отделения опустела. Пламя пожара осветило потолок - стены уже не было. Вздувшись, она рухнула во двор вместе с койками и людьми. За ними со скрежетом поползли койки второго ряда,

но, столкнувшись, на какое-то время остановились. Искалеченные больные пытались ухватиться за что-нибудь,

но лишь срывали себе ногти. Одна из сестер проехала сидя по хорошо натертому полу, на всем пути стыдливо

прикрывая юбкой обнаженные ноги, пока не рухнула вместе с другими во двор.

Теперь все визжали и вопили. Это были истерические крики. Никто уже не предупреждал об опасности и не зывал о помощи. Это были пронзительные вопли обреченных на гибель людей, проклиняющих столь несправедливый к ним мир.

Спасательные команды делали все, что было в их силах. Герд, Рейтер и солдат, схватив по одному больному с койки и буквально волоча прихрамывающих людей, стали пробираться с ними вдоль пышущей жаром вспученной стены. Они чувствовали, как при каждом новом взрыве бомбы здание качается, как карточный домик. Добравшись до винтовой лестницы, они обвязали каждого больного веревкой и отправили

двоих вниз для приема этих калек. В лестничном колодце было темно. Жар поднимался по нему, как по печной трубе.

- Дайте мне умереть, - простонал пожилой, совершенно седой человек, когда они обвязывали его веревкой.

- Замолчи ты, старый дурак! - закричал на него Рейтер. - Придет время - умрешь.

- Яволь, герр лейтенант, - покорно ответил старик солдатской скороговоркой, какую он не говорил, наверное, с тысяча девятьсот восемнадцатого года.

Всем сестрам с верхнего этажа помогли спуститься вниз по лестничному колодцу, затем на веревках начали спускать больных. Оставалось эвакуировать лишь несколько человек, но в этот момент все старое здание

больницы рухнуло. Койки и тела людей смешались в одну огромную кучу на дворе.

- Черт возьми! - выругался Рейтер. - Еще пятнадцать минут - и мы очистили бы все палаты.

.Ни Герд, ни Бодо не стали говорить о двух сотнях мужчин и женщин, погибших в горах развалин во дворе больницы.

- Пойдем отсюда, - сказал Герд. - У меня мороз по коже пробегает.

В воздухе, как светящаяся саранча, кружилось множество искр вперемежку с раскаленными угольками, долетавшими сюда от соседних пожаров. При каждой вспышке фотобомб или когда взрывались бомбы было

видно, как взлетают в воздух обломки. Некоторые из уцелевших альтгартенцев рассказывали позднее, что английские самолеты сбрасывали в эту ночь и листовки. Люди говорили, что листовки зловеще предупреждали

о еще более крупных налетах в будущем. На самом же деле листовки были сброшены в эту ночь над Северной

Францией, а на Альтгартен сбрасывались только бомбы. В воздухе над Альтгартеном действительно летало

много обгоревшей бумаги. Некоторые листочки поднимались на высоту до тысячи футов. Однако вся эта бумага

поднялась из самого Альтгартена. Тут были счета, завещания, различного рода заявления, накладные, реклам-

ные листки, долговые расписки, акции, любовные письма, свидетельства, ордера, гарантийные письма, копия,

этикетки, ярлыки, квитанции, пропуска, договоры об аренде и многое другое. Обгоревшие по краям, они летали,

гонимые теплым ветром, и черными хлопьями падали на город.

К Рейтеру подъехал на мотоцикле полицейский и, ваяв под козырек, вручил ему письменное распоряжение:

"На ферму фрау Керстен упал английский самолет. Очень важно, чтобы экипаж не успел уничтожить его до тщательного осмотра специалистами".

Рейтер кивнул. Он знал, что некоторые части и приборы самолета необходимо немедленно направить в специальную электронную лабораторию, созданную командованием люфтваффе с целью раскрыть наиболее

строго охраняемый секрет королевских военно-воздушных си

- магнетронную ампу сантиметровой радиолокационной установки.

- Немедленно, - подтвердил он, получив распоряжение.

- Я не пойду с тобой, - сказал Герд Белль. - Я не пойду назад к дому Фосса. Там в подвале сын моего двоюродного брата и его домашняя работница.

- Давай поезжай, - согласился Рейтер и, обратившись к полицейскому, сказал: - Отвезите этого человека на Мёнхенштрассе.

Герд забрался в цепелиноподобную коляску мотоцикла и включил свой мощный электрический карманный фонарик, помогая водителю объезжать груды бревен, кирпича и камня.

Невольная пленница подвала, Анна-Луиза не испытывала особого страха. Она чувствовала себя обязанной успокоить ребенка и, занимаясь этим, успокаивала и себя. Подвал использовался когда-то в качестве кухни, и

рядом с лестницей она обнаружила небольшой служебный лифт. Шахта лифта была завалена кирпичом, но

рядом с ней на стене торчала переговорная труба. Анна-Луиза несколько раз крикнула в нее, но ответа не последовало. Снаружи все еще доносились глухие удары взрывов, и она решила, что большинство людей, видимо, укрывается в убежищах.

- Нам здесь безопаснее, чем наверху, Ганс, - сказала она успокаивающим тоном. - Да и спешить нам с тобой некуда. - Она потрогала пальцем тонкое серебро и замысловатые фигурки. - Я всегда буду любить твоего

папу, Ганс, - добавила она тихо.

Мальчик улыбнулся: все любят его папу.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Если бы Суит имел в тот момент возможность взглянуть на свое лицо с близкого расстояния, он наверняка заметил бы, что оно стало иссиня-бледным - верный признак недостатка кислорода в крови. Соединительный шланг его маски был поврежден, и кислород поступал в маску в очень небольшом количестве.

У него появились симптомы кислородного голодания - приток кипучей энергии, чувство благополучия и необоснованный оптимизм, хотя все это далеко не соответствовало окружающей обстановке.

Кислородное

голодание очень похоже на состояние легкого опьянения.

Что касается горящего крыла самолета, то теоретически Суит был прав: при нормальной температуре воздушно-топливная смесь в любом частично заполненном топливном баке слишком богата, чтобы воспламениться. Однако температура внешнего бака левого борта на его "ланкастере" была не нормальной.

Когда раздался взрыв, Суит подумал, что это прямое попадание зенитного снаряда. Взрывной волной снесло

большую часть плексигласового фонаря кабины. Штурвал вырвался из его рук. Суит не имел представления ни

о том, что произошло, ни о полученных повреждениях, зато Мерфи, который ждал этого взрыва, отлично понял,

что именно случилось.

Когда самолет начал сильно крениться, Мерфи схватил парашют и пристегнул к подвесной системе. Он слышал, как Суит сказал:

- Без паники, я выведу его.

Напрягая все свои мышцы, Мики Мерфи согнул ноги в коленях, чтобы упереться каблуком в стенку бомбового отсека. Преодолевая охвативший его страх, он с трудом продвигался навстречу сильнейшему воздушному потоку, который бил по нему, словно невидимый кузнечный молот. Дюйм за дюймом, используя

всю силу мышц своих ног, он опускал тело все ниже и ниже. Потный и почти выбившийся из сил, Мерфи вдруг

почувствовал, что оказался в темной холодной ночи. Центробежная сила бросила его тело в полет по кривой.

Когда кривая начала выравниваться, Мерфи понял, что он быстро кувырывается в скрюченном положении, почти

прижав лицо к коленям. Он знал, что парашют нельзя открывать, пока не перестанет вращаться тело.

Однако

вращение не прекращалось.

Мерфи казалось, что прошел целый час, пока вспышки, мимо которых он летел, не стали опасно близкими.

В отчаянии он дернул за вытяжной трос парашюта. Купол и стропы парашюта вывалились из коричневого брезентового чехла и ударили его по лицу. Затем его так швырнуло, что при очередном обороте одна его нога

запуталась в стропах. Мерфи несколько раз подергал ею, но от стропов не освободил. Он медленно падал на

разбомбленный Альтгартен. На какое-то мгновение Мерфи попал в луч прожектора, и купол парашюта показался ему ослепительно белым. Мерфи вспомнил молитву, которую учил в детстве, и прочитал ее вслух.

Суита не тревожила возрастающая скорость вращения самолета, ибо он знал: чем быстрее вращение, тем больше у самолета скорость и тем легче будет возобновить управление им. Он спокойно перенес вес всего своего тела на обе ноги и нажал ими на одну педаль управления рулем направления. Он предполагал, что потребуется огромное напряжение мышц, и поэтому жал на педаль изо всех сил. Ни левого элерона, ни самого

левого крыла на самолете к этому моменту уже не было.

- Черт возьми! - буркнул Суит.

Он ни в малейшей степени не сомневался теперь, что надо выпрыгивать. С оглушительным ревом и дребезжанием огромная машина с бешеной скоростью летела вниз по спирали. Раздавались звуки лязгающего

металла. Стрелка высотомера с опасной скоростью вращалась в обратном направлении. Суит, убедившись, что

парашют пристегнут правильно, решил прыгать через носовой люк. Статистика свидетельствовала о том, что

носовой люк самый безопасный.

Сначала это показалось невероятно глупым, но Суит не мог встать с сиденья. Он пытался оторваться от него и вверх, и в сторону, и ползком, но все попытки были тщетными. Сила тяжести прижимала его к сиденью

так, что он оказался неспособным преодолеть свой вес. На голову тоже давила какая-то тяжесть, из-за которой у

него образовалось два подбородка, и он почувствовал тошноту. Кровь из головы оттянуло вниз, и у него потемнело в глазах. Какая нелепость! У него так много всего, для чего надо бы жить: он здоров и красив, у него

медаль, две любимые девушки, небольшой личный доход, повышение в чине в августе, много хороших друзей

среди сослуживцев. Почему он не может подняться со своего сиденья? Суит стал еще хуже видеть, так как возрастающая от вращения сила тяжести почти полностью приостановила мозговое кровообращение.

Когда "ланкастер" Суита рухнул на ферму фрау Кврстен, в почве образовалась яма тридцати футов шириной и восьми футов глубиной. Лучшее всего сохранилась его хвостовая секция, которая упала в двухстах

ярдах в стороне. Хвостовой стрелок, убитый во время первой атаки, так и остался в своей турели, которая отскочила перед ударом о землю. Носовая часть фюзеляжа врезалась в боковую стену фермы и разрушила весь

дом. Кастрюли смешались с высотомерами, кровати с топливопроводами, а останки фрау Керстен и французского солдата - ее любовника перемешались с останками капитана Суита. На ферме поднялось

зловоние от сгоревшего масла и горящего углерода, а раскаленные докрасна кусочки металла звенели, как бубенчики на

упряжи.

Рейтер и его грузовик с солдатами инженерных войск прибыли на ферму фрау Керстен через пятнадцать минут после падения самолета. Рейтер тотчас же организовал поиск, чтобы убедиться, не упали ли какие-нибудь

записные книжки, бортжурналы или радиоприборы в стороне от места падения самолета. Один солдат обнаружил застрявшего в ветвях дерева английского летчика всего в ста пятидесяти ярдах от разбившегося самолета. Это был плотного телосложения человек. Когда его о чем-то спросили, он лишь нервно улыбнулся.

Два солдата убили его лопатами.

Освещенной стеклянной картой пользовались уже в течение часа. От накалившихся электрических

лампочек, разогретого лака и окрашенного металла исходил запах, который смешивался с запахами натертого

пола и вспотевших людей. Август Бах почувствовал ноющую головную боль. Она всегда появлялась у него в подобной обстановке.

В крайней восточной зоне его сектора красная отметка цели медленно повернула и стала перемещаться в направлении на Утрехт. Август дал поправку в курс истребителя.

- Он уходит, - сказал Вилли Рейнеке, который следил за светящимися точками своим восковым карандашом.

- Да, ему теперь не догнать его, - согласился Август тоном долго ждавшего человека.

Вилли Рейнеке уже давно снял френч и галстук и теперь вытянул и несколько раз покрутил руки над головой, чтобы размять затекшие суставы.

- Ну как, все в порядке, Вилли?

Вилли кивнул в знак согласия, но Август чувствовал: что-то происходит не так, как ожидали. "Что же именно?" - задался он вопросом и с беспокойством еще раз взглянул на стол и висевшую над ним карту высот.

Неужели он осрамился перед всеми? Может быть, он дал этому последнему истребителю неверную высоту, а потом обвинит его в неумении обнаруживать противника? Однако ничего неверного в своих действиях Август не нашел.

- Не притворяйтесь, Рейнеке, в чем дело? - холодно спросил Август. Он понимал: что-то происходит не так, как надо, и он не позволит подчиненному обмануть себя, даже если этот подчиненный - его заместитель. Вилли сжал пальцы, а затем громко щелкнул ими.

- Это цель, - сказал он наконец.

- Какая цель?

- Англичане производят прицельную бомбардировку Альтгартена, герр обер-лейтенант.

- Не может быть!

- Какая-нибудь ошибка... Неправильно учли ветер... Может, сбиты самолеты обозначения цели... Может, неисправны приборы...

-Альтгартен? Все соединение-на Альтгартен?!

- Боюсь, что именно так, герр обер-лейтенант. Август попытался представить себе картину подвергшегося бомбардировке

Альтгартена и около минуты стоял молча.

- Встаньте к столу, Рейнеке! - попросил он наконец.

- Герр?..

- Попросите телефонную станцию соединить мой служебный телефон вот с этим номером, - приказал Август, передавая бумажку связисту Тшолю.

Тшоль взял клочок бумаги и некоторое время стоял неподвижно, прежде чем выполнить распоряжение. Таким образом он предоставил Августу достаточное время, чтобы тот изменил свое решение о телефонном

звонке по личным вопросам. Это строго запрещалось инструкциями.

- Ваш служебный телефон? - спросил наконец связист.

- Да, - ответил Август. - И пусть они попробуют другие номера, если не ответит первый.

Когда в подвале раздался телефонный звонок, АннаЛуиза полудремала, ибо вентиляторы остановились и

убежище стало тепло и душно.

- Говорит Крефельд. Служебный телефонный вызов по линии департамента связи люфтваффе, из Роттердама. Ответьте на вызов.

Еще до того как Анна-Луиза смогла ответить и несмотря на треск в поврежденных телефонных линиях, она узнала голос Августа:

- Анна-Луиза? У тебя все в порядке?

- Все в полном порядке, герр обер-лейтенант, - ответила Анна-Луиза. Теперь она окончательно проснулась и догадывалась, что Август пошел да большой риск, позвонив ей по телефону. - Я... то есть Ганс и я находимся в

бомбоубежище герра Фосса. Работа идет, как обычно, - добавила она, чтобы придать разговору более официальную окраску. - Все в порядке, - сказала она еще раз. - Все обстоит точно так, как я обещала.

Сегодня во

второй половине дня...

-Да, все будет так, так мы решили,-сказал Август, также стремясь придать разговору официальный характер.

Гул от самолета Суита, летевшего в это время над городом чуть повыше крыш, был достаточно громким, чтобы Анна-Луиза услышала его даже в глубине подвала в доме Фосса. Когда самолет рухнул на землю, раздался оглушительный грохот.

- Я не слышу вас, герр обер-лейтенант, - сказала Анна-Луиза.

- Что-то очень скрипит, а ваш голос еле слышно...

- Я люблю тебя, - сказал Август и с отчаянием положил трубку. - Слава богу, - сказал он себе вполголоса и вернулся к столу "Зеебург".

- У нас уже появился другой, - доложил Вилли. Август принял от него микрофон. На "скрипучей двери" Кошер Коэн подался вперед и прислонил повалившуюся косоглазую куклолку Фланаган к лобовому стеклу фонаря кабины.

- Не переносу, когда Флан валяется, - сказал он.

Куклу подарили Ламберту накануне самого первого боевого вылета, и с тех пор он брал ее с собой в каждый рейд. Он заметил, что каждый член экипажа во время полета улучал момент, чтобы прикоснуться к

потрепанной кукле, хотя Коэн и Джимми Гримм всегда бы нашли подходящее оправдание своим действиям и

ни за что бы не признались, что они суеверны. Жена Джимми даже заштопала в прошлом месяце растрепавшуюся ногу Фланаган.

Кошер возвратился к своему штурманскому столику, а Ламберт медленно направил нос самолета к гряде облаков. Во второй раз за эту ночь "скрипучей двери" предстояло пересечь прокладочный стол на радиолокационной станции "Горностаи".

Герд Белль был экспертом в совершенно новом искусстве - искусстве распознавать тип разрушений, причиненных бомбами. Он знал, что разрушения можно подразделить на три основных типа. Бывают такие

здания, которые, разрушаясь, превращаются в груды камней, образующих сплошную пирамиду из обломков.

Бывают здания, которые рушатся на одну сторону, так что полы всех этажей с этой стороны сползают на землю.

С больницей произошло именно это. Бывает также и третий вид руин, самый трудный и предательский. В этом

случае полы этажей проваливаются в центре здания и образуют несколько громоздящихся друг на друга У-образных фигур, готовых в любой момент осесть еще ниже и придавить собой неосторожных спасателей. Герд знал, что таят в себе обломки разрушенного здания. Он знал, что на какой-нибудь хрупкий стул могут опираться несколько тонн битого камня или в сочетании с какой-нибудь другой мебелью этот стул может образовать предательскую пустоту в самом центре руин. Он знал также, что в недоступных для воздуха карманах может скопиться достаточно плотный газ, который способен воспламениться или погубить сунувшего

в него голову человека. Он знал, какую опасность представляет собой безобидная на первый взгляд капающая

вода, и понимал, что человеку, склонному к панике, для проникновения в руины или для выхода из них необходимо вдвое большее пространство, чем человеку спокойному и уравновешенному. Именно с такими,

склонными к панике, спасательными командами, происходили случаи, когда они не могли вернуться из руин

тем же путем, каким проникли в них. Короче говоря, Герд был экспертом.

Он не обнаружил никаких доступных путей, чтобы проникнуть в гору обломков, накрывших вход в подвал дома Фосса. Вершина руин находилась на высоте не меньше двадцати футов над уровнем земли на улице, а

остальная масса обломков представляла собой ровную возвышенность с небольшим углублением вокруг основания. Обычно в таких случаях он начал бы раскапывать вход в руины как можно ближе к грунту, но тут

заметил, что валявшиеся на вершине обломков старая софа и кухонный стол как будто бы прикрывали собой

достаточно широкий проход в развалины. Герд пнул ногой разбитую мебель. С места стронулись лишь

игрушечная собака да несколько кусков штукатурки. Из этого Герд сделал вывод, что руины достаточно устойчивы, а потому можно попытаться воспользоваться обнаруженным проходом.

Он протиснул свое тело в проход, предварительно вытащив из него несколько паркетин и сломав ножку стула, которую протянул стоявшим позади него солдатам.

- Герр Белль в своем амплуа, - сказал один из солдат.

Герд был уверен, что Анна-Луиза воспримет все это достаточно спокойно: она очень рассудительная и серьезная девушка.

Герд полз теперь под более отлогим углом к подвалу, и вскоре ему удалось проникнуть в самую середину руин.

Внизу, сравнительно близко от Герда, в кресле сидела

Анна-Луиза. Она нежно покачивала спящего на ее коленях Ганса и ласково гладила его волосы.

Спокойствие

девушки передалось мальчику, и он задремал. Анна-Луиза до минимума убавила пламя в лампе, ибо понимала,

что света в подвале не будет и утром. Она решила терпеливо ждать, когда кто-нибудь придет ей на помощь.

Герд Белль добился замечательного успеха: чтобы добраться до грунта, ему потребовалось меньше часа.

Ему никогда еще не удавалось пробираться через руины так быстро. Как опытный археолог, он распознавал

сдавленные пласты этажей здания. Герд проложил путь через кучу кафельных плиток в ванной, выбрался на

лестничный ковер, подполз к разбитой кухонной раковине. Пол в кухне был каменный, и Герд понимал, что для

проникновения через него потребуется немало усилий и времени, но все это оказалось не так уж сложно.

Каменные плитки во многих местах раскрошились, а в податливой земле под кухней имелась довольно широкая

яма. Герд осторожно пролез через дыру и все же поцарапал ноги об острый битый камень.

Он уже почти добрался до подвала, когда неожиданно столкнулся с препятствием. Сравнительно легкий до

этого путь ему преградил какой-то зеленый металлический предмет. Круглый по форме, он имел около двух с

половиной футов в диаметре. Странный предмет плотно прилегал к обломкам, будто это была вмонтированная в

стену круглая дверь сейфа. Герд провел по металлической поверхности рукой и задумался над вопросом, какую

функцию в домашнем хозяйстве могло бы выполнять такое странное устройство? Может быть, это цистерна для

воды? Но разве такие цистерны обязательно делать такими прочными, как эта? Толстые стальные части соединены между собой массивными болтами... Боже, да ведь это бомба!

Бомба упала на руины и проделала в них проход. Поэтому-то Герду и удалось так легко пробраться через обломки к грунту. Он прошел по тому же пути, что и бомба. Взрыватель с довольно большим замедлением. Но

сколько еще осталось? Минута? Две? Сутки? Герда бросило в жар и холод, сердце застучало, как барабан. Тыся-

чефунтовое яичко снесет с лица земли половину улицы, а он гладит его рукой. Герд еще раз потрогал бомбу, и

ему показалось, что она теплая, хотя, возможно, его ввела в заблуждение температура своих собственных нервно дрожащих рук.

С этого момента Герду пришлось пробираться с трудом. Он обошел стороной гладкую металлическую поверхность бомбы и проник на шесть футов ниже ее. Неожиданно обломок железной кровати легко сдвинулся

с места, подвальная стена прогнулась и рухнула. Герд почувствовал, как скользит по ней вперед в свободное

пространство. Присущая ему самодисциплина удержала его от того, чтобы ухватиться за бомбу. Он грузно упал

и сильно ушибся.

- Герр Белль! - воскликнула Анна-Луиза, открыв глаза и увидев сидящего на мокром полу маленького

человека, который появился перед ней так же неожиданно, как дьявол-искуситель в какой-нибудь пантомиме.

Весь обсыпанный кирпичной пылью, он старательно массировал ушибленный локоть.

- Это бомба, - с трудом проговорил Герд, показывая на темный гладкий предмет, едва видневшийся в проломе потолка подвала.

- Похожа на водяную цистерну, - пробормотала Анна-Луиза, приближаясь к пролому, чтобы лучше разглядеть предмет.

- Нет, я полагаю, это бомба, - сказал Герд Билль. В его сознании мелькнуло неприятное подозрение о возможном умственном потрясении Анны-Луизы. Герд неловко улыбнулся ей. - По-моему, нам надо попытаться

выбраться отсюда, - добавил он.

- Здесь много чудесных драгоценностей, герр Белль.

- Фосс был состоятельным человеком, - сказал он.

- Он очень милый, - заметила Анна-Луиза. - Нас могло бы убить, если бы он не позволил нам спрятаться в своем убежище.

- Я помогу вам подняться в проход, - сказал Герд, пододвигая кресло, на которое она могла бы встать. - Мальчика оставьте со мной. Я выберусь с ним, я уже делал это не раз.

В этот момент шестьсот фунтов взрывчатки превратили подвал и руины над ним в мельчайшие кусочки. Взрыв был слышен во всем Альтгартене. Никто позже не нашел ни единой могущей быть узнанной части тела,

или принадлежности, или одежды Герда Белля, Анны-Луизы или Ганса, зато даже в наши дни в возделываемых

на этом месте землях нет-нет да и находят осколки дорогостоящих фарфоровых фигурок и бесформенные кусочки серебра.

На вычислительном пункте радиолокационной станции стояла такая тишина, что слышно было, как электрические часы отсчитывали каждую секунду.

- Этот англичанин ушел далеко на север от своей колонны, - сказал Август.

- Неисправный компас?

- Наверное.

- Он должен быть сейчас здесь, почти над нами.

- Вызовите на связь "Кошку-один", Вилли. Виктор Лёвенгерц посмотрел на свои наручные часы. Он не доверял часам в каби-

не самолета: команда наземного обслуживания следила за ними недостаточно тщательно. Лёвенгерц переключил двигатели на главный топливный бак и обеднил смесь. Ему может понадобиться каждая капля

горючего, ибо самолетам противника, которые входят сейчас в его сектор на обратном пути, потребуется не

меньше часа, чтобы пересечь этот сектор. Последние бомбардировщики обычно самые уязвимые, и Лёвенгерц

хотел быть вполне уверенным в том, что будет в воздухе, когда они появятся в его секторе.

Другие летчики, такие, как Гиммель, действовали вопреки существующим приказам и гонялись за самолетами противника на протяжении всего их полета до цели. Лёвенгерц не позволял себе этого. Он патрулировал в своем секторе и неукоснительно выполнял приказы командира поста наведения Августа Баха.

Сейчас Бах вызвал его по радио и сообщил, что они засекли четырехмоторный английский самолет.

- Сообщение: большой автомобиль. Приказ: курс триста градусов.

- Вас понял, - ответил Лёвенгерц и тотчас же увеличил скорость, чтобы догнать английский самолет до того, как он выйдет из зоны видимости радиолокационной станции.

На крейсере противовоздушной обороны "Гельд" ночь для экипажа прошла спокойно. За пятьдесят пять минут, которые потребовались Ламберту, чтобы пролететь сто миль до цели и возвратиться назад, конвой прошел всего девять морских миль вдоль берега. Впрочем, "Гельд" прошел чуть больше, чем следовало, ибо в

настоящий момент он находился на милю впереди конвоя, вместо того чтобы быть в его хвосте.

Единственной отметкой цели на экране радиолокационной установки "Вюрцбург" на крейсере была отметка, соответствующая самолету "скрипучая дверь", и так было до тех пор, пока сзади не подкрался самолет

Лёвенгерца.

- Огонь!

Это был огонь, управляемый с помощью радиолокационной станции, и поэтому взрывы зенитных снарядов

образовали весьма четкую прямую линию вспышек в воздухе. Счетно-решающее устройство радиолокатора

нежно замурлыкало и откорректировало прицел. Следующий залп был дан с поправкой на скорость самолета.

Второй залп оказался более точным, а третий - и того точнее.

Последний снаряд третьего залпа взорвался на расстоянии семидесяти одного фута от левого двигателя Лёвенгерца. Двадцать восемь осколков поразили "юнкерс". Четыре осколка попали в левый двигатель, а остальные - в крыло и фюзеляж. Лёвенгерц направил нос машины вниз и перекрыл топливный кран. Затем он

дал на левый двигатель полный газ, чтобы израсходовать в нем остатки топлива и таким образом уменьшить

опасность загорания. Лёвенгерц узнал берег, над которым летел. Он не раз совершал здесь вынужденные по-

садки в кошмарных снах, перед тем как проснуться.

Лёвенгерц сорвал крышку аварийного комплекта возле своего сиденья. Топливо вылетало из хвоста самолета в виде искрящегося в холодном лунном свете тонкого серебристого плюмажа длиной пятьдесят футов.

Он закрыл створки радиатора на поврежденном левом двигателе и несколько увеличил мощность работающего

правого. Затем сбалансировал самолет так, чтобы, поднять носовую часть.

Лёвенгерц посмотрел на побледневшие лица членов своего экипажа. Никто не произнес ни слова.

Лёвенгерц сбросил заднюю часть фонаря кабины, и она с ужасным грохотом отлетела в сторону, подставив их

под бешеный поток ледяного воздуха, который с воем и свистом завихрялся у кромок лобового стекла. Это нарушило балансировку, и Лёвенгерц отжал штурвал, чтобы опустить нос самолета.

Мросек выбросился первым, тщательно запрятав перед этим свой цейсовский бинокль под мундир. Один его ботинок мелькнул в опасной близости от головы Лёвенгерца. Мросек выскочил из самолета рывком.

Сначала Лёвенгерцу показалось, что он выбросился благо-

получно, но раздавшийся в тот же момент неприятный глухой удар

свидетельствовал о том, что спутная струя отбросила Мросека назад и он ударился о хвост самолета.

Бинокль

вдавился Мросеку в грудную клетку и сломал ему четыре ребра. Кувыряясь, Мросек ударился запястьем об

левую плоскость стабилизатора, и его оттянула назад спутная струя, разбрызгивающая топливо из трубы аварийного слива.

Обессилевший от удара головой и после бензинового душа, Мросек начал падение с высоты три тысячи футов. Холодный ночной воздух, проникая сквозь влажную одежду, пробирал до костей. В полубессознательном состоянии Мросек дернул вытяжной трос парашюта и благополучно опустился под его куполом на картофельное поле.

Закс всегда был несколько робок. Лёвенгерц решил, что этому человеку нужно нечто большее, чем обычный приказ.

- Если ты немедленно не выбросишься, то выброшусь я и оставлю самолет на тебя! - крикнул он.

Только после этого радиооператор Закс начал медленно подниматься для прыжка. Этому богатому молодому человеку неизменно везло в жизни. Он без происшествий отделился от самолета и

благополучно

приземлился.

Когда разорвался роковой зенитный снаряд, Лёвенгерца пронзила острая боль, которая затем вызвала общее недомогание. Ему казалось, будто его живот и талию кто-то обтянул чересчур горячим мокрым полотенцем. Причиной всему был рваный осколок насеченного латунного взрывателя из головной части зенитного снаряда. Этот кусочек весом всего в одну шестидесятую унции попал Лёвенгерцу в живот, проложил

путь через мелкие артерии и почку и раздробил один из его поясничных позвонков. В позвонке осколок застрял,

слегка повредив спинной мозг.

Лёвенгерц мрачно улыбнулся. Он вызвал по радио пост наведения и кратко доложил, что самолет поврежден, а сам он ранен и ведет машину на запад над одним из крупных островов в районе к югу от Роттердама.

- Выбрасывайтесь, "Кошка-один", - предложил Август Бах тревожным голосом.

- Сообщение: невозможно, - ответил Лёвенгерц, - у меня повреждена спина.

- Приказ: возвращайтесь назад.

- Слишком быстро теряю высоту.

- Приказ: оставайтесь на связи, - сказал Август. - Мы известим аварийно-спасательную службу. Они засекут ваше место для спасательных катеров.

- Спасибо, - ответил Лёвенгерц.

Ноги Лёвенгерца стали безжизненными. Действовала только верхняя часть тела. Зрение также ослабевало: красные и зеленые огоньки на приборной панели и яркая серебристая луна окрасились в грязно-серые тона. Гул

исправного двигателя, казалось, тоже ослаб, и Лёвенгерц задался вопросом: не по этой ли причине тяжелый

"юнкерс" так плохо держится в воздухе? Серый самолет приближался к серой поверхности моря, и вспышка,

которая произошла, когда он ударился о волны, была такой же серой, как и вода, в которой он скрылся.

Установка "Вюрцбург" на радиолокационной станции "Горностаи" следила за "юнкерсом" до самого моря, до того самого момента, пока отметка на экране не вспыхнула фосфоресцирующим светом и не исчезла совсем.

- Погиб, - сказал Вилли.

- Всегда погибают самые лучшие.

- И все этот проклятый крейсер!

- Они не виноваты. Им ничего не было известно, Вилли.

Ламберт нервно осмотрелся вокруг. В небе не было видно ни одного самолета противника.

- Командир, можно за меня немного посидит Джимми, а то меня здорово подпирает? - спросил Бинти Джонс.

- Джимми, ты можешь? - спросил Ламберт.

- Могу, командир. Ламберт почувствовал, как изменилась балансировка самолета сначала от того, что бортрадист пошел к

верхней турели, а потом от того, что спустившийся вниз Бинти пошел в туалет в хвостовой части самолета.

Джимми Гримм, как и большинство бортрадистов, был обучен выполнять обязанности стрелка и всегда с удовольствием занимал место в турели, откуда можно было видеть, что происходит вокруг самолета в небе. Он

сдвинул шлемофон и прижался лицом к холодному как лед плексигласу турели. Джимми при этом испытывал

такое чувство, будто выпил большой глоток холодного пива.

- Все в порядке, Джимми?

- Все в порядке, командир. Ламберт заметил, как мелькнул свет от лампочки над штурманским столиком. Кто-то позади не-

го отодвинул в сторону занавеску. Ламберт сразу догадался, что в кабину на минутку вошел Бинти. Бинти был

твердо убежден, что управлять бомбардировщиком куда сложнее, чем водить мотоцикл, и поэтому очень любил

наблюдать за действиями Ламберта.

- А как насчет фотобомбы, Бинти? Посмотри, нельзя ли ее сбросить, ладно? - сказал Ламберт.

- А мне поможет кто-нибудь?

- Нет, - ответил Ламберт.

- Я помогу ему, командир, - предложил Коэн.

- Хорошо, - согласился Ламберт. - Посмотрите, можно ли ее сбросить.

Находясь над морем, трудно было предположить, что тебя начнут обстреливать восьмидесятивосьмимиллиметровыми зенитными снарядами, но, даже если каким-то чудом такое орудие и

появится под ними, "скрипучая дверь" не пострадает, ибо идет на три тысячи футов выше, чем могут достать

такие снаряды.

В тот момент, когда Ламберт размышлял над этим, около стабилизатора "скрипучей двери" разорвался стопятимиллиметровый снаряд, посланный из более мощных орудий крейсера противовоздушной обороны

"Гельд". Взрывная волна отбросила Ламберта на штурвал, сбила с мест и привела в действие огнетушители и

разметала по всей кабине штурманские карты Кошера. Все это сопровождалось яркой вспышкой света. Она

ослепила Ламберта, глаза которого привыкли к ночной темноте.

Штурвал так надавил на живот Ламберта, что у него не хватило сил остановить его движение. Нос "скрипучей двери" задрался вверх. Самолет напоминал вставшую на дыбы, насмерть перепуганную лошадь.

- Мики! Мики! - закричал по привычке Ламберт.

Бэттерсби бросился Ламберту на помощь: он знал, что этот крик адресован ему. Бинти Джонса взрывной волной отбросило на пол. Ламберт понял, что "скрипучая дверь" получила тяжелое повреждение. Затем, как

молния, сверкнула еще одна ярчайшая вспышка света, гораздо большая, чем вспышка от разрыва зенитного

снаряда. Это был огромный ослепительный беззвучный взрыв в непосредственной близости от нижней части

фюзеляжа "скрипучей двери".

- Посмотри, что там произошло, Бинти,-сказал Ламберт, - там, в хвосте.

Бинти уже поднялся с пола, а Бэттерсби упирался ногой в основание сиденья летчика и изо всех сил нажимал на штурвал. Лицо его покраснело, как свекла. Вены на лбу вздулись от напряжения.

Штурвал не поддавался, но Бэттерсби и Ламберту все же удалось приостановить его движение назад. Оба они прилагали все свои силы, и Ламберт уже начал сомневаться, удастся ли им вообще отжать его вперед, пока

они будут лететь над Северным морем.

Бинти отдернул шторку у штурманского поста. Его сразу же ослепила яркая, неестественно зеленая вспышка. Бинти испуганно перекрестился: уж не в преисподнюю ли они попали? Зеленый свет вспыхнул еще

ярче и сразу пропал. Бинти ощупью добрался до сиденья штурмана, но там никого не оказалось. Самолет наполнило дымом. Бинти осторожно направился к хвостовой части и, дойдя до своей турели, увидел в фюзеляже

пробоину, через которую прошел бы небольшой автомобиль.

- Боже мой! - пробормотал Бинти. Он ожидал, что ему хоть что-то скажет на это сидящий в турели Джимми Гримм, но, направив вверх луч карманного фонаря, вдруг с ужасом понял, что нижней части тела Джимми не

было. Вместо нее он увидел месиво из обломков костей, кропи и внутренностей. В эту массу из труб, которые

шли в хвостовую турель, стекало масло. Бинти отвел фонарный луч. К горлу подступила тошнота. Бинти прижался к холодной как лед металлической обшивке фюзеляжа.

Ламберт чувствовал, что педали управления рулем направления не действуют. Значит, хвостовая часть самолета сильно повреждена. Он убрал газ и снизил скорость, чтобы уменьшить напряжение всего корпуса

самолета.

Бинти включился в переговорное устройство:

- Флэш, ты на месте? Ответа не последовало.

- Бинти, что там происходит? - спросил Ламберт.

- Джимми убит, командир. Флэш не отвечает.

- А ты разве не можешь пойти и узнать, что с ним?

- Дальше невозможно пройти, командир. Тут полно дыма. Оторвало чуть ли не половину фюзеляжа с одного борта. Хвост едва держится, вот-вот отвалится.

- Кошер, у тебя все в порядке? - спросил Ламберт по переговорному устройству.

Никто не ответил.

- Ты где. Кошер? - еще раз спросил Ламберт. В переговорном устройстве послышалось какое-то бормотание.

- Ты ранен? В ответ опять раздались булькающие звуки. Похоже, что Кошер, как и все раненые, шептал

слово "мама".

Ламберту приходилось водить самолет с ранеными и мертвыми. Он уже хорошо знал, что тот, кто не отвечает, или убит, или совсем невредим. Тот же, кто воет благим матом, наверняка легко ранен или поцарапан,

ибо тяжелораненые не могли кричать громко и долго. Слабое бормотание, такое, какое издавал сейчас Коэн,

обычно было свойственно тем раненым, которым следовало срочно наложить жгут и дать морфий.

- Найди Кошера, Бинти, - приказал Ламберт.

- Я уже нашел его, командир. Придется опуститься пониже, ему необходим кислород.

- Соедини его шланг.

- На нем нет кислородной маски. Она обгорела. Я достал из коробки морфий. Сколько ему впрыснуть из этой ампулы?

- Введи ему половину ампулы в руку. Это уже будет двойная доза.

- В руку трудно, командир. Можно ввести в ногу?

- Можно, Бинти. Дигби, поди помоги Бинти, слышишь?

Бинти попытался сдвинуть Коэна вперед, к прикрепленной над главным лонжероном койке, но Коэн прилип обгоревшей спиной к желобу для сброса фотобомб. Бинти опасался, что может разорвать Коэна, так как

теперь, после укола морфия, тот не почувствует боли, а когда почувствует, будет уже поздно.

Бинти прижал к себе Коэна, как ребенка. После укола морфия Коэн начал дрожать, как в лихорадке, но вскоре снова затих. Его открытые глаза стали стеклянными, как у игрушечного плюшевого медвежонка.

Неожиданно все услышали голос Флэша Гордона:

- Хвостовой стрелок - командиру. У меня все в порядке.

- Где ж ты был, черт возьми?! - спросил Ламберт.

- Извини, командир. У меня отсоединился разъем, а я и не заметил. Я все время вызывал вас и спрашивал, что происходит.

- Командир, прикажи Флэшу пройти вперед, - предложил Бэттерсби. - А то его вес так далеко в хвосте... -

Он не договорил, как бы давая Ламберту самому представить, чем это грозит.

- Ты можешь прийти сюда, Флэш? У нас кое-что произошло в средней части, поэтому иди осторожно и захвати с собой парашют.

- О'кей, командир, - ответил Флэш.

Без помощи штурмана и бортрадиста, который мог бы определить место самолета по радиомаякам, Ламберт попытался построить в уме треугольник скоростей. Он снизил "ланкастер" до четырех тысяч футов,

чтобы Кошер не погиб от недостатка кислорода, хотя ветер здесь опять мог быть совершенно другим.

- Командир, разреши, я попробую настроить радиостанцию, - предложил Дигби.

- Оставайся в носу. Помоги мне определить момент, когда мы пересечем береговую линию.

Луна светила очень ярко, но Ламберт видел только Северное море внизу и бесформенное нагромождение облаков впереди. Он отлично понимал: чтобы посадить самолет на землю, надо вести его под облаками.

Итак,

ему снова приходится возвращаться из рейда с мертвым в умирающим, в то время как сам он не получил ни

царапины. Рут всегда говорила, что здесь нет его вины, но она, конечно, ничего не понимает в этом. Ведь машину ведет он: легкое прикосновение его ноги к педали - и их место в воздухе моментально изменится на

полмили. Все, что происходит с самолетом, происходит с его ведома и по его вине. Никаких оправдывающих

или смягчающих обстоятельств! Не существует никаких прав без ответственности! Ребята делали все так, как он

им приказывал, без малейших возражений. Никто не просил разрешения выброситься с парашютом, и никто из

них не сказал, что, отреагируй он побыстрее на вспышки зенитных орудий корабля, и самолет не был бы поврежден.

- Бэттерсби, возьми огнетушитель и тщательно осмотри все в средней части самолета. Если сможешь, найди сигнальный фонарь и осмотри двигатели через иллюминатор около радиста.

- На приборах все в норме, командир. Двигатели, судя по ним, работают отлично.

- Стой здесь, дружище, я просто разнервничался немного, - признался Ламберт.

- О'кей, командир, - ответил Бэттерсби.

Подавленный, чувствуя необъяснимую вину за то, что с ним самим-то ничего не произошло, Бинти прижимался к Кошеру и вполголоса, кашляя от едкого дыма, одну за другой перечислял гайки и болты каждой

детали побывавших в его владении четырех мотоциклов. Флэш сидел на полу, прислушиваясь к нудному бормотанию Бинти и стараясь не смотреть в сторону верхней турели. В кабине летчика Ламберт и Бэттерсби боролись с непокорной, еще неизвестно как поврежденной "скрипучей дверью". В носу в поисках земли жадно

смотрел на море Дигби. Через некоторое время он крикнул:

- Вижу землю! Это английский берег. Олдборо.

- Командир - всему экипажу. Я могу приземлиться на запасном аэродроме в Менстоне или попытаюсь найти Уорли-Фен.

Около двух минут все молчали, потом Бинти несмело предложил:

- Давайте довезем Коэна домой. Через несколько минут Ламберт и Дигби увидели вертикально направленный луч прожектора.

Усталость как рукой сняло. Пользуясь только элеронами, Ламберт все ближе в ближе подводил "скрипучую

дверь" к аэродрому Уорли-Фен. Градус за градусом он вывел самолет на такой курс, который позволил начать

посадочный маневр за девять с половиной миль до аэродрома.

Ламберт управлял высотой полета посредством дросселей, позволяя самолету медленно терять высоту вместе с уменьшением скорости. Рули высоты по-прежнему не действовали.

- Мне понадобится весь твой вес, Мики, - сказал Ламберт, обращаясь к Бэттерсби.

Они медленно приближались к взлетно-посадочной полосе со светотехническим оборудованием.

Бэттерсби включил механизм выпуска шасси и, ко всеобщему облегчению, оно плавно встало на замки без каких-либо происшествий.

- Закрылки на двадцать градусов. Держитесь крепче за что-нибудь. Если хвост и отскочит, то только самый кончик. Смотрите не выскользните из самолета, - дал Ламберт несколько распоряжений подряд. Он вел самолет на высоте не более четырехсот футов над деревьями и продолжал снижаться. Вышка аэродрома Уорли-Фен поползла вверх и пронзила линию горизонта. Ламберт прилагал все силы, чтобы удержать штурвал. "Ну-ну, давай, "скрипучая дверь", не подведи, родная! Последний раз!"-взмолился Ламберт

про себя. Бэттерсби и Ламберт наваливались на штурвал с такой силой, что стали даже опасаться, не погнулся

бы металл.

Никто из них не произнес ни слова. Они уже прошли значительную часть полосы, но колеса еще не коснулись ее.

- Не могу посадить, не слушается! - пробормотал Ламберт. Продолжать лететь по такой глиссаде означало бы сильнейшее и

роковое столкновение с землей где-то за серединой аэродрома или еще хуже-в рощице за ним.

- Будь что будет, - сказал Ламберт и взял назад до отказа все рычаги управления двигателями.

"Скрипучая дверь" стукнулась о полосу, как кулак рассерженного человека о стол. Заскрипели заклепки.

Покрышки на колесах завизжали, как побитые собаки, и этот визг повторялся всякий раз, когда подпрыгивающий самолет разогретой резиной касался бетонированной полосы. Ламберт полностью выпустил

закрылки, но самолет все еще мчался прямо на деревья в дальнем конце полосы со скоростью шестьдесят миль в

час.

- Самолет качается! - крикнул Бэттерсби, но Ламберт уже заметил это и пытался уменьшить размахи качания.

В следующий момент началось невероятное, и все перемешалось, как в аду. Бэттерсби был совершенно уверен, что им не сесть на полосу, и тем не менее понимал, что они садятся. Все ниже и ниже. Самолет сильно

ударился и весь задрожал. По обоим бортам взметнулось яркое пламя. В окнах кабины замелькали желтые

искры. Раздался пронзительный визг и скрежет. Послышались звуки раздираемого металла. В сумасшедшем

ритме замелькали по сторонам дерева. Потом все звуки внезапно оборвались и наступила такая тишина, какой

они никогда раньше не ощущали. Дигби в какое-то мгновение даже показалось, что он умер. Потом слышались булькающие звуки вытекающего из поврежденных баков бензина, заскрипел согнувшийся и теперь оседающий металл. Запахло гарью и стооктановым бензином, остро ощущались сладковато-терпкие

запахи теплой крови и свежих ран.

Все молчали и не шевелились. Даже если бы самолет охватило огнем, вряд ли бы кто-нибудь из них пошевелился.

- Извините, ребята,- проговорил наконец Ламберт.- Вынужден был убрать шасси. Выбирайтесь из самолета как можно скорее, он может вспыхнуть. Бинти, Кошер с тобой?

- Да, командир. Мы вынесем его.

- Флэш?

- Да-да, командир. Фланаган не забыл? Ламберт протянул руку к косоглазой тряпичной кукле.

- Да, с Фланаган все в порядке, - сказал он. В последнее время Ламберт стал недолюбливать эту куклу.

В помещении для инструктажа каждому вернувшемуся из рейда члену экипажа давали по стаканчику рома.

Низкорослая девушка из женской вспомогательной службы, тщательно накрашенная и напудренная, протягивала каждому по чашке сладкого чая с молоком. Два летчика раздвигали шторы затемнения на окнах.

Небо на востоке стало бледно-розовым. За раскладными столами сидели офицеры и опрашивали возвратившиеся экипажи. Они торопливо записывали все, что говорили толпившиеся вокруг них летчики, которые по памяти воспроизводили все достойные внимания события в полете.

Их голоса звучали резко, а на чумазых лицах еще виднелись красные полосы от кислородных масок, напоминающие нарисованные улыбки на лицах грязных клоунов. Неожиданное осознание того, что они остались живы, действовало на них куда более возбуждающе, чем предписанный министерством авиации стаканчик рома.

Ламберт не уходил из помещения, хотя опрос возвратившихся уже закончился. Он всегда поджидал, но на этот раз его ожидания оказались напрасными. Никаких признаков возвращения Мики Мерфи или кого-нибудь

другого из экипажа Суита не было. Поеживаясь от холодного ночного воздуха, на предангарной бетонированной площадке, где обычно стоял самолет Суита, сгруппировалось шесть членов экипажа наземного

обслуживания этого бомбардировщика. На них были шерстяные подшлемники и длинные шарфы. Они глубоко

засунули руки в карманы курток и вынимали их оттуда лишь для того, чтобы закурить новую или еще раз зажечь потухшую сигарету. На бетоне под их ногами валялось множество растоптанных белых окурков.

Никто

не произносил ни слова, только кто-нибудь время от времени спрашивал, который теперь час. Наконец сержант

- специалист по двигателям, когда-то изучавший основной курс вместе с Мики Мерфи, - сказал:

- Пойдемте, ребята. Пора завтракать.

Они медленно пошли по аэродрому, глядя себе под ноги и надеясь не встретить никого из знакомых.

Гиммель последним из эскадрильи посадил свой истребитель на аэродром Кронсдейк. Вышедший из строя

двигатель доставил ему немало хлопот во время рулежки, но летчик ожидал этого и потому был готов.

Гиммель

подрулил к месту стоянки на большой скорости и с такой силой нажал ногой на левую тормозную педаль, что

машина неожиданно круто развернулась. Затем он выключил оба двигателя. Гирокомпас и гирогоризонт остановились с приятным музыкальным мурлыканьем, а остывающие двигатели слегка зазвенели.

Недалеко от

самолета стояла группа людей. Христиан Гиммель узнал среди них начальника медицинской службы и майора

Реденбахера. Дежурный офицер по командно-диспетчерскому пункту явно нервничал и торопливо выключил

огни на взлетно-посадочной полосе.

В дальнем конце аэродрома было оживленно. Светили карманные фонари и фары автомашин. По тому, как

беспокойно двигались их лучи, Гиммель понял, что происходит что-то необычное, что все куда-то торопятся.

- Что происходит? - спросил Гиммель механика из команды наземного обслуживания, когда спустился по стремянке на землю.

- Неудачная ночь, Христиан. Сбили обер-лейтенанта Лёвенгерца, а сейчас они полагают, что и лейтенант Кокке тоже погиб.

- Этот двигатель надо сменить, - сказал Гиммель механику. - Он сегодня отказал в самый разгар перехвата.

- Это не оттого, что на свечах было масло.

- Как раз от этого, - настоял Христиан, - клапаны тоже неисправны. Ты же слышал, как работает двигатель! Так или иначе, но командир эскадрильи приказал сменить двигатель, если он еще раз забарахлит.

- Хорошо, мы поставим новый двигатель, Христиан. Кстати, по телетайпу сообщили, что Лёвенгерц награжден Рыцарским крестом.

- А это точно, что Лёвенгерц погиб?

- Оператор на радиолокационной станции "Горностай" видел, как его самолет взорвался при падении в море. Говорят, будто его подбил снаряд с корабля противовоздушной обороны. Рыцарский крест ему должен

был вручить лично рейсхмаршал Геринг.

- А Кокке?

- Там сначала думали, что это его рация работала, однако никаких сообщений о том, что он где-нибудь сел, не получено, - ответил механик.

- Может, они еще появятся? - заметил Христиан.

- Тебя ждет командир авиационной эскадры, - предупредил механик Гиммеля. - И этот пожилой в штатском.

- Я знал, что они придут, - сказал Гиммель. - В моем шкафчике есть бутылка коньяку и купол от американского парашюта. Можешь взять их себе.

- Начальник медицинской службы тоже там, - продолжал механик.

- Да, он, конечно, хочет посмотреть, - сказал Гиммель. - В конце концов он ведь тоже человек.

Механик оглянулся через плечо, чтобы убедиться, что его никто не слышит.

- Ударь меня! - сказал он.

- Что?

- Ударь меня и беги. Ударь покрепче, чтобы это было убедительно.

- Спасибо, ты хороший друг, - сказал Гиммель и пошел к ожидавшей его группе людей.

Мунро очень легко посадил свой "ланкастер", будто это был не тяжелый самолет, а какое-то перышко.

Однако при всем его мастерстве спустившая покрывка колеса, ударившись о твердое бетонное покрытие на

скорости восемьдесят миль в час, сначала сплющилась, а затем разорвалась на длинные резиновые полосы.

"Ланкастер", описав правильную дугу, свернул с взлетно-посадочной полосы и, слегка накренившись на один

борт, почти невредимым остановился на мокрой от дождя траве. До обломков "скрипучей двери" оставалось не

больше двухсот ярдов.

- Экипажу можно сойти на землю! - нарочито четко произнес Мунро. Он снял кислородную маску, отключился от переговорного устройства, отстегнул привязные ремни, открыл замок подвесной системы парашюта и протянул руку за своей фуражкой и тростью.

- Вот это да, черт возьми! Посмотри-ка сюда, Джок. Мунро взмахнул обломком своей трости. Маленький осколок разломил ее

на две части. Мунро поморщился и решил, что больше никогда не будет брать с собой никаких талисманов.

Если бы перед тем, как совершить эту цирковую посадку, Мунро узнал, что трость его перебита, неизвестно,

удалась ли бы ему тогда посадка.

- Поздравляем, командир! - сказал Джок. - С отличной посадкой и окончанием рейда!

- Спасибо, - ответил Мунро.

Сержант Бинти Джонс позволил Флэшу Гордону вывести свой мотоцикл из котельной, куда он ставил его,

когда отправлялся в полет. Засунув в карман зубную щетку, Бинти помчался на мотоцикле на свидание с Роуз в Питерборо. Он повел мотоцикл по протоптанной летчиками тропинке позади столовой, чтобы кратчайшим путем попасть на шоссе. Бинти уже почти поравнялся с шедшим ему навстречу человеком, когда узнал его. Это был Мунро.

- Э-э, я вижу, некоторые из вас... - удивленно начал подполковник. - Куда это вы собрались?

Встреча для Бинти была слишком неожиданной, чтобы говорить неправду.

- В Питерборо, сэр.

- На свидание с женщиной? Да?

- Да, сэр, - ответил Бинти, не в состоянии скрыть волнения в голосе.

- А не подвезете ли вы меня на железнодорожную станцию Питерборо? - неожиданно вырвалось у Мунро.-

Я тогда успею на поезд. Хочу съездить домой.

Когда Ламберт пришел в раздевалку, там уже никого не было. Он открыл свой шкафчик. В это время появился Бэттерсби. Он вытер рот рукой и спросил:

- Ну как, ты доволен мной, командир?

Ламберт подмигнул ему.

- Лучше любого ветерана, Бэттерс. Бэттерсби радостно улыбнулся.

- Я звонил в лазарет, - сказал он.

- Я тоже звонил, Бэттерс.

- Я хотел там побыть, но они сказали, что никакой пользы от этого не будет. Они делают все возможное.

- Иди поспи, Бэттерс. Самое страшное осталось позади. Бэттерсби хотелось о многом спросить

Ламберта, но он лишь

улыбнулся и пошел к двери. Ламберт достал с полки свои ботинки и увидел в них групповую фотографию.

Все

парни на ней широко улыбались, будто бессмертные. Он засунул фотографию в шкаф и бросил туда же Фланаган.

Ламберт вышел из помещения и вывел свой велосипед. До деревни было всего десять минут езды. Ему нравились эти поездки. Кругом стояла тишина. От деревьев исходил пьянящий аромат. Иногда под ними раздавался негромкий шорох - это копошились маленькие зверьки. Во время таких поездок Ламберт поздравлял

себя с тем, что вернулся живым еще из одного рейда. Он прислонил велосипед к живой изгороди и, стараясь не

шуметь, вошел в дом.

Рут не спала. Она всегда ждала его возвращения. Ламберт догадывался, что она вообще никогда не спала, пока он находился в полете. Правда, он ни разу не спрашивал ее об этом. Не зажигая света, он медленно разделся. Луна, которая так ярко светила над голландским побережьем, здесь пряталась за легкие облака и

освещала комнату мрачно-голубоватым полусветом.

- Ну как, все в порядке, дорогой?

Ламберт ничего не ответил, и Рут поняла, что вылет закончился плохо. Вот так же он молчал в тот день, когда их обстреляли и убили штурмана. Ламберт лег в постель, вытянулся и долго лежал, как бревно.

"Будто

мертвый",- подумала Рут, но тут же отогнала эту мысль. Его кожа была шероховатой и холодной, а

дыхание -

почти беззвучным. Рут положила голову на плечо Ламберта. Он никак не отреагировал, но и не отодвинул плеча. Он вернулся из рейда, и уже за одно это надо быть благодарным судьбе. Тысячу раз умирают не только

трусы. Жены, матери и невесты тоже умирают тысячу раз.

- Коэн и Гримм, - выговорил наконец Ламберт. Он ничего не сказал о Мики.

Рут промолчала.

- Я ведь обещал его отцу, - сказал Ламберт.

- Он сам заставил тебя пообещать, - возразила Рут.

- Я обещал. Она хотела рассказать ему о разговоре с полковником, но не стала причинять еще одно огорчение.

- Не можешь же ты нести ответственность за всех за свете, Сэм, - сказала она. - Ты не должен...

- Я больше не полечу. Пусть делают что хотят, Рут. Я выдохся. Кончено. Капут.

Рут протянула руку к прикроватной тумбочке и достала снотворную таблетку для него. Он принял ее, как маленький ребенок, нисколько не интересуясь, что это такое и откуда взялось.

- В воскресенье тебе, пожалуй, лучше сыграть в крикет. В Лондон мы можем поехать на следующей неделе.

- Ты прелесть, Рут. - Он обнял ее и закрыл глаза, но очень долго еще не мог заснуть.

Примерно в то же время, когда Ламберт закрыл глаза, бургомистра нашли на пепелище его дома. Он собрал в кучу все уцелевшие кирпичи и пытался построить из них стены. Разумеется, он клал кирпичи без цемента, поэтому, когда подъехавший на велосипеде посыльный задел за стену, все сооружение развалилось,

как карточный домик. Бургомистр очень расстроился, и четырнадцатилетний посыльный стал помогать ему

восстанавливать стены. Прошел почти целый час, прежде чем мальчик понял, что бургомистр пытается по-

строить для себя маленький домик.

На площади Либефрау группа солдат из инженерных частей под руководством Рейтера дружно тянула такелажные снасти. С каждым новым рывком хвостовая секция "ланкастера" Суита поднималась все выше и

выше, пока, поддерживаемая со всех сторон подпорками, не вытянулась в центре города во всю свою длину. Ее

слегка покачивал порывистый ветер, тот самый, который так помог разгореться большим ночным пожарам.

Поднятая хвостовая секция напоминала какое-то доисторическое животное, подвешенное здесь для того, чтобы

смягчить гнев богов.

- Да здравствует победа! - воскликнул один из солдат, и его поддержали другие. Разбитый "ланкастер" Суита стоит здесь около недели, затем его переплавят, и через семь недель он поднимется в воздух уже как

немецкий самолет.

Радиолокационной станции люфтваффе "Горностай" повезло в этот день с почтой. Станция оказалась первой береговой частью люфтваффе на пути почты из Роттердама. В почте имелось письмо для Августа Баха.

Это было письмо от ювелира в Альтгартене - расписка в получении задатка и счет за свадебное кольцо. Как сообщал ювелир, свадебное кольцо - самый рискованный предмет из всех, которые продаются в кредит.

В комнате дежурного по аэродрому Уорли-Фен раздался телефонный звонок. Телефонистка сообщила дежурному сержанту:

- Мне нужно соединить вас с одним полицейским участком. На вашем командно-диспетчерском посту никто не отвечает.

- О'кей, - ответил старший сержант Бишоп, - соединяйте участок со мной.

- Аэродром королевских военно-воздушных сил Уорли-Фен? - раздался голос в трубке. - С вами говорит сержант Форд из полицейского участка Кембриджшира. У нас здесь авария. Столкнулись мотоцикл и грузовая

машина. Превышение скорости. Летели как сумасшедшие. Вот их имена...-Наступила пауза: полицейский листал лежащие у него на столе документы. - Мунро Джон - подполковник авиации. И Джонс Уильям Гаррет -

сержант. Вы знаете их?

- Я знаю подполковника Мунро, а что касается сержанта... У нас на аэродроме почти все сержанты.

- Хорошо. Я полагаю, что ваша военная полиция позвонит нам утром и сообщит решение командования. Кроме того, вам надлежит получить у нас поврежденный мотоцикл.

- Подождите, подождите, - сказал Бишоп, хитро улыбаясь самому себе. - Вы не имеете права задерживать до утра подполковника. Во всяком случае, не имеете права задерживать его за нарушение правил дорожного движения.

- О, извините. Мне надо было сказать поточнее. Они мертвы. Разбились насмерть. Наскочили на грузовую машину при скорости девяносто миль.

- О'кей, я передам это сообщение по дежурству, - ответил старший сержант и положил трубку.

Поднимавшееся от горизонта солнце гасило своими лучами немногие оставшиеся на небе звезды.

Ламберт

повернулся во сне, пробормотал что-то и тихо засмеялся. Он не разбудил жену, потому что она еще и не засыпала. Рут смотрела на мужа как мать на больного ребенка.

В лазарете два врача впервые за два с половиной часа разогнули спины и встали во весь рост. Вырвать сержанта Коэна из тисков смерти им так и не удалось.

В Альтгартене давно уже кончились бланки свидетельств о смерти, и власти начали использовать для этих целей листки из ученических тетрадей, предварительно поставив в их левом верхнем углу штамп ратуши.

Здесь

давно уже кончились не только бланки, по и бинты, кровь для переливания, лубки и шины, повязки для постра-

давших от огня, йод и морфий.

Неподалеку от Альтгартена находился единственный уцелевший член экипажа самолета Суита - штурман Билли Пэйс. Приземлился он, однако, не совсем удачно. Темные очертания густого леса он увидел всего за какую-то секунду до того, как опустился вместе с парашютом на деревья. Он сильно ударился ногой о сук.

Зацепившийся за верхушки деревьев купол парашюта резко приостановил падение. Острые ветки деревьев

глубоко поцарапали Билли. Затем раздался треск разрываемого полотна, в Билли опустился еще на несколько

футов, а потом остановился в подвешенном положении. В лесу было очень темно. Билли попробовал разглядеть

что-нибудь, но ничего не увидел. Нащупав в кармане спички, чиркнул одной, но пламя осветило лишь находившиеся рядом с его лицом ветки, а вокруг, казалось, стало еще темней. Он висел в таком положении три

долгих часа и многое передумал за это время. Наконец восходящее солнце дюйм за дюймом осветило темный

лес, и Билли увидел, что земля находится всего в пятнадцати - двадцати дюймах от его пяток. Он спрыгнул с

дерева. В этот момент мимо проходил лесник. От лесника Билли узнал, что этот небольшой лес примыкает к

отелю "Вальд". В сопровождении лесника Билли прошел в его сторожку и с помощью нескольких немецких

слов все ему объяснил.

Позади сторожки лесника Билли Пэйс увидел похожую на манекен застывшую фигуру. Маленькие руки были плотно прижаты к груди, как у защищающегося от ударов боксера, а обгоревший рот растянулся в дьявольской улыбке, обнажившей большие, ровные белые зубы. По обгоревшим коротко подстриженным усам

Пэйс узнал бомбардира Спика, который выбросился из "ланкастера" Суита без разрешения. Он опустился на

парашюте в охваченный пламенем лес.

Лесник разрешил Пэйсу посмотреть на погибшего.

- Камерад? - спросил он.

- Да, камерад, - ответил Пэйс и поспешил скрыться в сторожке, так как почувствовал, что его бросает в жар и холод.

Лесник дал Билли чашку горькой коричневой жидкости, которую назвал кофе, и, воспользовавшись телефоном, предназначенным для сообщений о лесных пожарах, вызвал в сторожку солдат охраны. Как объяснил лесник, ему, Билли, будет безопаснее идти по подвергшемуся бомбардировке городу с солдатами, чем

тащиться по нему одному. Билли показал леснику фотографию своей матери и задумался: скоро ли мать узнает,

что он попал в плен, а не убит в бою?

Как только на аэродром Уорли-Фен приземлился последний бомбардировщик, в подразделениях аэрофотослужбы началась напряженная работа. Из снятой с каждого бомбардировщика аэрофотокамеры F-24

извлекали длинные высокочувствительные фото пленки пятидюймовой ширины и проявляли их. Затем старший

сержант брал мокрую пленку и протаскивал ее через специальный ящик с подсветкой, чтобы проверить

эксиозицию и качество проявления. Он не заметил на пленках ничего необыкновенного. Ничего не заметили на них и другие фотолаборанты. Наконец лаборантка, капрал женской вспомогательной службы, повесила пленки

сушиться в специальной камере с вентилируемым подогретым воздухом.

Девушка разыскала глянцевую фотографию, сделанную во время предыдущих налетов на Крефельд, и, тщательно рассмотрев ее, перевела взгляд на свежие негативы. Она несколько минут сосредоточенно думала, прежде чем доложить свои выводы старшему сержанту. Девушке вовсе не хотелось оказаться в дураках перед ним.

- Старший сержант Бут, докладывает фотолаборатория. Налет произведен не на Крефельд, сэр. Я только что просмотрела все негативы. Расположение улиц и площадей совсем не такое, как в Крефельде. И вообще не

сходится ни один объект. Нет ни одного похожего объекта.

ЭПИЛОГ Некоторые совершенно забыли события той ночи 1943 года. Другие никогда не смогли забыть их, а многие просто не

остались в живых, чтобы помнить. Погибли не только Лёвенгерц, Кокке и Суит со своими экипажами. Потери люфтваффе в эту ночь составили восемь ночных истребителей. Королевские военно-воздушные силы потеряли сорок четыре бомбардировщика. Тридцать один из них сбили

ночные истребители, девять погибло от зенитного огня, и еще один был сбит английским же ночным истребителем, который ошибочно принял его за самолет противника как раз в тот момент, когда бомбардировщик пролетал над английским побережьем в сорока милях южнее района, предусмотренного

планом операции. Три бомбардировщика допустили роковую навигационную ошибку. Один, снижаясь, прошел через облака и разбился о скалу возле Ставангера в Норвегии. У другого кончилось горючее, когда он находился в ста шестидесяти милях восточнее Оркнейских островов. Еще один упал во Франции: его сбили из зенитных орудий.

Экипажи всех этих самолетов погибли.

Август Бах теперь совсем седой старик с глубокими морщинами на лице. Его сына, эсэсовца Петера, вскоре после налета на Альтгартен повысили в чине и должности. Четырьмя днями позже, когда его часть отдыхала позади линии фронта, их обстреляли партизаны, и он умер от ран. После войны Август уехал в Бразилию, женился там на местной женщине, и у них родились два сына и дочь. Он начал работать на небольшом предприятии, строившем моторные катера для рыболовов-любителей, главным образом из Соединенных Штатов. Спустя четыре года хозяин предприятия принял Баха в пайщики, а через несколько месяцев после этого Бах стал полноправным совладельцем, поскольку пожилой хозяин совершенно устранился

от дел. Бах к этому времени тоже был уже пожилым человеком, но он привлек к делу своего старшего сына и

мужа дочери, и их предприятие с каждым годом расширялось.

На том месте, где находилась радиолокационная станция "Горностай", от самой станции не осталось и следа. Только бетонированные площадки для зенитных орудий сохранились до сих пор. Летом, по воскресным

дням, туда иногда приезжают голландцы - любители птиц, но цапель теперь там не бывает.

Христиан Гиммель был казнен за государственную измену в понедельник 13 сентября 1943 года.

Доктора Штаркхофа арестовали за участие в политическом заговоре и попытке совершить убийство Гитлера 20 июля 1944 года. Штаркхофу удалось доказать свою невиновность и таким образом избежать смертного приговора, однако его все же заключили в концентрационный лагерь. Через три месяца после освобождения лагеря американскими войсками Штаркхоф умер.

Бургомистр попал в дом для умалишенных и умер там еще до окончания войны.

Ламберт больше не летал. Рут забеременела, уволилась из женской вспомогательной службы королевских военно-воздушных сил в все остальное время войны не разлучалась с мужем. После войны Ламберт начал работать чертежником на авиационном заводе. В 1954 году он получил патент на модификацию компрессора и

стал компаньоном по его производству. Он счастлив и относительно богат, однако его, как и многих бывших летчиков-бомбардировщиков, иногда беспокоят боли в спине. У Ламбертов родились дочь и два сына. Бэттерсби, Флэша Гордона и Дигби включили в экипаж другого бомбардировщика. Когда они закончили цикл боевых вылетов, их перевели в учебное подразделение, а затем, еще до окончания войны, возвратили еще для четырех вылетов второго цикла. В последнем из этих вылетов их самолет подвергся ожесточенному обстрелу. Флэш Гордон был ранен в левую руку, и ее пришлось ампутировать. Многие турельные установки на "ланкастерах" были оборудованы смотровым щитком свободного обзора. Командир базы добился в министерстве авиации, чтобы щитку присвоили название "смотровой щиток Суита". Бэттерсби женился на девушке-водителе из женской вспомогательной службы, с которой он познакомился в ту памятную ночь. После войны он поступил в Лондонский университет, как и планировал его отец, но, к немалому удивлению последнего, стал изучать английскую средневековую историю. Позже он написал книгу о средневековых фортификационных сооружениях, а в настоящее время читает курс лекций в крупном американском университете. Дигби возвратился в Австралию. Он возглавляет австралийское агентство одного из английских производителей легких самолетов. Разъезжая по стране, он продает эти самолеты фермерам, убеждая их, что уж если он, Дигби, научился управлять таким самолетом, то им сможет управлять каждый. Бывает, что какой-нибудь дотошный покупатель спросит его, не служил ли он во время войны в военно-воздушных силах, но Дигби настойчиво повторяет, что в те времена был еще слишком молод, чтобы участвовать в военных действиях. Теперь он совершенно лысый и носит парик. Оба родителя Коэна умерли в 1948 году один за другим в течение трех месяцев. Нора Эштон продолжает жить со своей матерью в домике рядом с домом Кознов. Она весьма удивляет некоторых людей тем, что до сих пор не выходит замуж, хотя всем известно, что ей было сделано множество предложений. Взлетно-посадочные полосы аэродрома Уорли-Фен еще сохранились, хотя увидеть их довольно трудно, так как теперь здесь раскинулось поле. Сохранились здесь и некоторые старые постройки. Барак, где находился лазарет и где скончался Коэн, стал теперь загоном для овец, а из окон помещения, в котором когда-то была сержантская столовая, теперь доносится хрюканье множества свиней. Лишь командно-диспетчерская вышка мало изменилась и сохранилась почти в прежнем виде.